

«Война — одно из средств для поддержания мира»

— Мантия, Пятая Книга Толкований, Числа Дидакта.

История предтечей — история моего народа — была рассказана много раз и с большой долей идеализации, и не все можно признать правдой. Некоторые рассказы фактически верны, некоторые нет.

Предтечи стояли выше всех других империй и были мощной цивилизацией, почти сверх всякой меры. Наша Ойкумена насчитывала три миллиона плодородных миров. Мы достигли небывалых высот в технологии и знаниях, и по крайней мере со времен прекурсоров, нам не было равных. Некоторые говорили, что прекурсоры создали нас по своему образу и подобию и возложили на нас обязанность вершить судьбы галактики. Правда ли это? Судить вам, нашим потомкам.

Это первая из трех историй о моем народе — история о путешествиях, отваге, предательстве и о судьбах. О моей судьбе — судьбе глупого молодого предтечи, которая в одну ночь была соединена с судьбами двух людей и одного великого полководца... Ночь, соединившая нас вместе обстоятельствами, которые вызвала новая волна отвратительного Потопа.

GREG BEAR

© Kirill2009, перевод, 2013
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42

Глава 1

СОЛ• С ИДОМА ДО ЭРДЕ-ТАЙРИН

Экипаж лодки остановил паровой двигатель и поднял трубы каллиопа из воды. Звуки в пузырящейся воде затихли серией щелчков и печальных стонов — это не работало с самого начала нашего плаванья.

В двадцати километрах возвышался центральный пик Джаманкин, весь в серо-голубой дымке, одетый в румяное золото последних лучей заходящего солнца. Взошла луна, отбрасывая позади нашей лодки яркие и холодные тени. Внутренний кратер, где располагалось озеро, стал рифленным, как на старинной гравюре. Вокруг корпуса лодки не было даже намека на волнение — полный штиль. И ветер затих где-то на ближайшем берегу. Ничто не нарушало спокойствия воды. Стало видно, как под водой нашу лодку обвивают щупальца, искрящиеся в отражение заката солнца и восходящей луны: мерс скручивал свои стебли. Они напоминали лилии в пруду моей матери. Эти лилии были, однако, не простыми цветами, а гигантскими плотоядными растениями, растущими на мелководьях и имевшими гибкие стебли десяти метров. На конце утолщенные стебли заканчивались огромными мышечными пастями гигантских, длиннее моего предплечья, мухоловок в оправе черных зубов.

Мы проплывали над садом бурно клонировавших себя монстров, которые покрывали все дно затопленного кратера, прячась под поверхностью воды и очень ревниво оберегая свою территорию. Только лодки, оборудованные каллиопом со специально подобранными мелодиями, или, как говорили дикари, лодки, умевшие петь песни, успокаивали мерс. Только такие лодки можно было использовать, чтобы пересечь озеро, сохранив свою жизнь. И вот теперь, как оказалось, наши песни на них не действовали.

Молодой человек по имени Чакос пересек палубу, снял свою шляпу из пальмовых листьев и покачал головой. Мы стояли бок о бок и смотрели через борт, наблюдая, как мерс, корчась в голодных муках, уже открыл свои огромные пасти. Чакос был практически голый, с красивой бронзовой кожей, и он, как ни странно, полностью отличался от звериного образа людей, внушенного мне моими наставниками.

Чакос пробормотал в смятении:

— Они клянутся, что используют новейшие песни, — пробормотал он.
— Мы не должны дальше плыть, пока они не разберутся с этим.

Я посмотрел на экипаж.

— Вы заверили меня, что они лучшие, — напомнил я.

Он взглянул на меня глазами цвета полированного оникса и провел рукой по черным волосам, которые свисали у него до самой шеи:

— Мой отец знал их отцов.

— Вы доверяете своему отцу? — спросил я.

— Конечно, — сказал он.

— А я не видел моего настоящего отца в течение трех лет.

— Это печально. Почему? — спросил молодой человек.

— Он отослал меня туда, — я указал на яркую красновато-коричневую точку в черном небе, — чтобы научить дисциплине.

— *Тсс!* — прошептал флориан, продвигаясь к нам с кормы лодки. Он был представителем другой расы людей, вполнину меньше Чакоса в высоту.

Я никогда не знал, что расы людей, столь различные внешне, имеют одинаковый уровень интеллекта. Его голос был тихим, и он делал какие-то знаки пальцами. От волнения он говорил слишком быстро, чтобы что-то понять.

Чакос перевел:

— Он говорит, что вам нужно снять броню. Это волнует мерс.

Я никогда это не приветствую. Предтечи всех возрастов носят броню на протяжении большей части своей жизни. Броня защищает нас не только физически. В чрезвычайных ситуациях или при серьезных ранениях она может приостановить жизненные функции предтечи до прихода спасения, и броня может обеспечить питание организма на какое-то время. Броня позволяет подключаться к Домену знаний, из которого можно получать любой ресурс знаний предтечей. Броня является одной из главных причин того, что предтечи живут так долго. Она может также нести в себе искусственный интеллект, предтечи используют его качестве друга и советника.

Я, например, в своей броне использую Искусственный Интеллект по имени Анцель, она отображается в части моих мыслей в виде небольшой голубоватой фигурки.

— Этого следовало ожидать, — сказала она мне. — Электрические и магнитные поля, кроме естественного поля на данной планете, приводят эти организмы в ярость. Именно поэтому лодка оснащена примитивной паровой машиной.

Она заверила меня, что броня не имеет никакой ценности для человека и что во всяком случае сможет защититься от ее неправильного использования. В это время остальные члены экипажа с интересом наблюдали за мной.

Я почувствовал неуверенность. К тому же, сняв броню, я остался бы, простите меня, голым или почти что голым. Однако мне удалось убедить себя, что это может только усилить вкус приключений.

Флориан дал мне пару сандалий из тростника и пакли, используемой для устранения утечек в лодке.

Из всех детей моего отца я был самым неисправимым. Само по себе это не было плохо или даже необычно. Манипулары в молодости часто

высказывают несогласие со штампами воспитания, в котором дисциплина стоит на первом месте. Но я превзошел даже это!

Испытывая достаточное терпение моего отца, я отказался продвигаться по любому из надлежащих путей предтечи: интенсивное обучение с полной отдачей и курсом на дело всей нашей семьи; мутации к следующей форме предтечей и, как следствие, возвышение в зените зрелости — все это не привлекало меня. Я был гораздо больше заинтересован в поисках приключений и сокровищ прошлого. Эта слава сияла так ярко, на мой взгляд, что настоящее казалось пустым и серым.

Итак, в конце моего шестого года обучения, разочарованный моим невыносимым упрямством, отец отдал меня в приемную семью в другой части галактики, вдали от комплекса Ориона, где я родился и вырос.

В последние три года система из восьми планет вокруг небольшой желтой звезды, и, в частности, четвертая — мир красной пустыни, называемая Идом, стала моим домом. Изгнание? Я называю это побегом. Я знал: моя судьба в другом.

Когда я приехал на Идом, мой новый отец, следуя традициям, оборудовал мою броню одним из своих собственных ИИ, чтобы обучать меня традициям новой семьи. Сначала я подумал, что Анцель будет наиболее неприятным лицом моего перевоспитания и еще одним стальным ошейником на моей шее. Но она оказалась чем-то совершенно иным, — в отличие от любой другой анциллы, которых я когда-либо видел.

Во время моего обучения она обрисовала мой грубый бунт как глупость, заставив меня вернуться к своим корням, и показала мне новый мир и новую семью в ясном свете.

— Вы Строитель, но вас отправили жить среди Шахтеров, — говорила она мне. — Каста Горняков стоит ниже Строителей, но они являются разумными, гордыми и сильными. Шахтеры знают, как добыть сырье, знают внутренние строения миров. Уважайте их, и они будут относиться к вам хорошо, научат вас всему, что они знают, и вы вернетесь в вашу семью со всеми знаниями и навыками, необходимыми Манипуляру.

После двух лет безупречной службы, в целом направляя мое перевоспитания в нужное русло, она в то же время освобождала меня от отупляющего, скучного существования, своим определенным остроумием в ответах на мои вопросы. Ее ответы всегда застигали меня врасплох.

Неожиданно, в ответ на вопросы о моей новой семье Анцель открыла доступ ко всем архивам, со всеми записями и библиотеками, и полный доступ к любой информации всех членов семьи, возможно бесполезной, но тем не менее древней и неясной.

— Шахтеры, как вы знаете, ведут много глубоких разведок планет. Сокровища, как вы это называете, часто встречается на их пути. Они описывают артефакты, решают вопросы с соответствующими органами и двигаются дальше. Они не любопытны, но их записи *очень* интересны.

Я провел много счастливых часов над изучением старых записей и узнал гораздо больше об артефактах прекурсоров, а также много фактов из археологической истории предтеч. Там было то, что я всегда хотел найти. Записи обескураживали, но не всегда содержали реальные доказательства, и, что странно, из всего этого не было сделано правильных выводов.

В один сухой и пыльный день, когда я поднялся на пологий склон большого вулкана Идома, воображая, что в кальдере было спрятано несколько великолепных артефактов, находка которых реабилитировала бы меня в глазах моей семьи и оправдало мое существование, Анцель преподнесла мне в своей шокирующей манере одну историю.

Она призналась, что когда-то, тысячи лет назад, была частью свиты Лайбрериан (о чем я был в полном неведении).

Конечно же, я знал о величайшем Биоинженере всех времен. Биоинженеры — специалисты в жизнедеятельности всего живого в галактике. Их каста рангом ниже Строителей и Горняков, но чуть выше касты Воинов. Высшим рангом у Биоинженеров являлись Биоскульпторы. Лайбрериан была одним из трех Биоинженеров, когда-либо были удостоенных этого звания.

Память Анцель о ее службы с Лайбрериан была якобы удалена, когда анциллу передали в мою новую семью, но теперь, память полностью восстановилась, и Анцель готова кое-что мне поведать.

Она рассказала:

— Всего в нескольких часах пути от Идома существует мир, где вы можете найти то, что ищете. Девять тысяч лет назад Лайбрериан создала научно-исследовательскую станцию в этой системе. До сих пор эта тема обсуждается Шахтерами, которые, конечно, не одобряют строительства станции. Но жизнь всегда гораздо больше, чем скользкие камни и вонючие газы.

Эта станция была расположена на третьей планете системы, известной как Эрде-Тайрин — место, где проживают несколько последних деградировавших *человеческих* видов.

Анцель сообщила мне, что раз в несколько месяцев от Идома до Эрде-Тайрин летает корабль.

Позже с ее помощью я проделал длинный путь через лабиринт коридоров и туннелей до платформы доставки. Сел в тесный корабль, сбросил код обнаружения, чтобы скрыть мое присутствие, и полетел прочь, к Эрде-Тайрин.

Теперь я стал гораздо больше, чем просто мятежный Манипулар. Я стал угонщиком, пиратом... и был удивлен, насколько легко и просто это было сделать! Может быть, слишком просто.

Тем не менее я не мог себе даже представить, что Анцель приведет меня в ловушку. Это противоречит их конструкции, их программе... их природе. Анцель, или по-другому ИИ типа анцилла, служили своим хозяевам добросовестно и во все времена.

Единственное, чего я не мог предугадать, — то, что я не ее хозяин и никогда им не был.

Я неохотно снял броню с туловища, затем с плеч и рук, освободил ноги и снял сапоги. Тонкий бледный пушок на руках и ногах заколыхался на ветру. Моя шея и уши внезапно зачесались. Затем зачесалось все тело, и мне пришлось *заставить* себя игнорировать этот древний инстинкт.

Броня, приняв свободную форму, лежала на палубу. Я задался вопросом: «Анцель сейчас перешла в спящее состояние или же она будет продолжать работу с ее собственными внутренними процессами?» (Это был первый раз в течение трех лет, когда я был без ее руководства.)

— Хорошо, — сказал Чакос. — Экипаж будет держать ее в безопасности.

— Я уверен в вас, — сказал я.

— Будете разговаривать громко — продолжи он низким шепотом, — мерс может напасть и перевернуть лодку. Он ненавидит многие вещи, но особенно ненавидел лишний шум.

Чакос и флориан немного поговорили на родном языке и вскарабкались на нос лодки, где присоединились к пяти членам экипажа, которые уже были там.

Чакос вернулся, покачивая головой:

— Они собираются попробовать записи некоторых песен с трех прошлых лун, — сказал он. — Мерс редко придумывает новые мелодии. Это своего рода цикл.

Лодка дала резкий крен, примерно на половину оси мачты. Я бросился на палубу рядом с моей броней.

По рассказам Чакоса, он слышал странные рассказы о древних запретных зонах и таинственных структурах внутри кратера Джаманкин.

Мои же исследования файлов Шахтеров привели меня к мысли, что это был неплохой шанс найти на Эрде-Тайрин настоящее и, возможно, наиболее значимое сокровище — Органон, устройство, которое может активировать все артефакты прекурсоров!

После прогулок в шестьдесят световых лет тривиальное путешествие в сто миллионов километров... Я никогда не был так близко к своей конечной цели.

Мерс вырвал кусок обшивки с правого борта, и из пробоины хлынули потоки серо-фиолетовой воды. Я услышал, как длинные черные зубы вгрызаются в деревянный корпус нашей лодки.

Путешествие с Идома до Эрде-Тайрин продолжалось сорок восемь часов и было долгим и скучным. Вход в пространство скольжения ИИ корабля

расценила как нецелесообразным для рутинной поездки на такое короткое расстояние.

На первый взгляд планета казалась светящимся самоцветом и смешением зеленого, коричневого и голубого цвета. Большая часть северного полушария была покрыта ледниками и затянута облаками. Третья планета переживала период глубокого охлаждения и бурного роста ледников. По сравнению с Идом, уже давно ставшей пустыней, Эрде-Тайрин была просто раем.

Жаль, конечно, но эта планета принадлежала людям. Я попросил Анцель дать информацию о планете, откуда происходила цивилизация людей. Она ответила, что, по исследованиям предтечей, раса людей, действительно, впервые возникла на Эрде-Тайрин, но пятьдесят тысяч лет назад, развившись до параметров межзвездной цивилизации, покинула планету, расположившись вдоль одного из галактических рукавов. Возможно, люди хотели избежать контроля предтечей, хотя записи из тех времен были очень редкими и запутанными.

Судно приземлилось на основную научно-исследовательскую станцию к северу от Маронтика, столицы крупнейшего человеческого сообщества. Станция была автоматизирована и пуста, на ней не было никого, за исключением семей лемуров, которые облюбовали для гнездовий давно заброшенные казармы. Казалось, все остальные цивилизации забыли об этом месте. Я был единственным предтечей на планете, и это было хорошо.

Я отправился пешком через прерии и прибыл в город еще до полудня.

Маронтик, расположенный в месте слияния двух больших рек, был построен не по стандартам предтечей. Деревянные лачуги в три-четыре этажа были расположены по обе стороны улиц аллей, извилистых и идущих без определенного направления. Эта коллекция примитивных домов распространялась на десятки квадратных километров. Молодому предтече было бы легко здесь заблудиться, но Анцель вела меня с безошибочным мастерством.

Я бродил по улицам в течение нескольких часов, привлекая незначительное любопытство жителей, но не более того. Лишь один раз, когда я проходил мимо дома с открытой дверью, откуда доносились резкие, зловредные запахи, толпа мальчишек в лохмотьях вывалилась сквозь дверь и окружила меня, скандируя какую-то дразнилку на родном языке, из которой я понял только что-то про древних королей и королев, которые ждали веками.

Хотя у меня возникло смутное подозрение о чем-то обидном, я проигнорировал мальчишек. Они ушли, но после этого я уже не чувствовал себя в безопасности. Казалось, эти грубо одетые, непричесанные, шаркающие существа были недостойны даже жалости. Все это не беспокоило Анцель. Здесь, по ее словам, существует генетическая настороженность по отношению к незнакомцам, и предтечи не являются исключением.

В небе над Маронтиком плавали примитивные дирижабли всех размеров и цветов, некоторые были ужасны по своей сути. Десятки красных, зеленых и синих воздушных шаров были связаны друг с другом, под которыми висели

большие платформы, плетенные из речного тростника, переполненные торговцами; нижняя часть платформ была забита животными, которым, как я предположил, суждено стать пищей. Люди ели мясо!

Воздушные шары с платформами также являлись регулярным средством передвижения. Анцель велела мне заплатить за проезд в центр города. Я сказал, что у меня нет человеческих денег, но она повела меня к близлежащему дому, который, как я понял, являлся станцией для передвижения на дирижаблях.

Я взошел на возвышение и отдал плату за проезд скептически настроенному агенту, который осмотрел наши древние деньги с презрением. Его узкое лицо и стремительные глаза-бусинки были омрачены. Только поговорив с коллегой, скрытым в плетеной корзине, он принял мой платеж и позволил мне подняться на борт.

Поездка заняла час. Воздушный шар прибыл в центр города уже с наступлением ночи. На улицах зажглись фонари и замаячили длинные тени.

Анцель сообщила мне, что на крупнейшем рынке Маронтика, были люди, которые в прошлые годы работали проводниками; некоторые из них все еще могут знать маршруты в места, окруженные легендами. Вскоре все люди будут спать (состояние, в котором у меня было мало опыта), поэтому нам пришлось поторопиться.

— Если вы ищете приключение, — сказала она, — то здесь, скорее всего, его найдете, но, чтобы выжить в поисках, нужен проводник с опытом.

Я был окружен человеческими неприятными запахами. В бессвязных кривых улицах, которые служили еще и сточными канавами, я нашел дом с каменным фасадом, спрятанный в тени больших деревьев. Дом, освещенный лишь одним фонарем, свисающим с крючка над дверью. Чрезвычайно толстая женщина, облаченная в свободную одежду из белой ткани, неприлично чистая, смотрела на меня с открытым подозрением. Сделав несколько денежных предложений, она взяла небольшую сумму и повела меня через арку к молодому члену их гильдии, который, по ее словам, может помочь мне.

— Ищите сокровища на Эрде-Тайрин, молодой предтеча, — добавила она приятным баритоном, — а я найду мальчика для вас.

Именно здесь, во влажной тени тростниковой хижины, я впервые встретил Чакоса. Мое первое впечатление от полуголого человека с бронзовой кожей и жирной копной черных волос не было благоприятным. Он посмотрел на меня, как если бы мы встречались раньше или, возможно, он искал слабое место в моей броне.

— Я люблю поиск и открытие тайн, — сказал Чакос. — Я тоже ищу потерянные сокровища. Это моя страсть! Мы будем друзьями или нет?

Я знал, что люди, как представители низших существ, лживы и хитры. Тем не менее у меня не было других вариантов: мои ресурсы уже были на пределе.

Несколько часов спустя он повел меня по черным, как смоль, улицам в другой район и познакомил меня со своим партнером, флорианом-проводником. Это был представителем другой расы людей, называемой хэйменум. Окруженный толпой молодежи, флориан доедал свой ужин, состоявший из фруктов и, как мне показалось, бесформенного куска сырого мяса.

Флориан сказал, что его предки когда-то посещали кольцевой остров в центре большого, залитого водой кратера. Они называли его «Воды Большого Человека».

— Там, — сказал он, — еще много древних артефактов.

— Артефактов прекурсоров? — спросил я.

— Кто это?

— Древняя раса, они были перед предтечами.

— Может быть. Очень старые...

Флориан хитро посмотрел меня и похлопал себя по губам тыльной стороной ладони.

— Органон? — спросил я.

Ни Чакос, ни флориан не были знакомы с этим названием, но не исключали такой возможности.

Экипаж открыл люк в отделение каллиопа. Хэйменум маленького роста, едва достигающий уровня моей талии, с помощью своих маленьких и ловких пальцев вставлял различные деревянные колышки в карманы регистров. Составив набор на пульте, соединив вместе несколько трактур, включил механизм каллиопа. Трубы, которые вещают музыку в воде, отозвались. Проверив еще несколько трубок, он сказал, что все работает.

Чакос пошел на корму, по-прежнему беспокоясь.

— Музыка успокоит дикие цветы, — сказал хэйменум, прижав мозолистые пальцы к губам. — Надо подождать.

Пришел флориан и сел на корточки рядом с нами.

В моих поисках сокровищ я сосредоточил свои исследования на старых записях предтечей, и то немного, что я узнал о человеческой истории, не давало мне чувствовать себя комфортно среди моих проводников.

Десять тысяч лет назад люди вели войну против предтечей и проиграли. Очаги человеческой цивилизации были уничтожены: то ли, в качестве наказания, то ли, что более вероятно, потому, что люди были представителями насильственных видов. Но Лайблериан по каким-то причинам оказала поддержку человеческой цивилизации. Анцель объяснила, что это покаяние. Здесь записи были расплывчатыми: Совет выделил планету

Эрде-Тайрин, и Лайбрериан перевезла туда последних представителей людей. Я не мог сказать точно, что является правдой, а что нет.

С этого времени, на протяжении более девяти тысяч лет, около двадцати рас людей мигрировали и, наконец, образовали некое подобие цивилизации в этом водянистом мире. Краснокожие хаски и коричневые ктэмэнун ушли к северным широтам, обогнув массив шельфового льда. Эти дети ледяных пустынь одевались в жесткие ткани и меха. Недалеко от внутреннего моря, за горной цепью, тощие, гибкие бэсшумэнун охотились в экваториальных лугах и скрывались в колючих деревьях, от нападений хищников. Некоторые расы, такие как хамануши и хэйменумы, решили построить города, как будто из всех сил пытались возродить былое величие.

Из-за сильного сходства в нашей генетической структуре некоторые мудрецы высказывали мысли, что люди могут быть нашими братьями, а также генетическими приемниками прекурсоров. Лайбрериан была полна решимости протестировать эти теории.

На палубе мы сидели рядом, подальше от низких железных тросов. Мерс издавал гнусный свистящий шум и брызгал струями воды. От брызг пахло сгнившими водорослями. При первом взгляде существа, которые окружали нашу лодку, были очень похожи на немного более продвинутый вид этих организмов, которые жили за стеклянными стенами дворца моего нового отца на рыжем пятне Идома. Они также передавали друг другу, некое подобие музыкальных шумов.

В редких случаях океан волновался кроткими, на несколько недель, морскими войнами, после чего клочья блестящей плоти выбрасывало на берег...

Может быть, это что-то больше, чем мог себе представить молодой Манипулар. Лайбрериан, наверное, имела причины поселить мерс в кратере Джаманкин, возможно для разрешения биологических загадок.

Как мне показалась, напор мерса на нашу лодку стал медленно ослабевать.

Свет Луны и звезд в какое-то время стал меркнуть. Туман заполнил чашу кратера от края до края.

Чакос утверждал, что он слышит плеск волн на пляже.

— Мерс затихнет сейчас... Я так думаю, — добавил он с надеждой.

Я встал, чтобы надеть мою броню, но высокий и сильный на вид человек, меня остановил. Чакос покачал головой.

Экипаж решил, что пришло время; запустили двигатель и опустили винт в воду. Мы снова стали двигаться вперед. С моего места, из-за железных тросов, видно было немного, и тем немногим, что я смог разглядеть, была спокойная вода с маленькими вспышками фосфоресценции.

Чакос и флориан стали читать человеческие молитвы. Флориан молился так складно, что это напоминало мне пение птиц. Если бы я был верен своему воспитанию, то, наверное, тоже должен был молиться, созерцая в себе Мантию, тихо повторять «Двенадцать Законов Создания и Перемещения».

Но я был так близок к своей мечте, что мои мысли были направлены в другую сторону. Мысленно я уже ходил по пустынному пляжу вокруг священного острова в середине старого астероидного кратера, затопленного много веков назад водой.

Вызов, тайна, опасности и необузданная красота — это все стоит моего стыда, — так чувствовал и думал я в то время...

Капитан нашей посудины, пришел на корму, и сказал с большой уверенностью:

— Мерс думает, что мы одни из них. Мы достигнем берега менее чем за одну вспышку.

Люди считали время, используя фитили пропитанные воском: связанные на них узлы вспыхивают при подходе пламени. Двое из экипажа взяли фонари на длинных грубых палках.

В тумане что-то большое столкнулась с лодкой. Сначала лодка накренилась, но вскоре стабилизировалась, и осталось только небольшое качание кормы. Чакос вскочил на ноги, улыбаясь от уха до уха:

— Это наш пляж.

Экипаж сбросил доску-трап на черный песок. Флориан сошел на берег в первую очередь. Он стал танцевать на пляже, щелкая пальцами.

— Тише! — сказал Чакос.

Я опять попытался получить мои доспехи, и снова громила из экипажа заблокировали мне путь. Два других человека медленно взяли меня за руки и подвели к Чакосу. Он пожал плечами и сказал мне:

— Они боятся, что даже с берега это может вызвать гнев мерса.

Выбора у меня не было. Они могли убить меня, если захотели бы. Экипаж остался на лодке, там же я оставил свою броню. Как только мы высадились на берег, лодка отошла от берега, оставив нас в темноте. У нас, кроме трех небольших мешков с человеческой пищей, не было ничего.

— Они вернутся через три дня, — сказал Чакос. — У нас много времени на поиски.

Когда лодка уплыла и мы больше не могли слышать урчание ее паровых насосов, флориан потанцевал еще немного. Ясно, что он был в восторге от возможности снова ходить по песку острова Джаманкин.

— Остров скрывает многое! Не слушать этого неудачника, — сказал он, смеясь указывая на Чакоса. — Мальчик ничего не знает. Ищите сокровища и умрите, если пойдете не туда, куда иду я.

Флориан, надув выразительные розовые губы и подняв руки над головой, провел большим и указательным пальцем круг.

Чакос посмотрев на флориана, сказал:

— Он прав. Я ничего не знаю об этом месте.

Я почувствовал большое облегчение, когда мы прошли мерс, но после этих слов во мне появилось некоторое раздражение. Я знал: людям нельзя доверять, как деградированным формам, в этом нет никаких сомнений. Но что-то я тогда почувствовал на этом пляже.

Мы прошли в глубь острова на несколько метров и сели на камень, сырой и холодный.

— Во-первых, скажите, зачем вы здесь на самом деле? — спросил Чакос. — Расскажите нам о предтечах и прекурсорах.

В темноте я ничего не видел дальше пальм, но за пределами пляжа было странное слабое свечение.

— Прекурсоры были мощной цивилизацией. Они сумели соединить много миров. Предтечи, как говорят, переняли у них свой образ жизни. Даже название *предтечи* мы дали себе, подразумевая мимолетное, непостоянное место в Мантии, признание того, что мы будем всего лишь этапом в управлении жизни во вселенной. Другие придут после нас. Другие и лучше нас!

— Мы? — спросил флориан. — Люди?

Я отрицательно покачал головой, не желая поощрять эту историю: в это нельзя было поверить.

— Я здесь, чтобы узнать, почему ушли прекурсоры, — продолжал я, — и, возможно, найти центр их власти, их мощи, их интеллекта.

— О! — сказал Чакос, — ты здесь, чтобы найти большой подарок твоему отцу?

— Я здесь, чтобы учиться.

— Или чтобы доказать, что ты не дурак, — усмехнулся Чакос, открывая сумку и раздавая маленькие рулоны черного хлеба с рыбьим жиром. Я стал есть. Всю жизнь, другие называли меня дураком, но было особенно обидно, когда один из деградировавших животных пришел к тому же выводу.

Я бросил гальку в сторону тьмы:

— Когда мы начинаем искать?

— Слишком темно. Начнем с рассветом, — сказал флориан.

Он, собрав сухой травы и полусгнившие куски дерева, развел костер. Чакос, казалось, задремал. Потом он проснулся и улыбнулся мне, зевнул и потянулся, посмотрев на озеро.

— Предтечи никогда не спят, — отметил он.

Это было бы верно, если бы я был в броне.

— Ночи тоскуют по тебе... Нет? — спросил флориан. Он закатал куски хлеба с рыбьим жиром в круглые шарики и положил их в линию на ровную стеклянную поверхность черного камня. Теперь он брал их и одну за другой, клал в рот, чмокая широкими губами.

— Так лучше? — спросил я.

Он сделал серьезное лицо.

— Рыбный хлеб воняет, — ответил он. — Фруктовый хлеб, лучше.

Туман стал подниматься, но пасмурная ночь все еще лежал на дне кратера. Рассвет не заставил себя долго ждать. Я лег на спину и посмотрел на седеющее небо. Я был дурак, я предал себя как Манипулара, но был спокоен. Я сделал то, что всегда мечтал сделать.

— *Дао-Маад*, — произнес я. Люди подняли брови, и это сделало их похожими на братьев. *Дао-Маад* был человеческим термином для обозначения бесконечности пространства вселенной.

— Вы знаете об этом? — спросил Чакос.

— Моя анцилла научила меня.

— Это голос в его одежде, — сказал флориан Чакосу. — Женский.

— Она красивая?

— Не могу сказать, — ответил я.

Флориан закончил есть последний шарик хлеба с рыбьим жиром и сделал серьезное лицо:

— *Дао-Маад*! Мы охотимся, мы растем, мы живем. Жизнь проста. — Он ткнул Чакоса в грудь. — Я начинать любить этого предтечу. Представь, *меня*.

Чакос сделал глубокий вдох:

— Хэйменума, который сидит рядом с вами и от которого воняет рыбой, все зовут *Дневной Охотник*, или еще — *Встающий Ранним Утром*. Его полное имя — *Дневной Охотник, Делаящий Длинный Путь, Встречая Утро*. Длинное имя для короткого парня. Он любит, чтобы его называли Райзер.

— Все хорошо, все правда, — заявил удовлетворенный Райзер. — Мои предки построить здесь стены, чтобы защищать и направлять нас. Вы увидите их после рассвета: сейчас слишком темно. Хорошее время, чтобы познакомиться. Как ваше *настоящее* имя, молодой предтеча?

Предтече нельзя раскрывать настоящее имя за пределами Манипулы, а людям тем более. Восхитительно! Идеальное предательство моей семьи.

— *Бонстелар*, — сказал я. — *Бонстелар, Делаящий Вечное Прочным, Манипулар* формы зеро.

— Это трудно произнести, — сказал Райзер. Он широко раскрыл глаза, наклонился и надул щеки, пропуская воздух через сжатые губы, искоса глядя на меня с усмешкой. — Но можно спеть.

Я все лучше и лучше стал понимать его быструю речь.

— Моя мама называет меня Бон, — признался я.

— Коротко лучше, — сказал Райзер. — Хорошо, Бон.

— Уже совсем светло, и скоро будет жарко, — сказал Чакос. — Затрите свои следы. Не хочу, чтобы кто-то их нашел.

Я подумал, что, если кто-то с Идома будет искать меня или если наблюдатели решат проверить с орбиты, они найдут нас, как бы мы ни прятали наши следы. Однако я ничего не сказал своим спутникам. За этот

короткий промежуток времени на Эрде-Тайрин я понял важную истину, — среди бедных, угнетенных и отчаявшихся не надо проявлять трусость.

Это было глупо, но, по-видимому, два моих товарища в настоящее время считали меня храбрым.

Мы замели наши следы с помощью ветвей пальмы.

— Как далеко до центра острова? — спросил я.

— Тише идешь — дольше живешь, — сказал Райзер. — Фрукты на нашем пути не ешьте. Если вы загнетесь, сохранить все это для меня.

— Да все будет в порядке, — улыбнулся мне Чакос.

— Мы не собираемся на гору, — сказал Райзер (он оттолкнул густые ветки), — но будет лабиринт и странный туман, затем мы будем прыгать. Мой дед жил здесь, прежде чем была вода.

Становилась все интересней и интересней. Я знал со слов Анцель, что кратер был затоплен и озеро засажено мерсом тысячи лет назад.

— Сколько тебе лет? — спросил я.

— Двести лет, — ответил Райзер.

— Для своего народа просто мальчик, — сказал Чакос и издал щелкающий звук языком.

— Маленький народ, долгая жизнь, много воспоминаний, — продолжал Райзер. — Моя семья выросла здесь, на островах. Они построить стены. Моя мать жила на острове прежде, чем она встретит моего отца, и она рассказала ему, он рассказал мне. Было сказано: — «Выучи песню и запомни карту». Вот как мы будем проходить, лабиринт.

— Какую песню?

— Вы счастливчик, — сказал Чакос. — Хэйменум не часто рассказывают эти истины посторонним.

Это было мало похоже на высказывания предтеч о людях, которые, по их словам, мало интересовались окружающим их миром.

День приближался стремительно. Цвет неба изменился от мягко-оранжевого до розового, а затем до синего в течение нескольких минут. Из джунглей не доходило ни звука, не было слышно даже шелеста листьев.

Я пережил несколько путешествий в островные джунгли за время моего короткого существования, но никогда и нигде не видел, чтобы было так тихо, — как в могиле.

Глава 2

Я шел за настойчивым маленьким человеком в довольно быстром темпе сквозь частокол голых чешуйчатых стволов больших пальм, увенчанными ошестинившимися ветвистыми кронами. Подлесок

джунглей состоял из тонких гибких растений, стоявших сплошной стеной. Дорога, если таковая имелась, была невидима для меня.

У Чакоса, следовавшего в нескольких шагах позади, улыбка не сходила с лица ни на минуту. Он как бы был готов отпускать свои шутки в адрес нас обоих. Я еще не научился читать человеческие эмоции с полной уверенностью. Улыбка может означать шутки и развлечения, а может служить прелюдией к агрессии.

Воздух был влажный, высокое солнце уже палило нещадно, и запасы наши воды в сосудах из толстых плодов растений превратились в теплое пойло. Кроме того, они были на исходе. Хэйменум достал последний сосуд и дал мне попить. Предтечи не могли инфицироваться заболеваниями человека, если они носят броню. Я неохотно сделал несколько глотков теплой жидкости.

Мое хорошее настроение куда-то исчезло. Что-то странное и неожиданное происходило вокруг меня: вдруг стало не хватать воздуха... Без моей брони обнаруживались новые инстинкты, но я не знал, могу ли им доверять. Старые таланты, старые чувства, скрытые до сих пор с помощью технологий.

Мы остановились. Флориан заметил мое растущее раздражение.

— Сделай ему шляпу, — сказал он Чакосу. — У предтечи волосы, как стекло. У него ожог головы.

Чакос поднял глаза, заслоняясь ладонью от солнца, и кивнул. Он взглянул на меня, осматривая мою голову, и подошел к ближайшему голому стволу пальмы.

Я смотрел, как Чакос пополз по стволу к вершине. Закончив свое восхождение, он вытащил нож из-за пояса и срубил большую зеленую ветвь, которая упала нам под ноги. Затем он спрыгнул вниз, приземлившись на согнутых ногах, с широкой улыбкой. С торжеством он поднял руку ко рту и произвел боевой клич.

Мы оставались в тени деревьев, в то время как он плел пальмовую шляпу. Предтечи тоже носят головные уборы, у каждой Манипулы есть свои церемониальные одежды, которые одевают только по особым случаям. Один день, на торжества «Великой Звезды», все носят одинаковые головные уборы. Наши головные уборы были гораздо более достойны и прекрасны, чем та шляпа, которую Чакос наконец протянул мне. Тем не менее я надел ее на голову и обнаружил, что она мне подходит.

Чакос положил руки на бедра и оглядел меня с критическим видом.

— Хорошо, — рассудил он.

Мы пробирались через джунгли еще много часов, пока не пришли к низкой стене, сложенной из точеного лавового камня. Стена шла между деревьями по извилистой кривой и, как змея, уползала в джунгли.

Райзер сел на стену, закинул ногу на ногу и стал жевать зеленый лист, который остался от моей шляпы. Его голова медленно повернулась, большие

карие глаза двигались вправо и влево, он надул свои губы. У хэйменулов вообще не было подбородка — это их характерная особенность. Но маленький человек с лихвой возмещал ее элегантными большими губами.

— Древние сделали это, старше деда, — сказал он, похлопывая по камням. Он отбросил зеленый стебель, потом встал на стену, балансируя руками. — Вы следовать вдоль. Только хэйменулов ходить по вершине.

Райзер побежал по стене. Чакос и я пошли вдоль, оттесняя ветки и избегая случайного нападения ракообразных организмов, которые во множестве ползали по земле, размахивая мощными клешнями. Я шел через них, пока не вспомнил, что на мне не было брони. Насколько уязвим я был ко всему! Приключение начали становиться все опаснее. Два человека не сделали ничего откровенно угрожающего, но как долго я мог на это рассчитывать?

Нам было трудно идти в ногу с маленьким флорианом.

Через несколько сотен метров стена раздваивалась. Райзер остановился на развилке для изучения ситуации. Он махнул рукой вправо. Погоня возобновилась. Через толстые деревья слева от нас я увидел берег. Также стал виден центральный пик, окруженный внутренним кольцевым озером, похожий на мишень для стрельбы из лука.

Мой ум был возбужден. Возможно, древний артефакт прекурсоров рухнул из космоса, и центральный пик сформировался из волн расплавленной породы, затвердевая на ветру. Я пожалел сейчас, что провел мало времени, слушая рассказы Шахтеров о том, как формируются и изменяются планеты. Я не разделял увлечения Шахтеров тектоникой, за исключением того, что может помочь найти сокровища.

Некоторые артефакты прекурсоров были такими древними, что на протяжении сотен миллионов лет могли уйти в толщу коры планеты и вновь появиться на поверхности через вулканы или проломы тектонических плит.

Чакос достаточно осмелев, ткнул меня в спину. Я вздрогнул.

— Вы бы не сделали этого, если бы на мне была броня, — сказал я.

Его зубы засверкали. Становился ли он более агрессивным или это просто способ показать свою любовь? Я пока не мог этого понять.

— Сюда, — крикнул Райзер где-то впереди.

Мы прорвали проход в очень плотной завесе зеленых лиан с ярко-красными стволами. Флориан ждал нас там, где длинная низкая стена внезапно кончалась. Дальше лежала плоская белая равнина и внутреннее озеро, с одной стороны своим берегом образующее линию черного и серого песка, а с другой — джунгли. Центральный пик, голый без растительности, как мертвый черный палец, торчал в центре зелено-голубой мишени.

— Хорошо, молодой предтеча, — сказал Чакос, подходя ко мне сзади.

Я быстро повернулся, полагая на мгновение, что он вот-вот вонзит свой нож в меня. Но нет, бронзового цвета человек просто показал на озеро:

— Вы попросили. Мы привели вас сюда. Это ваше желание, а не наше. Помните об этом.

— Здесь нечего нет, — сказал я, оглядевшись. Марево бархатистыми волнами обтекало ломаный контур острова и мерцало на другой стороне.

— Посмотрите еще раз, — предложил Райзер.

Мерцала, как мне казалось, линия воды, но на самом деле это было перевернутое небо. Через мерцание вдруг проявился образ. Я сначала не поверил своим глазам: большие, неуклюжие обезьяны! Без сомнения, белые приматы... Образ приходил и уходил миражом, а затем стабилизировался — вырезанные из камня фигуры на игровом поле.

Порыв ветра сорвался от черного пика, смахивая на своем пути тепловое марево, и образ обезьян исчез.

— Это не мираж, — подумал я, — что-то более обманчивое.

Я наклонился, чтобы взять немного почвы. Кораллы и белый песок, смешанный с мелким жесткий вулканическим пеплом.

Я молча посмотрел на моих проводников.

— Прогулка? — предложил Райзер.

Путь до центра белого зарева заняло больше времени, чем я ожидал, но довольно скоро мне стало ясно, что мы в поле действия дазлера психогеометрических искажений, или, проще говоря, генератора заблуждений.

Предтечи, видимо, давно решили, что это место должно быть скрыто от любопытных глаз. Я прикрыл глаза ладонью и посмотрел на небо. Вероятно, это место не было видно сверху.

Минуты превратились в часы. Мы не могли так долго идти по прямой. Скорее всего, это ходьба по кругу. Тем не менее мы продолжали идти. Мои ноги, обутые в плохо сидящие человеческие сандалии, уже давно были в ранах. Песок вырывал куски плоти на моих чувствительных подошвах и стирал кожу между пальцами ног.

Два человека показывали великое терпение и не жаловались. Чакос поднял флориана и посадил на плечи, когда стало очевидно, что босые ноги малыша не могут больше терпеть раскаленного песка.

Когда мы выпили последнюю воду, Райзер бросил сосуд в сторону и сделал серьезное лицо. Потом он посмотрел на меня, и стал руками закрывать и открывать глаза. Я подумал, что это был знак извинения, но он сделал это снова, потом бросил на меня строгий взгляд.

Чакос объяснил:

— Он хочет, чтобы вы закрыли глаза и обманули себя. Это поможет.

Я закрыл глаза.

— Продолжайте идти, — сказал Чакос. — Если вы прекратите двигаться, то потеряете себя.

Я не смог пройти и пару шагов, чтобы не взглянуть.

— Не смотреть, — настаивал Райзер.

— Мы идем по кругу, — предупредил я.

— Да, круги! — Райзер был в восторге.

— Ле-ве-е! — кричал Чакос. — Влево, сейчас!

Я, поколебавшись, открыл глаза и увидел двух моих гидов в нескольких шагах впереди меня. Но они внезапно исчезли, как будто их проглотил воздух. Они бросили меня в середине острова, окруженного белым песком и непроходимыми джунглями. Справа от меня угадывались размытые контуры, которые могли быть центральным пиком или чем-то другим.

Я приготовил себя к худшему. Без брони, без воды я умру здесь за считанные дни.

Чакос вдруг появился слева от меня. Он взял меня за руку, но я тут же высвободился из-под его контроля. Он снова отступил в белое море, полупрозрачный как призрак.

Он сказал:

— Как хотите: поверните налево или идите домой. Если сможете найти путь.

Затем он исчез снова.

Я медленно повернул налево, сделал шаг и почувствовал, как дрожит все мое тело. Теперь я стоял на черной дорожке, изгибающейся вправо, а затем опять влево, окруженный с обеих сторон белым песком. Так это была псевдо стена невидимого лабиринта, а не дазлер. Предтечи спрятали это место уже давно, используя устаревшие технологии, как будто ожидая, что они будут раскрыты людьми.

Сейчас впереди стало хорошо видно, что это не белые обезьяны, а двенадцать средних боевых механизмов предтеч, расположенных в форме большого овала около сотни метров в диаметре. Я проводил долгие часы за изучением старого оружия и кораблей, чтобы лучше отличать их от более интересных находок. Я узнал их — это были «Боевые Сфинксы» — бесстрашные воины в прошлые века, которые сейчас встречаются только в музеях. Антиквариат, возможно, все еще активный и мощный, но не представляющий для меня интереса вообще. Не сдерживая своего разочарования, я возмущенно спросил:

— Это все, что вы должны мне показать?

Чакос и Райзер держались поодаль в позах почтения, как будто занимались молитвами. Несчастные. Люди молятся антикварному оружию?

Я перевел взгляд обратно в круг. Каждый «Сфинкс» был десяти метров в высоту и более двадцати в длину — это намного больше, чем современные устройства предтеч, которые выполняли ту же функцию. Удлиненный хвост, толстые округлые туловища. Сверху туловища, плавно интегрированные в общий криволинейный дизайн, расположены абстрактные головы с упрямым, надменным лицом командной кабины.

Я сделал шаг вперед, решая, что следует пройти оставшийся отрезок дорожки до белых гигантов, расположенных вокруг центра.

Чакос поднял скрещенные руки и вздохнул:

— Райзер, как долго эти монстры здесь?

— Долгое время, — ответил Райзер. — Прежде чем дед улетел, полировать луну.

— Он имеет в виду более тысячи лет, — интерпретировал Чакос. — Вы читали старые письма предтечей тех времен? — спросил он меня.

— Некоторые из них, — сказал я.

— Это место не любит людей, — сказал Райзер. Он энергично покачал головой. — Но дед поймал пчел в корзину—

— Вы рассказываете ему этот секрет? — спросил Чакос в смятении.

— Да, — сказал Райзер. — Он неумный, но хороший.

— Как вы можете это рассказать?

Райзер показал свои зубы и покачал головой:

— Дед положил пчел в большую корзину. Когда они громко жужжать — остановиться. Когда нет жужжания, — идти по этому пути.

— Ты имеешь в виду, что он искал инфракрасные маркеры? — спросил я.

— О чем вы говорите?.. — сказал Райзер надувшись. — Пчелы знают. Уронить камень, чтобы другие могли следовать... так далеко, как это сделать мы.

Теперь, когда я знал, что искать, я увидел через ослепляющий зной, что там, действительно, были ломаные линии мелкой гальки, как маркеры на гладком белом песке.

Райзер повел нас по этому пути, останавливаясь, время от времени разговаривая сам собой. Я остановился в тени одного из «Сфинксов», наклонившись, протянул к нему руку. Проведя по белой поверхности с явными изъемами былых боев и вековыми язвами от метеоритов и звездного мусора, понял: нет ответа, инертные:

— Они мертвы.

Райзер тоном почтения ответил:

— Они поют. Дед слышал.

Я отвел от них свою руку.

— Он сказал, что это трофеи войны. Кто-то положил их сюда, чтобы охранять, наблюдать, ждать.

— Какой войны, интересно? — спросил Чакос и посмотрел на меня так, как если бы я мог знать.

Я знал или, точнее, подозревал, что у «Сфинксов» был подходящий возраст, чтобы участвовать в войне человечества против предтечей десять тысяч лет назад. Но я все еще не чувствовал себя готовым обсуждать это с моими проводниками.

Райзер пошел по дорожке вокруг боевой единицы. Я тоже пошел дальше, рассматривая хвосты «Сфинксов» — зияющие туннели на каждой стороне, без сомнения, для двигателей малой тяги. На противоположной стороне я заметил очертания манипуляторов и сложенных щитов.

— Забытые в течение тысяч лет, — сказал я. — Сомневаюсь, что они чего-то стоят.

— Не для меня, — заявил Райзер, глядя на Чакоса.

— И не для *тебя*, может быть, тоже, — тихо сказал Чакос, махнув рукой в центре овала. — И для *нее*!

— Для кого? — удивился я.

— А кто вас избрал? Кто привел вас сюда? — спросил Чакос.

— Вы, наверное, имеете в виду *Лайбрериан*? — спросил я.

— Она приходит к нам, когда мы рождаемся, — сказал Чакос. Его лицо выражало негодование. — Она наблюдает за нами, как мы растем. Знает о нас хорошее и плохое. Она радость наших побед и горесть наших поражений. Мы все чувствуем ее присутствие.

— Мы делаем все, как она говорит, — подтвердил Райзер. — Мы ждали только нужное время и правильный дурак.

Без сомнения, под ее покровительством эти люди были высокомерными и в то же время глупыми. Но я ничего не мог сделать: я в них нуждаюсь.

— Она там? — спросил я, указывая на центральный пик.

— Мы никогда не видим ее, — сказал Чакос. — Мы не знаем, где она. Но она послала вас, я уверен в этом.

Анцель! Они были правы, более чем.

— Она должна быть великой, если в самом деле организовала все это, — сказал я, но в моем голосе не хватало убежденности.

— Удача ее *дорога*, — сказал Чакос.

Старые предтечи были в заговоре с целью руководства моей жизнью?

Райзер махнул рукой над землей, как казалось, в пустой промежуток между песком. Это движение оттеснило низкий прозрачный туман, обнажив на мгновение один большой кусок черной лавы.

— Хорошо для стен.

Мы перешагнули через камень и вошли на центральный овал окруженный «Сфинксами». Вдруг я почувствовал, что я нахожусь в пространстве, священном не для человека, а для более древних и таинственных сил. Что-то большое и старое было рядом, в этом я был уверен. Кто или что это? Учитывая «Сфинксов» — Воины, вот наиболее вероятный ответ. Но сколько лет? С конца войны с человечеством, прошло десять тысяч лет.

— Не нравится мне здесь, — сказал Райзер. — Я не храбрый, как дед. Я остаюсь.

— Следуй за камнями, — сказал Чакос тихо. — Оттуда, где они кончаются, ни один человек не вышел живым. Ты сделай то, что нужно сделать. Я не могу это сделать, не может и Райзер.

Вселенная предтечей имеет богатую историю невероятностей, которые стали правдой. Я считал себя прагматиком, реалистом, и обнаружил, что большинство таких историй являлись загадочными, но не страшными. Теперь я не только был раздражен — я испугался, испугался гораздо больше, чем тогда на лодке.

Когда умирают предтечи (обычно в результате аварии или, в редких случаях, во время войны), производится церемония захоронения. Останки выносятся на Священный Костер для торжественной церемонии обряда кремации, где присутствуют только близкие родственники.

Последние воспоминания предтечи сохраняются в его броне, которая может хранить несколько часов логического, вербального мышления. И по закону Сущности Личности назначенный Мастер Мантии сохраняет воспоминания личности в виде плазмы в Дюрансе, вместе со Священным пеплом.

Дюранс затем передается ближайшим членам семьи усопшего предтечи. Дюранс имеет период полураспада более миллиона лет. Представители семьи затем захоронят его в очень защищенном месте. Наткнуться на такой семейный Дюранс, несомненно, считается кошунством.

— Это *позорный* мир, — пробормотал я. — Нет предтечи, который бы захотел быть здесь похороненным.

Чакос стиснул зубы и уставился на меня.

— Это все ерунда, — настаивал я. — Это не могила!

Я посмотрел на Чакаса:

— Вы сказали, она приходит к вам при рождении и говорит, что вы должны делать? Но если вы никогда не встречались с Лайбрериан, то как узнали, что я тот, кто вам нужен? — спросил я.

— Когда я впервые встретил тебя, я знал, что это ты, — ответил Чакос.

У такого сильного Биоскульптора, как Лайбрериан, конечно, были средства, чтобы ввести цепь генетических команд целым поколениям, объектам своего исследования. Такие эксперименты в прежние времена называли «геос», или «мертвое наследие». Некоторые толкователи Мантии даже предполагали, что прекурсоры ввели геос-ген целому поколению предтечей.

Я жалел все больше и больше, что оставил броню на лодке. Мне отчаянно нужно было спросить Анцель, чего люди от меня ожидают.

— Что вы будете делать, если я пойду домой и откажусь от поисков?

— Идти позади вас, — фыркнул Райзер.

Чакос улыбнулся. Эта улыбка не отражала юмора и не была прелюдией к агрессии: в ней было презрение.

— Если мы настолько слабы и это позорный мир, так чего вы боитесь?

— Мертвецов, — вставил Райзер, — мертвецов предтечей. — И добавил: — *Наши* мертвецы дружелюбны.

— Мои предки в земле, и я счастлив, когда навещаю их, — рассуждал Чакос.

Их слова словно ужалили меня. Я с небольшой заминкой сделал шаг и пошел к центру круга, возможно, даже с небольшой развязностью, развеивая туман, носками моих ног, ища гальку, заложенную первыми поколениями хэйменум.

«Сфинксам», наверное, казалось, что я танцую на своем пути, и они провожали меня угрюмыми взглядами. Древнее оружие, древней войны. Шрамы древних сражений на их теле. Брошенные, никому не нужные...

Я посмотрел через плечо. Чакос стоял напротив «Сфинкса», наклонив голову; суровый лик машины сердито наблюдал за ним.

Нужно приложить большие усилия, чтобы спровоцировать мой народ к войне, но как только это случится, война ведется совершенно беспощадно: у наших Воинов нет жалости. Ярость и жестокость!

Предтечи не любят это признавать. Это идет в разрез с самой Мантией, к которой мы так стремимся, чтобы сохранить наследие.

Хранить, но не бросать вызов! Предтечи в конце концов не должны показывать этим свое презрение к Мантии. Возможно, это был именно такой случай. Скрытый памятник прошлого. Скрытые страсти, скрытое насилие, скрытый стыд. Тени забытых историй.

В около двадцати метрах от центра круга мои ноги уперлись в уступ другой низкой черной стены. За стеной не было больше каменных маркеров. Я опустился на колени и запустил мою руку в песок, просеивая его между пальцами. Песок утекал сквозь них, как вода, но в моей ладони от песка остался странный подарок.

Я перевернул его: это был фрагмент человеческой кости.

Я шел, не оставляя следов. Песок не цеплялся за мои ноги, и ни одна песчинка не прилипла к моей ладони. Песчаный карьер был создан на века, чтобы выдержать тысячи бурь и не быть стертым, чтобы никогда не быть забытым.

Разработанный, чтобы убить любого нарушителя, кто не следовал точному ритуалу, он ждал...

Я так увлекся изучением песчаной арены, что не почувствовал, как дрожит земля, а на уши давит высокий звук, пока тень с неба не накрыла меня. Я быстро метнул взгляд вверх.

Как я и опасался, это было одно из космосудов моего приемного отца... Он нашел меня. Избегая позора потерять меня, моя суррогатная семья послала поисковые отряды во все ближайшие системы в поисках своего подопечного.

Я стоял прямо, ожидая, когда корабль спуститься, чтобы забраться в шлюз прежде, чем мне зададут вопросы, почему я здесь. Посмотрев на круг военных машин, я не заметил ни Чакоса, ни Райзера, их нигде не было видно. Возможно, они легли ниже тумана, а возможно, побежали назад к джунглям.

Судно Горняков было уродливым, угрюмым и практичным. Его брюхо было усеяно всевозможными бурами, подъемниками и миксерами. Если хозяин этой посуды захочет, его турбины могут легко превратить весь кратер в пару вихрей торнадо и без труда просеять, обработать, разложить на компоненты...

Я ненавидел то, что это значило!

Я ненавидел все это!

Судно продолжало медленно скользить над кратером. Песок не засасывало в турбины, не было ям от глубокого бурения, скалы не дрожали под натиском непреодолимой силы, слышался лишь тихий звук, словно ветер дул сквозь деревья. Я опустился на колени в знак подчинения: нет выбора. Я не мог уйти...

Через некоторое время тень от судна пересекла центр кратера, и стала уходить к противоположному краю. Корабль Горняков медленно поднялся над пиком, включил ускорители и стал двигаться дальше.

Я не мог поверить своему счастью. Может быть, технология псевдомиража острова помогла скрыть нас от глубокого зондирования судном разведчиков недр.

Мое облегчение было недолгим. Я услышал мелодичный вопль. Райзер и Чакос затянули отвратительную песню. Это вообще не имело никакого смысла. Песок, который выдержал огромное давление двигателей шахтерского судна, закружился под ногами и повалил меня на землю. Рябь поднимала и опускала меня, как волна. Я упал на бок и был унесен по спирали в сторону каменной стены. Движение песка остановилось, и два полых полушария раскрылись передо мной. В центре белая цилиндрическая колонна, увенчанная черным камнем, медленно поднялась на высоту более пятидесяти метров.

Чакос и Райзер прекратили вой. Остров тоже замолчал. Я долго не мог ничего сказать.

Судно шахтеров тем временем уже скрылось за горизонтом.

Мои спутники снова появились из низкого прозрачного тумана. Райзер стоял на внутренней стенке песочницы, глядя на меня. Он присел на корточки и стал тыкать пальцами в горизонт.

— Большой, — сказал он. — Ищут — тебя?

— Не просто скрыть что-нибудь от корабля Горняков, — заметил я, — они производят глубокое сканирование.

— Особое место, — пояснил Райзер.

Чакос шагал к нам, ковыряя в зубах растением.

— Она работает, — сказал он, заслоняя глаза ладонью.

— Вы пели, чтобы он улетел? — спросил я.

— Это не песня, — сказал Райзер. Они посмотрели друг на друга, и пожали плечами.

Я обернулся, чтобы изучить колонну. Определенно, построена предтечами, но это не Дюранс. Цвет и форма не соответствовали суровому стилю сосуда, посвященного памяти и вечной скорби. Военный памятник, безусловно, в гармонии с «Сфинксами».

Я стоял на краю, просчитывая варианты. Остров часто посещают люди. Они построили стены, ими был изучен и установлен маршрут, они ходили сюда вопреки дазлеру. Затем люди ушли, оставив остров размышлять о своей загадке. Однако в последнее время «посетители» снова начали пересекать озеро, заполненное мерсом, как будто в ожидании перемен, в ожидании пробуждения. Лайбрериан, очевидно, поставила перед этими народами очень сложную задачу.

А теперь еще эта песня.

Мы все были ее планом. Я чувствую это. Но какова цель?

Парочка смотрела на меня с любопытством, стоя на внутренней стене.

— Какие идеи? — спросил Чакос.

— Вперед, идти вперед, — предложил Райзер, размахивая руками. — Он приветствует вас.

— Вы не знаете, что это, флориан, — сказал Чакос.

— Я знаю, — настаивал Райзер. — Спуститесь вниз. Прикоснитесь к нему.

Я изучил почти все доступные источники по мифам и артефактам прекурсоров, и ничего подобного там не было. Пытаясь найти в памяти хоть какую информацию, я с трудом вспомнил... древние истории. Истории, которые я слышал в юности, о странной практике Воинов высшего класса, известных как *Прометейцы*. Обряд устаревший, его редко можно увидеть в наши дни. Обряд, связанный с секвестрацией и добровольным изгнанием. В архивах такие записи всегда были с предупреждением: *«Если вам встретится нечто, называемое «Криптум», держитесь от него подальше, и его надо оставить в покое»*. Нарушение Криптума, каким бы он ни был, приведет к неприятным последствиям со стороны касты Воинов.

Это может также объяснить, почему судно Шахтеров так быстро улетело дальше.

Возможно, первый раз в моей жизни я решил немного подумать, прежде чем принимать какие-либо действия. Я отступил и присоединился к людям, сидящим на стене. Я сел рядом с Чакосом. Он снял пальмовую шляпу и вытер лоб.

— Слишком жарко для вас? — спросил он.

— Вы... пели песню. Откуда вы ее знаете?

— Это не песня, — снова сказал Райзер. Он выглядел озадаченным.

— Расскажите мне больше о Лайбрериан, — сказал я. — Она отмечает вас при рождении?

— Она не делает этого с нами. Она посещает нас, — сказал Чакос. — Нам сказали, кто мы и зачем мы здесь.

— Сколько молодых дураков предтечей было приведено в это место? — спросил я.

Чакос усмехнулся:

— Ты первый, — сказал он, а затем отступил, как если бы я захотел ударить его.

— Лайбрериан сказала, чтобы вы привели сюда предтечу, не так ли?

— Она наблюдает за всем, — сказал Райзер и чмокнул губами. — Мы были великими, и нас было много. Теперь нас очень мало, и мы ничтожны. Без нее мы были бы мертвы.

— Райзер, ваша семья знала этот остров в течение длительного времени, — сказал Чакос. — Как долго? Тысячу лет?

— Дольше.

— Девять тысяч лет?

— Может быть...

Как раз в то время Лайбрериан начала пересылать людей на Эрде-Тайрин.

Воин в Криптуме, если именно это был он, спрятан на планете изгнанников. Я старался собрать все воедино, но все было размыто, как будто не в фокусе. Политика, предтечи и война с людьми. Я никогда не придавал значения историям такого рода. Теперь мне, действительно, не хватало Анцели. Она могла бы получить всю информацию, которая мне нужна, практически мгновенно.

Солнце было на закате. И вскоре мы оказались в тени от пика Джаманкин. Песок начал отдавать жар, накопленный за день. На черной стене было душно и неудобно. Но как ни странно, мой ум начал проясняться. Теперь было понятно, что «Обелиск Войны», окруженный белым песком, должен оставаться здесь на века.

Я встал и пошел обратно.

— Отведите меня обратно к берегу. И вызывайте лодку.

— Лодки не будет в течение нескольких дней, — сказал Чакос.

Я полагаю, они были бы рады гибели глупого молодого предтечи, чтобы взять себе доспехи и тайком вернуться обратно в Маронтик. Но не имело никакого смысла то, что они торчали здесь со своей несчастной жертвой.

Я прищурился от света заходящего Солнца.

— Вы что-то планируете, не так ли? — спросил я.

Райзер покачал головой. Чакос помахал на лицо шляпой:

— Мы думали, что вам нужно сделать что-то... захватывающее.

— И еще ждем, — сказал Райзер.

— Мы живем скучно, — говорил Чакос. — Там, — он махнул рукой вверх и вокруг огромной горячей голубизны. — Может быть, ты и я переживаем и чувствуем одинаково.

Я смотрел на людей рядом со мной, спокойно сидящих на каменной стене, терпеливо ожидающих, не обращающих внимания на опасность. Людей, похожих на меня...

Слишком похожих.

Есть моменты в жизни, когда все меняется. Это начало нового, большого пути. Старые тексты описывают это состояние как синхронизацию. Синхронизация — якобы соединение вместе великих сил и личности. Вы не можете предсказать их, и вы не можете избежать их. Лишь в редких случаях можете чувствовать их. Они напоминают узелки на нити вашей судьбы. В конечном счете, они привязывают вас к великому потоку Вселенной и связывают вас общей судьбой.

— Весь этот кратер является тайной, — сказал Чакос. — Я мечтал об этом всю свою жизнь. Но если я шагну в центр этого круга, он убьет меня. В любом случае он не любит людей. Песок нас не принимает, мы можем там находиться, лишь, когда мы мертвы. Теперь здесь вы, и все меняется. Это место признает Вас.

— Зачем мне это? Здесь не может быть чего-либо ценного или интересного, здесь, в мире *людей*.

— Спросите у него, — предложил Райзер, указывая на белый обелиск. — Что бы ни случилось, мы будем рядом.

Сумерки спустились на нас, но воздух до сих пор оставался горячим. Я знал, что должен был пойти к обелиску. Если я не смогу справиться с Криптумом, что почти наверняка, большой беды не будет. Но когда придет время испытать мое мужество по-настоящему, когда я столкнусь с чем-то гораздо более страшным и гораздо таинственным, это мне пригодится.

Я оттолкнулся от стены и сделал шаг. Затем посмотрел на двух людей.

— Не желаете присоединиться? — спросил я.

Райзер без колебаний кивнул в ответ, но Чакос спросил:

— Пойти с вами? Вы, же знаете, чем это грозит нам. Но если вы так хотите, мы пойдем... — сказал Чакос.

Лжец. Обманщик. Он понимал, что если они пройдут, песок убьет их.

Убьет, но не меня...

Глава 3

Я слез с края стены и спустился в низину. Первый шаг. Песок не поглотил меня, и я остался в вертикальном положении. Второй шаг. Нет признаков опасности. Я шел, как по сгнившей лестнице, прислушиваясь к звукам половиц. Шаг. Еще шаг.

Через некоторое время я стоял рядом со столбом, и черный камень нависал надо мной, давя непомерной тяжестью... Тропическая ночь накрыла остров глубокой тьмой, но туч не было, и звезды, сверкая, подсвечивали песок вокруг колонны. Я опустил на колени. У основания колонны вкруговую шла одна строка текста в старинных символах Дигон — языка, используемого почти исключительно Воинами, и только самого высшего сословия. Я был далек от идеалов своей семьи и своего сословия, но то, что я прочитал в этих символах, практически определяет мое отношение к жизни:

Ты познаешь себя, если осмелишься.

Все встало на свои места. Это подтверждало то, что я чувствовал раньше. Молодой предтеча, нулевая форма Манипулара, был мастерски завербован Анцель, обученной Лайбрериан. Он был послан на остров Джаманкин, в кратер из белого песка, с флегматичными «Боевыми Сфинксами». Его призывали, чтобы пересечь смертельные, бесплодные земли из песка и камней. Его проводники пели запрограммированные тексты — песни, и в первый раз в тысячу лет, это место изменилось, отреагировало.

Ты познаешь себя, если осмелишься.

Синхронизация — это определенно синхронизация во мне. По ощущениям, которые поползли вверх и вниз по спине и шее, я почувствовал, что узел Вселенских линий свяжет меня на длительное время, а возможно, и навсегда, с двумя людьми, ждущими в темноте... Мне показалось, что они это тоже знали.

Я протянул руку и положил ее на гладкую поверхность столба. Холодный камень, казалось, задрожал под моими пальцами. И голос через вибрации моей руки и проник в мою голову.

Кто вызывает Дидакта из его медитативного очищения?

Я был ошеломлен. Меня охватила паника и удивление одновременно. Истории, которые до сих пор звучат эхом на протяжении тысяч лет... Дидакт! Здесь! В окружении последней популяции людей в галактике... Даже такой дурак, как я, не мог бы в такое поверить... Я понятия, не имел, что делать, что говорить. Но в темноте позади меня люди начали петь снова. И с этим плачем тон голоса из столба изменился.

— Сообщение от Лайбериан передали странным образом, но содержание является правильным. Вы будете возвращать Дидакта? Предтеча должен дать ответ.

Существовал на самом деле только один разумный ответ: *«Нет. Извините. Оставляем его в покое! Мы уходим, сейчас...»*

Но, все же... *«Ты познаешь себя, если осмелишься»*. А возможность встретиться с этим героем, Врагом и проклятием всех людей... Только самые глупые молодые предтечи осмелится на это...

Итак, раз вы меня выбрали...

— П-п... поднять его, — сказал я.

— Вы имеете в виду вернуть его?..

— *Верните его.*

— Предтеча, стойте в стороне, — вещал голос. — Еще отойдите назад. Это тысячелетняя печать, мудрых Харбоу, закаленная силой Ланг, и последствия ее нарушения будет большим.

Глава 4

Песок внутри кратера закружился и вырвался наружу в виде спиральных столбов. Вихри обвивались вокруг ног, не трогая меня. Столб, казалось, расплавился и стал утекать в песок. Движение песка продолжалось, и на дне показался большой сосуд яйцевидной формы, первоначально захороненный на несколько метров ниже поверхности. Я попятился, чтобы не споткнуться и не увязнуть в раскопках.

Два человека и я снова ждали на стене, уворачиваясь от вихрей песка.

В конце концов яма стала довольно приличной.

Показался большой сосуд из меди и стали, более десяти метров в высоту и по крайней мере пяти в ширину. Он блестел, как будто его только что сделали.

Райзер что-то шептал себе под нос — без сомнения молитвы маленьким богам. Или, возможно, у хэйменумов были большие боги, огромные боги для маленьких людей. Чакос никому не молился, а внимательно наблюдал за вихрями, чтобы прыгнуть в сторону, когда это будет необходимо.

Но если действительно в этом Криптуме заточен великий воин Прометеец — Дидакт, то мало того, что предтеча другой касты возвратил его к жизни. Чем он может быть сильно недоволен, так это тем, что, придя в себя, обнаружит присутствие потомков своих старых врагов.

Голос снова загудел внутри моего черепа:

— Минимальное безопасное расстояние — пятьдесят метров. Стоять в стороне. Тысячелетняя печать будет нарушена через пять, четыре, три, два...

— Не смотрите, — сказал я людям. И мы все, как один, закрыли глаза.

Я услышал треск и грохот и увидел даже через ладони вспышку ослепительно синей плазмы и кости моей руки. Я почувствовал боль во внутренних органах. Это заставило меня ощутить себя очень старым, как если бы я рассыпался в прах. Я почувствовал глубокий импульс памяти всех, когда-либо решившихся вступить в Крипту и все еще погруженных в глубокую медитативную непостижимость, единую в *бесконечности*.

Ночь была освещена еще одной вспышкой света, на этот раз чисто белой, с искрами зеленого огня. Позади нас, по острову и через джунгли, прокатилась волна, срывая пальмовые листья и вырывая деревья в порыве необузданного ветра...

Вскоре все было кончено. Яма замолчала. Остаточные протуберанцы танцевали на Криптуме, но затем исчезли.

Появились первые признаки утренней зари. Казалось, что с открытия Криптума прошло несколько секунд, но уже наступало утро. Вскоре, с рассветом, мы ясно рассмотрели, что мы такое сотворили.

Яйцевидный сосуд раскрылся на три секции выше средней линии. Разделы открылись наружу, как бутон цветка. Но то, что мы увидели внутри сферы, было не так красиво, как цветок. На самом дне, свернувшись калачиком, лежал чудовищно морщинистый эмбрион. Он напоминал большой мумифицированный труп, сморщенный от времени.

В городе люди мне предложили посетить катакомбы, заполненные мумиями мертвых людей, но я отказался, подумав: «То, что нормально для деградировавших существ, неприемлемо для предтечи». Есть вещи, которые не вызывали у меня любопытства. И вот сейчас я смотрел на позор Прометейца. Я понятия не имел, что случилось в Криптуме или почему

предтеча, имевший славу и звание, выбрал такую ссылку. Это могло быть покаянием или безумием...

Поначалу я не слышал, как подошли «Сфинксы»; но это, как ни странно, не заставило меня удивиться. Три машины ковыляли к нам, размахивая большими гнутыми ногами. Приблизившись к черной стене, они включили твердый свет. Ближний «Сфинкс» развернул четыре руки манипулятора чуть ниже пустой кабины управления и раскрыл сеть из серебристых нитей. Затем он перешагнул нас и спустился в яму. С другой стороны еще один «Сфинкс» также сошел вниз и мягко поднял сморщенные мощи Дидакта.

С бесконечным терпением машины окутали тело сетью и осторожно вышли из ямы. Сеть и ее содержимое медленно раскачивались между ними. «Сфинксы» пронесли Дидакта прямо над нами, и я посмотрел на мощи: минимум одежды скрывал костлявые бедра и плечи. Я не видел лица и головы, но вспомнил великого Воина, который посетил мою семью на Орионе. Мощного, красивого, яростного, с взглядом предтечи, пережившего кошмары войны и больших разрушений.

Полный рост Воина-Прометейца превышал мой в два раза, и весил Дидакт в четыре-пять раз больше меня. Его плечи были так же широки, как мои протянутые в сторону руки. Но теперь, не имея брони, живой или уже мертвый, он выглядел так уязвимо и уродливо, как мертвый птенец.

Я последовал за машинами и перепрыгнул через стену. Я шел, игнорируя предписанный путь. Чакос, ничего не говоря, двигался позади меня. Райзер, шедший по следам своих предков, отстал.

— Это сокровище? — спросил Чакос с сомнением.

— Нет, не сокровище, — сказал я. — Это стихийное бедствие. Любой из предтечей, кто нарушит Криптум, клеймится позором.

— Что такое Криптум? — спросил Чакос.

— Священное место. В поисках мудрости зрелый предтеча высокого уровня может выбрать путь в бесконечность... Наказание за нарушение уединения может быть наложено на любого предтечу любой иерархии.

— Вы знаете это, но вы его открыли? Могут ли они за это наказать людей?

Нет защиты, нет оправдания. Я чувствовал, что Чакос смущен и испытывает страдание.

— Это сделал не только я. Вы произнесли нужный текст, и он был услышан, — сказал я. — Вы готовы разделить вину?

Чакос пожала плечами и отвернулся.

Я удивился их безрассудству и тому, что они еще не исчезли в джунглях. «Сфинксы» прошли мимо своих еще замороженных товарищей и, не останавливаясь, углубились в джунгли.

Еще два из первых двенадцати «Сфинксов» ожили, включили твердый свет и последовали за другими через очищенный в джунглях путь.

— Что мы будем делать? — спросил Чакос, когда мы проходили по измельченной зелени пальм и кустарников.

— Ждать возмездия, — сказал я.

— Мы тоже? В самом деле?

Я посмотрел на людей, и мне стало их жалко. Эти «Боевые Сфинксы», вероятно, убили многих и многих из предков Чакоса. Люди, наверное, весьма согрешили против Мантии, чтобы заслужить такую судьбу.

Глава 5

«Сфинксы» шли на восток кольцевого острова, в направлении от внутреннего берега. Следуя по их следам, мы наконец достигли противоположного берега и остановились на широкой песчаной косе внешнего края кратера.

«Сфинксы» поднесли сеть к низким, плоским строениям, изготовленным из голого металла, серым и угловатым. Этим структурам не хватало узлов декоративных внешних оболочек, повсеместно применяемых в архитектуре предтечей. С воздуха, наверное, они выглядели, как заброшенная военная база, и, сливающиеся с линией пальм, от озера постройки вряд ли были бы кем-то замечены. Все интересней и интересней.

Четыре «Сфинкса» выстроились в шеренгу. Пара, несущая Дидакта, остановилась перед широким входом. Я услышал звук открывающихся огромных ворот. «Сфинксы» боком спустились вниз по рампе в помещение.

Два других опустился на землю и сложили «руки» со слабым жужжанием. Голубое свечение их суставов исчезло.

Мы медленно прошли мимо неподвижной пары в пугливой уверенности, что они были все-таки хранителями, а не памятниками. Храбрый Райзер остановился, чтобы погладить поверхность ближайшей машины.

— Не делай этого! — Воскликнул Чакос. — Они могут распылить нас.

— Не думаю, — сказал Райзер. Узкие глаза, уши торчком, прямые сжатые губы. Без сомнения, у него было мужественное лицо.

В самом деле, «Сфинксы» выглядели флегматично, как никогда. Я посмотрел вниз. Песок плыл по спуску, скрывая их следы. Тьма лежала впереди меня.

Двери все еще открыты... *«Ты познаешь себя, если осмелишься».*

— Оставайся здесь, — сказал я Чакосу и начал спускаться по рампе. Он протянул руку и схватил меня за плечо.

— Не ваше дело, — сказал он, — заботится о моей безопасности. — Я мягко отстранился от его руки. Прикосновение его плоти было не так отвратительно, как я думал. Его кожа мало чем отличалась от кожи молодого предтечи.

Конечно, мы не могли быть фактически братьями, но, как знать, может, все мы потомки Прекурсоров...

— Я думаю, Лайбрериан хотела, чтобы мы все были там, — сказал я. Когда смелость пересиливает страх, принимаются глупые решения. Я был как насекомое, которое летит на пламя. Я надеялся если не на полное оправдание, то по крайней мере на понимание. — Кто-то оставил сообщения в вашем мозгу, прежде чем вы родились. Кто-то сказал, чтобы вы заманили предтечу на остров. Вы передали песней правильный код, и Криптус открылся.

Чакос встал на колени лицом к рампе и положил руки за голову. Райзер присоединился к нему, взглянув на меня, как будто не был уверен, правильно ли они соблюдают ритуал.

— Лайбрериан отметила нас всех, — сказал Чакос, и они впали в заунывное песнопение.

Я спустился вниз, в темноту. Первая камера внутри здания была широкой, в четыре раза выше моего роста; этого было достаточно, чтобы там прошли «Сфинксы». Тусклый зеленоватый свет зажегся в темноте, и я увидел, что «Сфинксы» обращены лицом друг к другу около широкого бассейна, заполненного серебристой жидкостью. Плащаница, на которой лежал Дидакт, висела между «Сфинксами» в нескольких сантиметрах над бассейном. Я присел на край.

Вокруг меня в течение нескольких минут все было тихо. Затем резкий голос снова обратился ко мне:

Предтеча, вы готовы произвести возвращение?

Я попытался отступить, но белый свет с потолка камеры обездвижил меня.

Вы готовы произвести возвращение?

— Я готов, — сказал я.

Вы сказали... Вы здесь для этого?

— Я... я не знаю, что говорить.

Вы сказали?

— Я говорю... для этого.

Является ли решение о возвращении Дидакта из вечного мира вашим?

На мой взгляд, сморщенное тело выглядело мертвым. Я задавался вопросом, означает ли это то, что меня призывали воскресить Дидакта, хотя в принципе это невозможно. Было очевидно, что я ничего не понимал, но теперь уже был подготовлен, чтобы просто сказать:

— Это мое решение. Я готов.

Сверху через стеклянный люк в лучах белого света медленно спустились четыре части личной боевой брони Прометейца. Части зависли по обе стороны от плащаницы, и на них находились длинные трубки-щупальца, прозрачные, как стекло; они быстро заполнялись разноцветными электролитами, необходимыми для длительных путешествий.

Подойдите и четко исполняйте инструкции, — возвестил голос. — Примените восстанавливающие жидкости.

Я содрогнулся, но вошел в бассейн с серебристой жидкостью. Щупальца начали изгибаться, но не агрессивно, просто показывая готовность.

«Сфинксы» раскрыли плащаницу и медленно опустили тело в бассейн. Теперь стало видно лицо Дидакта. У него было действительно сильное лицо, несмотря на то, что это был череп, обтянутый кожей.

Применить электролиты, — сказал мне голос. Услужливо щупальце, заполненное красной жидкостью, потянулось вперед.

— Через рот? — спросил я.

Примените через губы. Будет произведен выход из состояния обезвоживания.

Я наклонился, стараясь не касаться сморщенного тела руками, но мне это не удалось. Кожа теплая...

Дидакт не умер!

На конце трубки я обнаружил узкий кран, затем разжал губы, открывая широкий рот с серовато-белыми зубами. Открыв кран, я пустил поток красной жидкости между сжатыми челюстями Дидакта. Большое количество электролитов стекало вниз по сморщенным щекам и сливалось в бассейн. Но я не обращал на это внимания.

Затем я применил еще два оттенка синей жидкости.

Он возвращается, но медленно. Поднимите его руку, — инструктировал голос.

Я с отвращением посмотрел на сморщенные руки, но пересилил себя и сделал так, как мне сказали. Я ходил вокруг «Сфинксов», поочередно поднимая и поворачивая руки Дидакта. Затем сгибал и выпрямлял его ноги... Это происходило до тех пор, пока жесткая, как дерево, кожа не стала эластичной и блестящей.

Я следовал всем указаниям голоса, вибрирующего у меня в голове.

В течение следующих четырех часов я кропотливо восстанавливал сморщенного Прометейца от его долгого сна, от глубокого, медитативного изгнания; восстанавливал того, кто был легендой среди предтеч моего возраста.

Наконец его слезящиеся глаза открылись. Две защитные линзы отпали, и он моргнул, потом посмотрел на меня и страшно нахмурился.

— *Проклятие,* — прошептал он, и его голос был как камень, шлифовальный в глубинах океана. — Как долго? Как долго я здесь?

Я ничего не сказал. Я понятия не имел, как долго...

Он дернулся и изо всех сил упал обессиленный, жидкость текла из носа и рта. Он попытался говорить, но сразу не смог.

Через некоторое время ему удалось задать еще одно вопрос:

— Какого черта *вы* меня вытащили?

— *Теперь выйдите. Остальное мы сделаем сами,* — сказал мне голос.

Я вылез из бассейна и вышел наружу. Люди ждали меня, но я слишком устал, а они были слишком напуганы, чтобы разговаривать, о чем-либо.

Глава 6

Время на острове, казалось, остановилось.

Что-то было в этой серебристой жидкости или в восстановительных электролитах, а может, в ауре мира, который окружал Дидакта, и это что-то глубоко повлияло на меня. Я чувствовал, что как бы купался в древней истории, переходил вброд само время...

Когда встало Солнце, я не был уверен, что раньше оно было такими же... Солнце и ночное небо — все казалось иным. Два человека были рядом со мной, как преданные псы. Мы спали вместе. Их прикосновение уже не было противно. Ночью они прижимались ко мне, помогая согреться. До сих пор я не понимал людей, но чувствовал определенную привязанность к ним. Я на самом деле спал, впервые с младенчества, потому что все остальное время я был в броне, которая освобождает предтечей от этого естественного акта.

После десяти дней Дидакт решил выйти из камеры, чтобы заняться физическими упражнениями. Его кожа приняла более естественный серовато-розовый цвет. Он до сих пор не носил доспехи, может быть, потому, что он был полон решимости достичь полной реабилитации без посторонней помощи. Он вел себя тихо и угрюмо. Он не замечал нас, а мы в свою очередь избегали его. И с его выходом на свет наш остров начал меняться.

Все «Сфинксы» теперь вели себя активно. Они двигались целенаправленно. Появились свежие просеки с нетронутым листовным навесом. Я предположил, что они создавали пункты наблюдения и линии связи между возможными оборонительными позициями. Такая подготовка казалась мне архаичной и эксцентричной, если не сказать больше. Хотя, возможно, у Дидакта, были другие мысли насчет всего этого.

Однажды мы наблюдали, как два «Сфинкса» объединились, чтобы создать огромную боевую единицу такого сурового вида, что от одного взгляда на нее бросало в дрожь.

Около ramпы, где Чакас и я обедали фруктами и кокосами, мы часто наблюдали, как Дидакт возвращается из похода, который начался с движения на восток и теперь закончился его приходом с запада. Полный обход острова, в соответствии с новыми трассами.

— Что они *делают*? — спросил Чакас с набитым ртом.

— Производят разведку. Идет подготовка к защите, — догадался я.

— К защите от чего?

Если бы эти люди знали, как нам повезло, что он еще не убил нас своими большими руками или же не приказал «Сфинксам» превратить нас в пепел.

Дидакт спустился по рампе, не обращая на нас внимания, как если мы были просто деревьями или животными.

— Почему мы здесь? — спросил меня Чакос, его голос был приглушенным. — Что связывает его с Лайбрериан?

— Он ее муж, — сказал я. — Согласно старым записям, они поженились. Чакос выглядели потрясенными:

— Предтечи *женятся* друг на друге?

Честно говоря, я тоже был в недоумении. Как мог возникнуть такой интимный союз между величайшим врагом людей и их последним и величайшим защитником?

Я объяснил:

— Предтечи женятся по многим причинам, но, как говорят, чаще из-за любви. Люди никогда этого не поймут. Ваши собственные обычаи слишком примитивны.

Чакос посмотрел на меня с недоумением, тихо выругался и ушел в джунгли.

Райзер постоянно уходил в джунгли в одиночку и приносил много фруктов и кокосовых орехов. Он, казалось, не заботился о том, что может произойти дальше.

Дидакт остался в камере в тот вечер, когда я пошел пешком через джунгли с моими людьми. Именно «мои люди» — так я определял отношения в нашем братстве. Затем мы собрались на пляже под сиянием звезд.

Мы болтались здесь без какой-либо цели. Мы были здесь не нужны — это очевидно. Если мы не должны быть убиты или арестованы, если Дидакт игнорировал нас, то, возможно, мы могли бы проделать наш путь к внешнему берегу и найти лодку.

Но Чакос так не думал. Он отметил, что профиль центрального пика кратера изменился.

— Они увидят его и испугаются. Это отпугнет любые лодки.

Я не был таким наблюдательным. Вообще-то личная броня фиксировала все мелочи жизни, предоставляя предтечам возможность заниматься своими мыслями.

— Что изменилось? — спросил я раздраженно. — Все вроде по-старому: черный пик, деревья вокруг его основания и голые скалы до самого верха.

— Я думаю, машины работают там, — сказал он. — В любом случае идет движение породы.

— «Сфинксы» являются военными машинами, а не экскаваторами.

— Может быть, есть и другие машины.

— Мы их не видим, — сказал я. — И я ничего не слышу.

— Завтра посмотрим, — предложил Райзер и исчез в ближайших деревьях. Он не возвращался в течение нескольких часов.

Следующей ночью мы сопровождали Райзера в одной из его экскурсий. Маленькому человеку, видимо, было позволено свободно пересекать остров,

но на нашем с Чакосом пути вдруг возник одинокий «Сфинкс», вставший перед нами на своих кривых ногах, блокируя дальнейшее продвижение.

— Мы что, *заключенные*? — закричал я.

Но он ничего не ответил.

Чакос покачал головой и улыбнулся.

— Что смешного? — спросил я, когда мы потащились обратно.

Райзер метнулся мимо нас с маленькой кучей орехов.

— Что, только хэйменумы могут здесь свободно ходить? — улыбаясь, крикнул Чакос ему вслед. — Он будет хвастаться этим, если мы вернемся домой. Похоже, здесь он наш начальник.

— Его мозг меньше, чем у вас, — сказал я.

— А у вас меньше, чем у Дидакта. Держу пари!

— Нет, — сказал я, и собирался объяснить ему способы мутаций от Манипулара к более высоким формам предтечей. В это время мы уже вернулись на поляну около восстановительной камеры.

Но мои слова застыли у меня на языке...

Дидакт сидел в позе мыслителя, поверх левой стены рампы. Его темные глаза, как показалось, увидели нас в первый раз, как будто мы были удостоены небольшого внимания. Он спрыгнул со стены с новообретенной ловкостью.

— Манипулар, — сказал он, — почему эти люди здесь?

Чакос и я стояли перед Прометейцем, не зная, что ответить.

«Настало время суда и наказания», — подумал я.

— Скажи мне, что здесь делают *люди*?

— Это *наш* мир, — ответил Чакос, имитируя возвышенный тон голоса Дидакта. — Возможно, это мы должны спросить, что вы здесь делаете.

Я хотел зажать его рот руками и повернулся, чтобы помешать ему выговориться, но Дидакт поднял руку.

— *Вы*, — сказал он, указывая на меня, — как вы сюда попали?

— Человек говорит правду, — сказал я. — Это планета отведена для их проживания. Я же пришел сюда в поисках артефактов. Эти люди показали мне место вашего упокоения. Они содержат геос-ген.

— Криптус непросто открыть, — он прервался, и поглядел на небо. — Один из вас нашел способ, чтобы открыть мое скорбное убежище. Кто? Как?

Его печаль легла, как тень на пляж и джунгли. Мне в присутствии такого древнего предтечи казалось, что сам воздух был заполнен мраком и унынием.

— Люди пели песни, — ответил я. — Криптус открылся.

— Я знал только одного предтечу, который был таким хитрым, — сказал Дидакт, и его голос смягчился. — Или таким умным... Как ты сказал... люди содержат геос-ген. Кто-то ввел им коды в зачаточном состоянии или генетически, еще раньше?

— Я думаю, что это так.

— Сколько времени прошло?

— Наверное, тысячу лет, — сказал я. — Тысячу лет сна.

— Я не *спал*, — сказал Дидакт. — Я вошел в Крипtum в другом мире. Кто-то перевез меня сюда... Почему?

— Мы лишь инструмент Лайбрериан, — сказал Чакос. — Мы служим ей. Дидакт посмотрел на человека с отвращением:

— Моими «Сфинксам» кто-то помогал возродить меня.

— Я помогал.

— Я надеялся возродиться в триумфе и в признании моей точки зрения, но вместо этого я вижу возле себя молодого дурака и потомков древних врагов. Это хуже, чем позор! По какой причине? Лайбрериан решила возродить меня в таких унижительных обстоятельствах.

Он поднял руку, затем выполнил круговые движения в воздухе. Части боевой брони, плавно выплыли из камеры и расположились вокруг Дидакта. Части брони облачили его конечности, туловище и, наконец, верхнюю часть головы мерцающими полосами, которые плавали в нескольких сантиметрах от его кожи. Я был удивлен скромностью его брони. Броня моего отца была гораздо богаче, но он не был легендой.

— Должна быть причина, по которой моя жена не прибыла сюда, чтобы поприветствовать меня, — сказал Дидакт, когда он был полностью одет. Он протянул руки к звездам, и его пальцы начали двигаться так, словно он хотел заставить сдвинуться несколько созвездий. Я даже удивился, когда звезды этого не сделали.

Пальцы заиграли пучками синей энергии, и он сжал их в кулаки:

— Вы ничего не понимаете.

— Так просветите меня, — сказал я.

— Вы просто Манипулар и ничего в этом не смыслите. — Он указал на Райзера. — Маленький человек, я знаю ваш вид. Вы древнейшая форма. Вас, наверное, сохранили, потому что вы умные и миролюбивые. Достойная замена домашним животным, чтобы развлечь и приучить к порядку нашу молодежь. А вы... — Он ткнул пальцем в Чакоса. — Вы слишком похожи на людей, которые почти разрушили мой флот и убили многих моих воинов. Моя жена много на себя берет. Она раздражает меня.

Он посмотрел на нас и вытянул руки. Его броня вспыхнула:

— И вы меня раздражаете.

Лицо Чакоса омрачилось, но он ничего не сказал.

Дидакт был в ярости. Казалось, он готов был нас убить... Но затем, наверное, переосмыслил свои действия. Его руки опустились, и броня вернулась в состояние защиты.

— Манипулар, где вы увидели первый свет? — спросил он.

Я объяснил, что родился в почтенной семье Строителей, которые населяют системы внутри и вокруг Комплекса Ориона.

— Почему вы голый?

— Мерс окружает этот остров, — ответил я. — Он не терпит сложных машин.

— Моя жена разводила мерс и в нашем саду, — произнес Дидакт. — Я сам никогда не любил этих тварей. Покажите мне...

Глава 7

В дурном настроении Чакос присоединился к нашей компании, когда мы пошли прогуляться вдоль внешнего берега. Вдалеке кипела работа. «Сфинксы» выполняли работу в качестве экскаваторов, что, по-видимому, также удивляло Дидакта. По правде говоря, он все чаще и чаще казался чем-то встревоженным.

И у него тоже не было объяснений по поводу перестройки центрального пика.

— Почему я здесь? — сказал он, когда мы смотрели на озеро Джаманкин. Он нашел низкий валун и сел в созерцательной позе. — Никто не может сказать мне, почему я все еще не в своем мире.

— Вы в изгнании, — сказал я.

— Да, это изгнание. Я вынужден был отступить. Моя правда; тактические и стратегические мудрости бесполезны против смелых утверждений Мастер-Билдера.

Он остановил себя:

— Но это не для ушей Манипулара. Скажите, это оружие построили? Было ли оно использовано?

Я ответил ему, что ничего не знаю об этом оружии.

— Это несущественно. Как Манипулар, вы не имеете нужды постигать нечто большее, чем ваши фантазии. Хуже того, вы, очевидно, сосредоточились на личных амбициях. Ну, конечно... артефакты прекурсоров. Без сомнения, вы ищете Органон.

Его слова ножом прошлись по моему самоллюбию, наверное, потому, что они были правдой.

— Я честно добиваюсь своего. Я не иду в обход, — сказал я и процитировал: *«Ты познаешь себя, если осмелишься»*.

— Эя, — пробормотал Дидакт, покачивая большой головой. — Один раз я сказал это ей, а она упрекает меня этим до сих пор.

Он посмотрел на озеро и ясный восход солнца.

— Мерзкие животные, — сказал Дидакт, наблюдая, как мерс злобно извивался в озере. — Как вы сюда прошли, не подвергшись их нападению?

Я рассказал о людях и об их деревянных лодках с паровыми двигателями.

— Люди снова изготавливают механизмы... Я был хорошо и тщательно спрятан. Ни один другой предтеча не стал бы искать меня здесь.

— Долгое время, — подтвердил Райзер. Он инстинктивно был счастлив, находясь возле Дидакта. Я видел это очень ясно: *«Я ваш слуга навеки...»*

Неудивительно, что Чаκος был в дурном настроении. Его собственные инстинкты, скорее всего, либо были давно стерты, либо заполнены темными воспоминаниями.

— Ваш Криптум убил бы любого человека, который осмелился подойти к нему, — сказал я. — Или, по крайней мере, любого глупого человека.

— Естественный отбор, — сказал Дидакт.

— Но был и безопасный способ, частично. Кто-то сделал головоломку, которая будет решена в человеческом воображении. Люди приходили снова и снова и приносили себя в жертву, а оставшиеся в живых возвели стены и положили камешки, чтобы показать путь. Кто-то хотел, чтобы вы были обнаружены, когда придет время.

Дидакт стал еще сумрачней.

— Тогда времени почти не осталось, — сказал он. — Все, что мы пытались сделать, как наследники Мантии, все это будет разрушено, и галактика погибнет... Как они этого не понимают?

Он тяжело вздохнул:

— Хуже уже не может быть. Присоединяйтесь к своим друзьям и пойте грустные песни, Манипулар. Нам вынесен смертный приговор.

— Это то, что вы все заслуживаете, — сказал Чаκος.

Прометеец не обратил на него никакого внимания.

Глава 8

Ночью профиль центрального пика резко изменился. Тысячи огней, словно пожар, вспыхнули в темноте. Яркого-голубое пламя сжигало все вокруг пика Джаманкин и оплавляло выступающие поверхности скалы. Зарницы от пожара были видны до рассвета, пока их не поглотили первые солнечные лучи.

Райзер согласился сопровождать меня по дороге к внутреннему берегу, собирая по пути кокосы и кислые зеленые фрукты. Он также предложил мне кусок сырого мяса животного, которое попало в сеть ночью, но я, конечно, отказался: Мантия запрещает употребление в пищу плоти животных.

Чакоса нигде не было видно.

Наконец Солнце осветило, то, что раньше являлось пиком, — большой круг тонких колонн, которые возвышались на тысячу метров от земли, окруженные остатками горы и черным шлаком. Я никогда раньше такого не видел и подумал, что, может, здесь и правда была военная машина Прекурсоров, полностью активированная и готовая к бою.

Я вспоминал множество исторических и героических подвигов Дидакта и не понимал, как великий воин и защитник цивилизации предтечей, истинный Прометеец, может испытывать такую глубину поражения. Какие ужасы видел этот великий Воин в своей долгой жизни и что могло вынудить такого сильного и благородного предтечу уйти в медитативное изгнание?

Я перевел свои размышления и на другую тему. Действительно, концепция конца истории предтечей мне и в голову не приходила. Я считал это смешным. И все же...

Принадлежащая Воинам идея уничтожении всего вида людей теперь, когда я, действительно, встретил людей, казалось, нарушает все заповеди Мантии. Мантия не давала нам власть, чтобы использовать такие методы воспитания наших врагов. Даже люди, которые так деградировали, заслуживали уважения. В конце концов я узнал много о Чакосе, наблюдая за ним, и мое мнение насчет деградации людей изменилось. Вина Дидакта за его поступки — вот, что может объяснить его глубокое чувство разочарования.

Я перевел взгляд на столбы и попытался понять, для чего они могут использоваться. Были ли они предназначены для Дидакта? А может, это маяк, постройкой которого Дидакт объявил о своем возвращении? Или это его последнее слово, последний аргумент?

Я ничего не понимал в политике предтечей. Я всегда презирал эти проблемы высших форм. Но сейчас я почувствовал слабость в своих суждениях. Мир моей юношеской наивности разрушало осознание того, что мир моего народа, мир общественного порядка и регламентаций, мой внутренний мир, не может быть вечным и что переход из формы Манипулара к форме Строителя был моей судьбой, которую я избегал так беспечно...

Сегодня утром я в первый раз почувствовал истинную смертность. И не только мою собственную. Теперь я понял глубокий смысл символа старых времен, поднятые руки с молнией между вытянутыми пальцами, триангуляцию формы, сознания и судьбы, из которой нет возврата.

Чакос прервал мои мысли, дотронувшись до моего плеча. Я обернулся и увидел, что он стоит за моей спиной, глядя со страхом на колонны.

— Они идут с востока, — сказал он.

— Люди плывут через озеро, через мерс?

— Нет. Небо заполнено кораблями. Лайбрериан больше не защищает нас.

— Вы сказали об этом Дидакту?

— А зачем мне это нужно? Он монстр.

— Он великий герой, — сказал я.

— А *вы* — дурак, — сказал Чакос и побежал в джунгли.

Глава 9

Корабли медленно двигались большой серо-черной линией с востока на запад, словно разрезая небо лезвием из стали или адамантия. Их было несчетное количество! Я никогда не видел так много судов в одном месте. Я не мог понять, зачем применять такую силу, если на самом деле они прибыли сюда, чтобы захватить и заключить в тюрьму только одного старого Воина, даже если он Прометеец.

Зачем такая демонстрация силы?

Я находился на внутреннем пляже, лежа на песке, наблюдая, как корабли выстраиваются в большую спираль вокруг кратера Джаманкин. В центре круговорота находилось величайшее судно Строителей, крупнейшее из тех, которых я когда-либо видел. Рядом с ним завис огромный корабль Горняков, по размерам в несколько раз превышающий судно, принадлежащее моей приемной семье. В воздухе стали образовываться облака диффузной энергии, от давления двигателей кораблей висящие в атмосфере.

Тень, закрывая меня от Солнца, заставила отвлечься от этого удивительного зрелища. Я повернул голову и увидел «Боевого Сфинкса» буквально в нескольких метрах от меня.

— Дидакт хочет вас видеть, — объявил он.

— Зачем? — спросил я. — Галактике приходит конец. Я просто кусок отходов материи. Кому я нужен?

«Сфинкс» сделал шаг вперед, развернул плечи, выпустив гибкие манипуляторы. Твердый свет вспыхнул вдоль всех его суставов.

— Так что, это не просьба? — сказал я и вскочил на ноги. — Мы пойдем пешком? Или вы предлагаете мне поехать?

— Зачем вам неприятности, Манипулар, — произнес «Сфинкс». — Ваше присутствие будет полезно.

Я почувствовал в первый раз, что, может быть, он больше, чем просто механизм.

— Он хочет, чтобы я был свидетелем его ареста, — сказал я. — Но зачем?

— Эти корабли здесь не для того, чтобы арестовать Дидакта, — сообщил мне, «Сфинкс». — Они здесь, чтобы попросить его о помощи. Но у него другие планы.

Я не знал, что сказать, и просто последовал за «Сфинксом». Но потом решил задать еще один вопрос:

— Почему вы разрушили гору?

— Это план Лайбрериан.

Это, конечно, не сказало мне ни о чем, но заявление было интригующим. Что-то они затевают — это очевидно. Если на то пошло, без моей брони, я никуда годился, даже как Манипулар. Но тот факт, что Дидакт помнит о моем существовании и ему требуется мое присутствие, показался очень интересным.

Отблеск плазмы в небе ударил по моим глазам, я посмотрел вверх и увидел, как другие «Сфинксы» летели через внутреннее озеро на высоте нескольких сотен метров.

Я огляделся: внутренний пляж опустел.

— Где все? — спросил я.

В кабине управления «Сфинкса» открылся люк. И, как мне показалось, с тяжелым вздохом «Сфинкс» сказал:

— Вы выразили желание присоединиться к Дидакту?.. Садитесь.

Я знал достаточно о протоколах Воинов и их машин, чтобы понять, что лучше ему не перечить и не вести себя вызывающе. Тогда меня осенило, что людей также пригласили «Сфинксы».

Почему мы так важны для Дидакта?

Я забрался через люк в кабину, и он позади меня герметично закрылся. Кабина внутри была достаточно просторна. Предназначенная для обычного Воина, наверное, Дидакту она была бы тесновата; но для почти полностью обнаженного Манипулара места было очень много.

По стенам и на потолке мерцали устаревшие дисплеи и контрольные датчики состояния брони. Стоя на месте, через порты прямого просмотра я мог видеть круговую панораму вокруг «Сфинкса», а также следить за его взглядом.

«Сфинкс» поднялся вверх и начал движение в сторону таинственных столбов. Корабли продолжали свое спиральное движение над островом, не предпринимая больше никаких действий.

Я подумал, что везде, где будет Дидакт, вероятно, нас ждут неприятности.

Трудно представить ту власть, которая когда-то была у него в руках, если и сейчас, спустя тысячу лет, его возвращение заставило легионы предтечей разыскать его и направить свои корабли на остров.

Мы пересекли внутреннее озеро за несколько минут — неторопливый темп для боевых единиц, способных на прыжок с высокой орбиты, предназначенных для зачистки целых континентов и уничтожения городов. Единственное, чего в этих старых машин не хватало, — прямой связи с пространством скольжения. Хотя я этого не знал наверняка.

«Сфинксы» облетели вокруг столбов, затем прошли между ними и приземлились в центре восьмиугольной платформы. Там они расположились в эллипс, так же, как когда я впервые увидел их несколько дней назад.

Люк открылся. Я соскользнул по заднему манипулятору вниз. Из другого «Сфинкса» вылез Райзер, явно чем-то взволнованный.

Флориан подбежал и встал рядом, ломая руки.

— Наконец-то мы вместе, — с трепетом пробормотал он, потом ухмыльнулся мне и вытер лоб. — Нет жизни. Нет счастья. Плохо, очень!

Когда прибыл последний, двенадцатый «Сфинкс» с Чакосом на борту, в центр эллипса вошел Дидакт.

— Я похитил вас, молодой Манипулар, — сказал он. — Люди тоже должны находиться здесь. Я извиняюсь.

— Почему вы сейчас извиняетесь? — спросил я.

Выражение лица Дидакта не изменилось, и он не отреагировал на мой вопрос. Я был для него назойливым щенком, что крутился у ног Прометейца. Он просто смотрел наружу платформы, нахмутив брови, и, не теряя концентрации, спросил:

— Где еще один человек?

— Его все еще нет, — сказал Райзер.

Чакос выбрал этот момент, чтобы высунуться из люка своего транспорта. Он посмотрел на нас одурманенным взглядом, спустился по задней части машины и, когда попытался встать на ноги, зашатался, затем упал и его вырвало.

— Небо... плохо, — сказал Райзер.

Дидакт посмотрел на это проявление человеческой слабости с теми же эмоциями, которые он проявил ко мне.

Я почувствовал, что платформа стала вибрировать у меня под ногами, а затем начала медленно вращаться. Все вокруг: столбы, подножья горы и суда, висящие высоко над нами, — казалось, сливается в один спиральный водоворот. Мы ничего не почувствовали, но все же Райзер пришел в смятение.

Я старался не смотреть вниз, чтобы избежать головокружения.

— Через несколько часов все признаки моего пребывания здесь будут стерты. Никто не сможет доказать, что я когда-либо здесь был, — сказал Дидакт.

— Корабли видят нас?

— Пока нет. Но они, очевидно, что-то знают.

— Почему их так много? — спросил я.

— Они пришли просить моей помощи или, возможно, снова арестовать меня. Я думаю, первое. Но я не в силах помочь им. Я находился здесь слишком долго. Мне пришло время уйти. А все вы уйдете со мной.

— Как? И куда?

Ответ на мой первый вопрос, возник как раз тогда, когда я его задал. Платформа перешла в очень быстрое вращение, а колонны распались на тысячи нитей, которые начали формировать в пространстве над нами корпус огромного звездного корабля. Переборки, балки, стойки и все необходимые детали росли вокруг нас так быстро, что не было никакой возможности отслеживать все изменения. Наконец, нити колонн закрыли небо над нами, и последним круговоротом сформировался механизм для путешествий в пространстве скольжения.

Дидакт стоял ко мне спиной, с вытянутыми руками, как дирижер, жестами направляя формирование пространства вокруг нас.

— Что будет, когда они заметят нас? — спросил я.

— Оттуда, где они сейчас, они видят только твердые скалы и воды озера: пространство контролируется станцией Лайбрериан, — сказал Дидакт. — Она все и всегда хорошо планирует. Но когда корабль сформируется и мы запустим двигатели, нас заметят.

— Она сделала это для вас? — спросил я.

— Для нашего великого дела, — сказал Дидакт. — Мы боремся за чистоту Мантии.

Дидакт повернулась ко мне лицом, как только формирование пространства вокруг нас завершилось. Мы находились в большом, полностью оборудованном командном центре. Наверное, даже мой отец не смог бы разработать такой совершенный корабль.

Я легко представлял себе внешний корпус судна, серый, блестящий, удлинённой яйцевидной формы, по крайней мере, тысячу метров в длину.

Энергия формирования должна быть просто огромной. Но Лайбрериан так ловко скрыла постройку корабля по новой технологии, что его не обнаружила висящая около центрального пика армада кораблей предтеч.

Технология предтеч по-прежнему росла скачкообразно, даже после миллионов лет.

Вокруг командного центра возникло голографическое отображение острова и возможность просмотра во многих аспектах и деталях, а главное, я увидел корабли, кружащиеся по спирали в поисках Дидакта.

Яркая звезда засверкала в центре спирали. Эта звезда обозначала расчетную точку нашего отправления в пространстве скольжения. Но перед прыжком мы должны пройти через скопление других кораблей.

Мы начали подъем с острова. Голограмма в командном центре показывала наше движение, но мы ничего не чувствовали. «В данный момент корабли видят нас, — подумал я. — Такое большое судно определенно нельзя не заметить!»

Я почувствовал ощущение свободы, а каждая частица нашего корабля и наши тела были собраны воедино и вырваны рукой времени с этого проклятого острова. И на пути поиска новых ступеней познания, новой судьбы мы улетали далеко, за тридевять земель...

— Эя, — сказал Дидакт. — Мы в пути. Ты это сделала.

Дисплеи отображали траекторию нашего курса. Мы шли наружу большого спирального рукава галактики, отдаляясь от комплекса Ориона, до которого от планеты Эрде-Тайрин было всего несколько десятков тысяч световых лет.

Если бы я знал, куда мы бежали и что мы там найдем... Даже нарушив самые величайшие заповеди Мантии, я бы убил себя здесь и сейчас...

Глава 10

Я знал достаточно о межзвездных путешествиях, чтобы понять уровень времени подобной кривой в пространстве и парадоксы скручивания и концентрации мировых линий в пространстве скольжения. Потенциал взаимодействия частиц и волн, которые составляют атомы, огромен. С этими знаниями предтечи обладают достаточной властью, чтобы изменять форму миров, перемещать звезды и даже управлять смещением осей целых галактик.

Мы изучили другие пространства, другие реалии — «пространство скольжения», «пространство отчуждения», «первозданную пустоту», «пространство свернутых измерений», «фотонные сферы Глоу».

Но просторы между звездами так велики, таинственны и необъятны. А наше знание об этих расстояниях, как я думаю, почти утрачено, потому что мы пересекаем их так быстро и неосознанно. Остались ли в памяти предтечей, а может быть, даже в комбинированной памяти всех предтечей, когда-либо живших, события первого или второго перелета между двумя соседними звездами?

И тем не менее путешествие на этом корабле, мне казалось, длится вечно. Без своей брони я чувствовал, как разрушается моя плоть. Я был наг в космосе первый раз в моей жизни. Я возненавидел его.

Но когда мы прибыли в назначенную точку, я пожалел, что все было кончено.

Мы смотрели вниз, на огромный, мрачный, скалистый мир. Планета была похожа на опаленный труп, на кусок оплавленного шлака и не подавала и признака жизни. На ней еще пребывала остаточная атмосфера — минимум, необходимый для выживания предтечей, одетых в броню, но это было смертельно для наших людей.

Чакос и Райзер находились в углу командного центра. Райзер пребывал в беспокойном полусне. Испуганный Чакос смотрел на нас с сердитым выражением. Он знал, что находится далеко от дома и, наверное, подозревал, что никогда туда не вернется. Он ничем не был обязан предтечам и Дидакту.

Как ни странно, я очень переживал за него.

— Раньше это был главный мир прекурсоров, — сказал Дидакт, — эту планету покрывали огромные структуры, главным образом неповрежденные. Это очень впечатляло.

Я посмотрел вниз с благоговением. Я никогда не слышал о таком месте.

Голос Дидакта понизился:

— Все изменилось, — сказал он.

— Как изменилось? — спросил я.

Мы подошли к мониторам командного центра.

— Мы получаем снимки с нашей орбиты, — продолжил Дидакт, — нет орбитальных арок, нет орбитальных щитов. Все выглядит так, как будто они рухнули с орбиты. Посмотрите на эти следы от импульсного воздействия... Все в коррозии. Я не наблюдаю ничего, что было здесь раньше: города, дороги — все исчезло. Ничего нет.

— Как это может случиться? — сказал я. — Артефакты прекурсоров вечны. Они как напоминание нам о нашей ничтожности, на все времена.

— Очевидно, нет, — сказал Дидакт. Он о чем-то задумался, затем хлопнул в ладоши и поднял одну руку вверх. На мониторах командного центра отобразился процесс сканирования пространства в широком спектре.

— Мы изучали основные принципы технологий прекурсоров, и немного же мы знаем, — продолжал Дидакт, — или думаем, что знаем. Ведь никто и никогда не видел этих технологий в действии. Или я не прав? — взглянул на меня Дидакт. — Скажите, что вы знаете, что изменилось в понимании Прекурсоров за последнюю тысячу лет, и я буду судить о том, могли бы вы быть полезным для меня.

— Основной принцип был назван — это нейронная физика, — сказал я. — Прекурсоры знали, что Мантия распространяется на всю вселенную, на энергию и материю, а также на все живые существа... Так говорят. Вселенная живая, но не так, как мы.

— Так говорят... За время моего изгнания мы раскрыли их тайны, приобрели новые знания?

— Нет. Именно поэтому я ищу Органон.

— Но он не существует, — сказал Дидакт, — в том виде, как вы его представляете.

Я почувствовал себя разочарованным.

— У меня были такие мысли, — сказал я. — Но радость поисков и тяга к приключениям...

— Эя. Может быть... Поиски, борьба, но нет открытий, нет побед...

Я удивленно посмотрел на Дидакта.

— Люди должны чувствовать себя здесь, как дома, — сказал Дидакт. — Когда-то они знали эти миры лучше предтеч. Они сражались и умирали здесь, в окружении реликвий прекурсоров...

Датчики нашего корабля сканировали тепловые и других следы излучений и задержки в модели мировых линий от внутренней части галактики до дальних пределов спиральных рукавов.

Дидакт медленно повернулся и молча показал на прогресс сканирования. Затем он указал на пустоту в магнитном потоке системы:

— След от гигантского сооружения в соседней системе, не более трехсот миллионов километров отсюда.

— прекурсоры? — спросил я.

— Нет. Предтечи. Размер и масса объекта очень большие, что создает постоянное искажение поля системы. Смотрите: что-то даже оставляет след в звездном ветре.

— Давно оно там?

— Судя по распространению его магнитной тени, четыре или пять лет. Транспорт-портал для перемещения таких объектов очень мощный, они должны были замедлить остальной трафик пространства скольжения по всей галактике.

Дидакт вытянул вперед руки и, как скульптор, спроектировал виртуальные графики, диаграммы и виртуальные модели на основе измерений датчиков. То, что они показали, был круговой разрыв в межзвездной среде и замедление цикла колебания магнитного поля на сотни миллионов километров.

— Этот мир был недавно использован в качестве испытуемого, — сказал Дидакт, — и я догадываюсь кем.

— Испытаний чего?

— Они транспортировали большое, *ужасное* оружие в эту систему и применили его. Потом они ушли и взяли его с собой. Строители продвигаются вперед с их планом полного нейронного уничтожения. Когда я вошел в Крипtum, конструкция не была завершена. Очевидно, что-то изменилось. На этот раз они попробовали его в ограниченном масштабе. Однако... возник неприятный побочный эффект, которого, я надеюсь, они не ожидали. Мы должны действовать быстро.

Изображение дрогнуло и исчезло.

— Лайбрериан узнала о тесте. Предположив, что она постарается предупредить меня, Строители установили за ней наблюдение. Она не могла сама освободить меня, но она использовала тех, кого любит больше всего... наших проблематичных братьев — людей. — Он взглянул на Чакоса и Райзера. — В конечном счете они помогли спасти меня от ареста. Они у нее на службе, знают они это или нет.

— Они знают, — сказал я.

— И нравится мне это или нет, она знала, что они должны стать моими союзниками, — сказал Дидакт. — Пусть будет так. Мы спускаемся вниз, на планету. Мы все. Оденьте броню. Системы корабль снабдят Вас всем необходимым снаряжением.

Глава 11

Мне потребовалось около часа, чтобы экипироваться в новую броню: многочисленные части технических единиц зависали в воздухе, и я метался от переборки к переборке, чтобы настроить и подключить необходимые детали. Когда все было одето и подключено, активировалась защита брони, пронзая меня электрическим импульсом.

Люди наотрез отказались облачаться в броню, но, загнанные в угол командой дронов, были вынуждены подчиниться. Чакос облачился в броню более охотно, чем Райзер. Но бедный флориан был подавлен, ворча про себя, отбивался, как мог. Дидакт попытался успокоить его легким ударом по щеке. В ответ Райзер укусил его за палец.

Дидакт отдернул руку, но проявил терпение.

Райзер немного успокоился и позволил надеть на себя броню, лишь иногда вздрагивая при незначительных щипках манипуляторов. Я заметил, что мой похититель был проницательным во многих сложных поведенческих вопросах.

Я никогда не встречал таких предтеч, как Дидакт.

Воины, как правило, были замкнуты и контактировали в основном с политическими лидерами, чаще всего Строителями. Несколько Воинов, среди них Дидакт, когда-то входили в различные Советы, но только в качестве консультантов. Навыки ведения войны, необходимые время от времени, всегда казались постыдными и противоречили основным принципам Мантии. Тем не менее Предтечи вели войны много раз и, вероятно, будут вести еще.

«Лицемерие способно разрушить ствол шахты», — любил говорить мой приемный отец.

Дидакт ходил вокруг меня, проводя серию силовых тестов, пробивая плечо и торс экранированной плазмой, проверяя общую защиту моей брони, но я ничего не чувствовал. Моя серебристо-серая броня имела плавно изогнутые линии; дисплей шлема, с подсветкой белого и зеленого цвета, был уже достаточно функциональным, чтобы предоставить мне списки командных структур. Здесь, на этом корабле, минимальный доступ Манипулара, как оказалось, был расширен, наверное, с разрешения Дидакта.

И вскоре я услышал знакомый голос.

Маленькая голубая женская фигура снова появилась у меня в мыслях. Я почувствовал, как тонкие нити проникают в мои нейроны, устанавливая необходимые связи с памятью и мышлением. Анцилла.

— Я здесь, Манипулар, — сказала она. — Я не могу установить соединение с вашей предыдущей анциллой. До того как соединение будет установлено, я могу служить вам в меру моих способностей.

— Ты из сотрудников Лайбрериан? — спросил я.

— Да, это так.

— Анцилла, ты здесь, чтобы служить мне или Лайбрериан?

— Вы разочарованы вашим нынешним положением?

Это заявление застало меня врасплох. Я посмотрел на командный центр. Люди неуклюже приспосабливались к своим новым нарядам. Райзер стал намного выше, чем он был, и ходил на вновь приобретенных длинных ногах, которые ставили его на один уровень с Чакосом.

Дидакт был погружен в изучение следов в фотонной сфере «Глоу», которые могли дать больше информации о том, что случилось здесь.

— Не ищите путей в мое сознание, — сказал я анцилле. — Мне не нравится, когда роются у меня в голове против моей воли, даже чтобы компенсировать мою глупость.

— Вы считаете себя глупым?

Подошел Чакос.

— У меня тоже есть женщина в моей одежде, — сказал он с горькой иронией. — Она говорит, что поможет мне. Женщина синего цвета. Где она на самом деле?

— Она не существует, за исключением твоей головы...

— Могу ли я спать с ней? Жениться на ней? — спросил Чакос.

— Хотел бы я на это посмотреть...

Чакос, не понял моего ответа:

— А вы можете помочь? — спросил он.

К нам подошел Райзер; его глаза были закрыты, как будто он не хотел показать то, что видел:

— Все чешется. Но через нее я могу видеть всю свою семью. Она похожа на хэйменумов, но не является частью моей семьи.

Мне стало интересно, какую форму приняла анцилла в голове Райзера.

Чакос повернулся ко мне:

— Хэйменумы всегда жили с предками в головах. Мы этого не умеем.

— Она ответит на ваши вопросы, — сказал я, — если вы придумаете, что спросить.

Райзер кивнул:

— Возможно, она является нашим предком, — сказал он и снова закрыл глаза.

К нам подошел Дидакт:

— Ладно, они выглядят глупо, — сказал он и кивнул на людей. — А почему так выглядите вы? Что-то случилось?

— Анцилла была запрограммирована Лайбрериан?

— Это моя анцилла, — сказал Дидакт. — Мы здесь, чтобы выполнить миссию, которую поставили перед собой тысячи лет назад. Вы должны это себе ясно представлять.

— Стесняюсь спросить, что я должен здесь делать и чему мне нужно научиться?

— Учиться, да, конечно, Манипулар, и у вас будет в этом свобода действий.

— Мне смириться с этим?

— Именно так. — Он снова посмотрел на дисплеи. — Нет, с орбиты я не могу ничего сделать. Мы идем вниз, к поверхности. Приготовьтесь.

— Люди стали животными, они не готовы к этому, — сказал я.

— Я когда-то воевал против этих животных, — сказал Дидакт. — Поверьте мне, они способны удивить Вас. Убедитесь, что они подготовлены. Легкой прогулки не будет.

Чакос выслушал этот диалог, его лицо выражало спокойное презрение.

— А что он хочет от нас? — спросил Чакос.

— Обменять нас на мешок фруктов, — сказал Райзер.

Я почувствовал симпатию к этим двум подчиненным. Животные, возможно, но не дураки.

Я выдал людям информацию:

— Там внизу мертвая планета, — сказал я. — Мы собираемся туда спуститься.

Корпус корабля пел в плотных слоях атмосферы. Он содрогался от нагрузок, и мне стало не по себе. Интегрированная защита еще не проходила испытаний, особенно в условиях прыжка на планету с высокой орбиты.

— Лайбериан защитит вас, — сказал я им.

Я вернулся к Дидакту. Он был весь в научных исследованиях; его броня синхронизировалась с кораблем, чтобы получить новые объемы знаний. Несколько неожиданно для меня анцилла открыла доступ к базам знаний Дидакта.

Наверное, он захотел, чтобы я больше узнал о нем.

Десять тысяч лет назад Лайбериан и Дидакт впервые вступили на планету Чарум Хакор — политический центр империи людей и сан'шум. Великая битва при Чарум Хакор разрушила альянс с сан'шум и уничтожила последний рубеж человеческого сопротивления. Это сражение, эта пресловутая великая победа, с точки зрения Мантии, была, конечно, в высшей степени позорной и не принесла славы Дидакту.

Серая, бесплодная планета расширялась на мониторах. Наш корабль вошел в аэродинамический коридор посадки, и защита вспыхнула излучением щитов.

Мы прибывали на мертвый мир в мертвой системе:

— Внизу... Это Чарум Хакор, не так ли? — спросил я.

Дидакт не ответил, но я чувствовал, что это правда.

— Дураки, — пробормотал он и посмотрел на меня с глубокой печалью. — И они утверждают, что Воины нарушают заповеди Мантии?

Медленно мы прошли через последние несколько километров атмосферы. Нашу броню заблокировало на момент касания поверхности планеты. Позади меня Райзер недовольно бормотал, что не в состоянии двигаться.

Мы совершили посадку. В командном центре открылся прямой порт с выходом на поверхность.

— Люди сделали Чарум Хакор центром своей империи, чтобы быть ближе к одной из самых больших тайн прекурсоров, — сказал Дидакт. — Они считали, что были истинными наследниками Мантии.

— Ересь, не так ли? — спросил я.

— Это была одна из причин нашей войны, — ответил Дидакт. — Но были и другие причины. Люди стали захватывать новые миры, что вызвало возмущение предтеч. В течение пятидесяти лет один из галактических

рукавов полностью отошел под контроль людей. Их передовые отряды начали исследовать наши новые колонии. Затем они вступили в союз с сан'шум, объединили свои знания и создали оружие, против которого мои Воины имели мало шансов на выживание.

— Колонии? Я думал, предтечам не нужны новые миры.

Дидакт вздохнул:

— Есть много вещей, которым Строители не учат свою молодежь, — сказал он. — Преждевременное смещение Ориона в сторону центра галактики заставило нас переселять коренное население от умирающих звезд на внешние системы. Лайбрериан и ее сотрудники каталогизировали и искали наиболее подходящие светила, похожие на их родные звезды.

— Вы перемещали планеты?

— Да, — сказал Дидакт. — Люди исповедуют пуризм своей расы. Они против того, чтобы жить по соседству с другими видами. В самом деле, они одни из самых нетерпимых и эгоистичных видов. — Он оглянулся на Райзера и Чакоса. — Я никогда не понимал, как моя жена их терпит.

— Предтечам тоже не нравится жить вместе с другими видами, — заметил я.

— Да, но по уважительной причине, — сказал Дидакт. — Мы хранители Мантии. Мы должны сосредоточить все внимание на защите и сохранении всей жизни в галактике, включая нас самих.

Я слышал этот принцип довольно часто, но теперь он прозвучал неубедительно.

— Люди хотели, чтобы их просто оставили в покое, — сказал я.

— О, люди не просто расширяли свое влияние, а вытесняли и уничтожали низшие расы, даже себе подобных. Сан'шум, к примеру, не склонны к такому насилию. Они красивая и умная раса, озадаченная вечной молодостью и сексуальностью. Их великая догма — проводить свою жизнь в роскоши. При всем том их наука была необыкновенно развитой. Я предполагаю, что через несколько веков люди и сан'шум начали бы воевать друг с другом. Люди, несомненно, уничтожили бы своих более изнеженных союзников. Мы спасли их от вымирания.

— Опустошив оба мира, — сказал я.

— Мы заключили договор с сан'шум. Для людей не было никакого договора. Но Лайбрериан удалось сохранить больше, чем я ожидал.

— Простите за дерзость, но ваши отношения с ней не кажутся мне идеальными.

— Вы не знаете и половины...

Горизонт поседел рассветом; появились первые проблески зари, осветившей странные остроконечные горы. Они возвышались повсюду. Но при более тщательном взгляде стало очевидно, что это не природные образования. Очертания резкие, но все же монументально искусственные. Когда-то эти руины были фундаментом и основой для древних построек Прекурсоров, известных еще как «Вечные Несгибаемые Волокна». Но что-то

превратило якобы вечные волокна в шлак. Мысль об этом бросила меня в дрожь. Прекурсоры строили на века!

— Атмосфера не является оптимальной, — сообщила анцилла, как только мы спустились на поверхность по рампе выходного порта. Видно было, что Райзер и Чакос чувствуют себя неуверенно. Райзер попытался взобраться обратно, но порт отверг его.

— Вы бы видели этот мир в его расцвете, — сказал Дидакт. — Он был великолепен. Центр таинственных, спящих сил. Люди жили среди загадок древности, но никогда не могли постичь их до конца. Теперь, посмотрим, что мы натворили, — гнев и ужас смешались в его голосе.

— Как? — спросил я. — Как они уничтожили артефакты прекурсоров? Они нерушимые, вечные.

— Прекурсоры понимали вселенную так, как мы никогда не сможем ее понять, — ответил Дидакт. — Мы не смогли открыть их секреты, но зато теперь, видимо, мы можем уничтожить все, что они когда-либо сделали. Вот, что я называю прогрессом.

Глава 12

Корабль находился возле широкой многокилометровой арены. Неровные стены ее состояли из огромных кусков камня, размером в несколько десятков метров, с вкраплениями прозрачных кристаллов. Они блистали в свете низкого сине-белого светила ослепительными точками вблизи горизонта.

На поверхности планеты было холодно. Тонкая, бедная кислородом атмосфера не скрывала неба, усыпанного звездными скоплениями в одной стороне и почти пустого в другой. Там, за краем галактики, была пустота — межгалактическое пространство, практически первозданный вакуум. Предтечи не осваивали просторы, где мало или совсем нет ресурсов. Вакуум между отдаленными островами большого богатства и энергии их просто не интересовал.

Предтечи вполне довольны ресурсами галактики в настоящее время и редко смотрят наружу. Так меня учили. Но, как недавно сказал Дидакт: — *«есть много вещей, которым Строители не учат свою молодежь».*

Броня защищает нас от суровых атмосферных условий и без труда поддерживает все жизненные функции организма, но людям это не казалось очевидным. Они не понимали, почему мы вышли на поверхность с открытыми шлемами; не осознавали, что ладони и лицо были покрыты тонкой энергетической пленкой.

Дидакт направился на запад, в сторону синей звезды. Я последовал за его длинной тенью. Пройдя не одну сотню метров, мы подошли к широкой круглой яме. Мишень... Это напомнило мне о кольцевом острове и песчаной арене вокруг Криптума Дидакта. Жуткое зрелище. Мне сразу не понравилось это место. Раньше я был бы рад возможности посетить этот мир, но сейчас все мои идеи о поисках артефактов прекурсоров изменились.

Все мои идеи изменились. Как предтечи сделали это? Чем можно разрушить наследие прекурсоров?

Чакос и Райзер, как я заметил, решили следовать за мной только из-за Дидакта. Это было глупо. Мне нечего было предложить этим людям. Я был пустышкой, шелухой...

Дно ямы в диаметре нескольких сотен метров представляло собой уменьшенную копию арены. Мы медленно спускались вниз по склону, осторожно балансируя между мелкими кусками камня, переходя от одного куска крупных плит к другому, обходя опасные оползни. Весь этот район, как слоеный пирог, состоял из построек разных времен. Структуры прекурсоров, возможно, возрастом более десяти миллионов лет перемешивались с обугленными развалинами, скорее всего человеческими или сан'шум.

Мы проходили сквозь слои ужасной истории.

Анцилла выбрала этот момент, чтобы обозначить свое присутствие.

— Могу ли я попытаться восстановить наши отношения, подорванные из-за действий предыдущей анциллы? Мне нужно получить доступ к вашей памяти.

— Меня это уже не волнует, — сказал я, испытывая своего рода облегчение. Тишина среди этих зверств войны стала почти ядовитой.

— Я постараюсь лучше служить вам, — сказала она.

— Все в порядке. Скажи мне, что это за места такие?

— Это Чарум Хакор; хотя планета изменилась с тех пор, когда Дидакт и Лайбрериан видели его в последний раз.

— Что здесь произошло?

Она представила мне ряд ярких образов. Флот Дидакта, армады кораблей сан'шум. Люди, построившие оборонительные укрепления на основе технологий прекурсоров. Они использовали «Вечные волокна» для строительства своих орбитальных платформ. Пятьдесят лет они противостояли осаде предтеч, пока, наконец, не были побеждены. Большинство людей и сан'шум, державшие здесь оборону, покончили с собой. Они предпочли смерть позору плена и переселения в другую систему.

— Что может разрушить артефакты прекурсоров?

— Этого нет в моей базе данных.

— Зато это знает Дидакт. Запроси данные его анциллы.

— Это недопустимый протокол. Однако он предоставит вам необходимую информацию, чтобы помочь ему. Если вы, согласитесь.

— Он, кажется, не дает мне большого выбора.

— Скоро вы должны будете сделать выбор, но мы еще не достигли этой точки.

— Я выбрал путь и следую за ним.

— Неудивительно, что они искали меня, — прервал нас Дидакт.

Мы стояли перед широкой цилиндрической конструкцией с разрушенным куполом. Часть стены рухнула, и мы смогли проникнуть внутрь цилиндра через эту брешь.

Мы пробрались через каменный пролом. Конструкция содержала как человеческие постройки, так и структуры прекурсоров. Внутри мы обнаружили винтовую лестницу, выступающую по кругу стены на ширину пяти метров и уходящую вниз на пятьдесят метров. В самом верху находилась галерея, предназначенная, скорее всего, для просмотра того, что находилась ниже, в ядре цилиндра. Внутренний парапет состоял из угловых панелей прозрачного материала, давным-давно разбитого ударами взрыва.

Над головой через разрушенный купол проникал скудный дневной свет бледно-синего солнца Чарум Хакор, но этого хватало, чтобы осветить наш путь.

Дидакт подошел к внутреннему парапету. Его броня осветилась защитой, как будто готовясь к отражению. Он готовился принять бой?

Внизу, наполовину скрытая в тени, находилась матрица сложной формы. Матрица для инкапсуляции имела около пятнадцати метров в высоту и десять или одиннадцать метров в длину и ширину, слишком большая для любого человека или предтечи.

Анцилла моей брони никак это не прокомментировала и не предоставила никакой информации.

Я разглядывал матрицу. Соединенные фигурные скобы и на концах механизмы, похожие на кандалы или механические перчатки для захвата больших предметов, по размеру больших, чем мое собственное тело. «Руки» с тремя толстыми пальцами и центральным прижимным рычагом... или когтем.

Две пары.

Сверху находилось устройство трех метров шириной, похожее на огромную шляпу, наверное, оно являлось сдерживающим приспособлением для головы. Ребристые трубопроводы шли в одну сторону, по-видимому назад.

Страшная тюремная камера... Пустая.

— Во имя Мантии и во имя чести я надеялся, что он мертв, но боюсь, это не так. Они выпустили его! — воскликнул Дидакт.

— Кого они держали здесь? — спросил я, стоя рядом с Дидактом, как ребенок, ища защиты у отца.

— Нечто! Давным-давно прекурсоры оставили это после себя, — ответил Дидакт.

— Да, но кто это?

Возможно, я пребывал в трансе достаточно долго и не заметил, как подошли люди. Они стояли рядом со мной, глядя вниз, выкатив глаза и разинув рты.

Дидакт кинул на них взгляд и продолжал:

— Древний изгнанник... или пленник, — сказал он. — Никто не знает о его происхождении; но тот, кто был заключен здесь, внушал ужас всем, кто его видел. Миллионы лет назад он был заключен в капсулу и похоронен на тысячу метров ниже поверхности. Люди обнаружили капсулу и раскопали ее, но, к счастью, не смогли выпустить его на свободу... полностью. Они разработали средство общения с заключенным. То, что он сказал им, их сильно потрясло и испугало. С удивительной мудростью они оставили все попытки общения, а затем сделали еще один уровень безопасности. «Временная защита» сан'шум почти столь же эффективна, как подобная структура предтечей. Они поместили капсулу здесь, на арене, как предупреждение для всех...

Выражение лица Чакоса стало жестоким, а лоб покрылся влагой. Через несколько секунд другое чувство прорвало эту жесткость: печаль смешалась с невыразимой болью. Я подумал, что воспоминания о его истории, которые Лайбрериан поместила в его памяти, пробудились только сейчас. Чему его предки были свидетелями здесь? Я не мог этого знать.

Дидакт отвернулся от пустой матрицы. Его броня потеряла свой блеск.

— Как он смог выбраться с планеты? Кто здесь побывал? — спросил он, и его лицо отразило мрачный очевидный ответ: — Те, кто проводил испытания.

Он повернулся и пошел к лестнице:

— Мы должны немедленно улетать.

Чакос продолжал смотреть в яму. Райзер ничего не сказал, но его щеки были мокрыми от слез. От слез ярости.

— Уходим, — сказал я. — Дидакт уходит, и нам здесь нечего делать.

— Когда-то мы были здесь, — сказал Чакос, озираясь, словно увидел призраков.

— Когда мы вернемся на корабль, расскажете, что вы увидели, — предложил я.

Медленно он вырвался из ступора, и они с Райзером пошли за мной вниз по лестнице.

Наш корабль поднимался в космос, оставляя Чарум Хакор.

— Мы должны изучить другие планеты в этой системе, — сказал Дидакт, — что бы ни случилось. Но надо быть ко всему готовым. Расскажите своим людям...

— Они не *мои*, — сказал я.

Дидакт посмотрел на меня критически:

— Скажите *своим* товарищам, что Лайбрериан по ее *мудрому* плану попыталась создать команду, способную помогать мне в исследованиях. Но

это не так, как должно было быть. Ладно, что есть, то есть... наша команда — это мы сами, этот корабль, наши анциллы и броня.

— Там ничего нет, — сказал я. — Что бы вы ни искали, это прошлое. Предтечи ушли, и на это должны быть свои причины. Мы должны вернуться.

— Анцилла не начала заполнять пробелы в вашем образовании? — спросил Дидакт.

— На это практически нет времени.

— Эта система имеет пятнадцать миров. Руины прекурсоров встречаются только на Чарум Хакор. Люди населяли еще два: Фавн Хакор и Бен Наук. Другие планеты использовались для добычи руды и газов. Мы посетим Фавн Хакор. Расскажите своим... скажите людям.

Дидакт ушел на нижнюю палубу. Я остался в командном центре вместе с Чакосом и Райзером, которые сидели на корточках, прижавшись друг к другу. Чакос казался сильно рассерженным, если я правильно научился читать человеческие эмоции. Эмоции Райзера я не мог прочесть вообще. Флориан сидел неподвижно, сложив руки на груди и смотря себе под ноги. Его губы были сжаты.

— Почему она дает мне чьи-то похищенные воспоминания? — спросил Чакос, посмотрев на меня. — Я помню очень многие вещи, но я не мог жить тогда!

— Когда вы видите старые миры, слышите старые истории, они вызывают глубокие воспоминания, — сказал я. — Я думаю, это часть вашего сознания.

— Что этот убийца собирается с нами делать?

— Мне это тоже интересно, — сказал я.

Чакос отвернул от меня лицо. Райзер по-прежнему сидел не двигаясь.

— Что ты помнишь? — спросил я Чакоса, садясь рядом с ним.

— Все запутано. Мы были великой державой. Мы боролись долго и упорно. Я могу чувствовать то, что пережили... древние люди. Те чувства боли... Мы потеряли все. Он победил нас, взял реванш.

Он наклонился, слезы капали на палубу.

Что бы я ни думал о Дидакте, как бы он ни поражал и ни пугал меня своими поступками, я не мог заставить себя поверить, что он действовал по злобе.

— Лайбрериан дала вам квинтэссенцию человеческой сущности тех времен.

— Что это значит?

— Воспоминания, они собраны в основном у пленных...

Чакос вскочил и махнул рукой в сторону Райзера:

— Его предки вернулись, чтобы петть Дидакту, а он не в состоянии даже соболезновать.

Возразить было нечего, я ничего более не мог сказать или сделать. И я пошел исследовать корабль.

Почему Лайбрериан думала, что ее муж нуждается в таком большом транспортном средстве?

Корабль, обтекаемый энергия вакуума, словно разрывал пространство своей яйцевидной формой. Его размер был по меньшей мере восемь сотен метров от носа до кормы. Все видимые люки были открыты для меня. Ничто не блокировало мой путь. Подъемные лифты и транзитные коридоры ярко освещались при моем приближении, стены и пол выглядели безукоризненно чистыми, и неудивительно. Это было молодое судно, я даже не полностью ознакомился с природой его внутреннего строения. Я провел достаточно времени, наблюдая за своим отцом и его дизайнерами судов, чтобы понимать основы. Большая часть интерьеров нашего судна была сформирована из твердого света разной структуры, из него также были все регулируемые предметы декора корабля.

Я задался вопросом: «Если третичное топливо, рабочие массы и, конечно, центральное ядро двигателя пространства скольжения находились под охраной Мастер-Билдера, предводителя гильдии Строителей и, возможно, самого влиятельного предтечи во вселенной, то как Лайбрериан удалось достать все это для постройки корабля?» Она должна была контактировать с гильдией Строителей. Или хотя бы с одним из них. И то, что ядро и все необходимые устройства для судна все это время находились на Эрде-Тайрин, может означать только одно: существовал раскол среди Строителей на самом высоком уровне.

Я почувствовал краткий миг гордости за свои умозаключения, и сразу в голове возникли тысячи других вопросов, на каждый из которых моя анцилла отвечала:

— Такая информация вне моего доступа.

Конечно, у нее не было закрытого канала, потому что такая информация должны быть зашифрована, чтобы не быть отслеженной. Дидакт окружил себя эфирным молчанием. Он не мог передать информацию о Чарум Хакор. Неудивительно, что он был таким задумчивым.

Чтобы передать то, что он знал, он должен был показать свое местонахождение и тем самым раскрыть свое возвращение. Это, как я понял, в его планы не входило. Дидакт активно занимался тем, что они с Лайбрериан давно запланировали.

Правда, была возможность передать сообщение через Домен. Он не часто используется в качестве средства связи. Существовала вероятность, что важные сообщения могут быть изменены или даже утеряны. Но, как Манипулар, я очень мало знал о Домене, а анцилла вряд ли сообщит мне о таких вещах, запрещенных моей юношеской форме.

Все так сложно и запутанно...

Я спустился на нижнюю палубу, которая находилась под командным центром. Там располагались жилые и технические помещения нашего судна. Я ходил по лабиринту пустых помещений — пустые каюты для экипажа и обслуживающего персонала, пустые кают-компаний и камбузы, пустые

кабинеты и помещения для инструктажа, ремонтные доки, автоматизированные мастерские для ремонта и модернизации брони. На корабле, кроме экипажа, наверное, легко разместились бы более пяти тысяч Воинов.

В кормовой части судна доки были заполнены сотнями боевых машин, как компактного хранения, так и полностью активированными формами. Все гораздо современнее, чем «Сфинксы».

Здесь были вооруженные разведчики и легкие орбитальные крейсера для эскорта и защиты крупных судов, тысячи автономных неусыпных стражей, разнообразные виды личной боевой брони, ручное оружие — десятки тысяч единиц оружия всех сортов для любой ситуации. Достаточно для крупного сражения, если не крупномасштабной войны.

Что планировал Дидакт? Может, он, действительно, думает о восстании против Совета, из которого его изгнали?

Он взял меня с собой не для того, чтобы убить, — это было ясно. Но меня и людей держали против нашей воли. Я чувствовал, что был в гуще важных событий... слишком больших и важных, чтобы понять их до конца. Событий за пределами возможностей Манипулара, за пределами понимания.

Всю мою недолгую жизнь я прожил на «мягкой подушке» достижений нашей цивилизации. Тысячи лет развития привели нас к этим вершинам. Немного усилий и минимум самодисциплины достаточно, чтобы унаследовать теплое место, запланированное для меня моей семьей — жизнь привилегированного предтечи, то, что я до сих пор не принял.

Но не все знают о том, что предтечам пришлось сделать, чтобы упрочить свое положение в галактике, — почти полностью уничтожить противостоящие нам цивилизации и виды, присвоить их миры и ресурсы, а в дальнейшем контролировать их рост и развитие, оправдывая все это защитой Мантии, чтобы противники никогда не могли подняться и не представляли угрозу для доминирования предтеч.

Зачистка после резни.

Сколько в далеком прошлом из-за нашего лицемерия исчезло цивилизаций? Были ли эти кошмарные мифы правдой? Моя жизнь, моя роскошь, выращенная на спинах побежденных, которые были или уничтожены, или искоренены?

И что это получается: люди потерпели поражение от Дидакта и его флота, были обречены на стерильность, старение без воспроизводства и вынуждены были смотреть, как их дети подвергаются биологическому сокращению.

Но Лайбрериан собирает отдельные избранные виды и перевозит их на Эрде-Тайрин. Под ее влиянием люди приобретают геос-ген, и эти жалкие остатки цивилизации за несколько тысяч лет превращаются в население с сотнями тысяч человек, а также восстанавливают многие из своих исконных форм. А была ли Эрде-Тайрин планетой их истинного происхождения? Много вопросов.

Я стоял в крупном отсеке с вооружением. Боевые истребители стройной, аэродинамической формы возвышались у меня над головой, сильно экранированные и неуклюжие транспортные шлюпки, уложенные на поддоны и закрепленные захватами из серебристого и синего твердого света. Я слышал слабый, почти неслышимый звук — тик, тик, тик. Это работало стазис-поле для поддержания боевых машин и оружия в отличном состоянии.

Да, Лайбрериан разработала отличный корабль, гораздо более функциональный, чем просто транспорт. Дидакт вновь стал капитаном крупного военного корабля, готового принять на борт команду, — корабля, заполненного смертью, настоящей планеты-разрушителя.

Удивительно, как Биоинженеры во главе с Лайбрериан смогли такое устроить? Не одни, конечно. И не без помощи Строителей.

Я всегда знал, что самые сложные и витиеватые интеллектуальные способности и социальные таланты приходят с первой мутацией — конец молодости, конец бытия Манипулара. Но здесь, вдали от семьи, осуществить мутацию к первой форме было невозможно.

Проблемы, свалившиеся на меня, были выше понимания, и, значит, найти правильное решение и правильные ответы не представлялось возможным. Погрузившись в меланхолию, я поднялся в командный пункт.

Люди сняли свои доспехи и тихо спали. Я стоял над ними, желая тоже скинуть броню, вернуться в кратер Джаманкин и снова переплыть через озеро с мерсом, потеряться в джунглях, испытать себя на песчаном ринге — словом, вернуть те слишком краткие мгновения: настоящие приключения; нас, одетых лишь в грубые сандалии и соломенные шляпы; бессмысленную охоту на невероятные сокровища.

Действительно, высшая точка в моей жизни на тот момент.

Но нет, не будет возвращения к невинности.

Не будет, никогда...

Корабль покинул печальный серый остов Чарум Хакор. Путешествие до Фавн Хакор займет, наверное, чуть более тридцати часов.

Корабль перешел в процесс ускорения — крайне неприятное состояние в организме. Райзер и Чакос удивленно посмотрели на меня. Звезды на мониторах превратились в фиолетовые полосы, когда корабль включил питание полной реакции привода, хватая энергию вакуума и виртуальных нейтронов.

Мы оставались в нашей броне, пока корабль был в пространстве скольжения. Время замедлилось до скорости улитки. Я пытался научить людей получать доступ к необходимой информации, но они меня не слушали. Они играли в таинственную игру, по очереди выбрасывая пальцы на руке снова и снова. Я собирался научиться игре, наблюдая за ними, пытаюсь

понять правила и элементы стратегии, когда вернулся Дидакт и позвал нас в командный центр.

Наша броня разблокировалась.

Фавн Хакор появился в поле зрения. Мы вышли на орбиту планеты и корректировались с учетом цикла вращения.

— Я исследовал все дальние планеты датчиками, — сказал Дидакт. — Информация, которую они выдают, на таких расстояниях верна, но не на сто процентов.

— Почему с людьми было трудно бороться? — спросил Чакос, подходя к Дидакту. Он посмотрел на Прометейца ясным взглядом и без страха.

— Они отчаянно защищали свои интересы. На Чарум Хакор был мой худший бой.

Дидакт выпрямился перед человеком:

— Ваши люди, если можно их так назвать, были очень жестокими, когда они терзали миры, куда предтечи переселили другие виды. Давление на их растущее население было очень сильным. Люди уничтожили пятьдесят беззащитных систем и разместили там свои колонии, прежде чем мы скоординировались и вынудили их убраться обратно в дальние пределы спиральных рукавов. Они верили...

— В творение множества душ, — сказал Чакос, с тусклыми глазами, как будто смотрел внутрь себя, — я многому научился у моих предков.

— Это делает людей несчастными, — прокомментировал Райзер.

— Переключить мониторы на обзор, — приказал Дидакт, возможно, чтобы уйти от этого разговора.

Внезапно мы оказались словно в открытом космосе: корабль показал, что нас окружает. И все стали смотреть вниз, на планету Фавн Хакор.

Почти одинакового размера с Чарум Хакор, планета была покрыта ковром пестрой зелени, голубые моря и океаны, большие материки с высокими заснеженными горами. Она полностью отличалась от Чарум Хакор и выглядела даже красиво... на первый взгляд.

— Я мог бы жить там, — сказал Райзер.

Но датчики рассказывали нам другую историю.

— Мы видим свидетельства прошлых битв, — подчеркнула анцилла, комментируя черные кляксы, кратеры, огромные ровные плоскости полностью сожженных регионов.

Сейчас заросшие растениями, они были окрашены в красный и синий цвета.

Анцилла сообщала даты боев и контрударов, а также списки судов предтечей, участвовавших в давней битве. Потом пошли списки других кораблей и имена. Имена людей. Чакос вздрагивал, когда его анцилла переводила некоторые из этих имен для него.

— Фавн Хакор был миром происхождения вида феру, которых люди очень ценили в качестве домашних животных, — сказал Дидакт. — Резервные силы людей защищали ее отчаянно, но их количество было

минимальным, поэтому планета сохранила большую часть своей оригинальной флоры и фауны.

— Что-то изменилось, — сказал Чакос. — Это выглядит не так.

Подошел Райзер:

— Кто здесь живет сейчас? — спросил он.

Дидакт запросил сканирование нынешнего состояния биоты планеты, а также списки флоры и фауны, которые пережили сражения девять тысяч лет назад.

В протоколах исследований, проведенных Биоскульптором, скорее всего, после окончания военных действий, я видел сотни видов крупных животных, размером от метра до сотен метров, некоторых земноводных, огромных плотоядных животных земли и травоядных прерий. Этот список выведен для сравнения с тем, что датчики могут найти теперь.

Один за другим крупные виды исчезали из списка сканирования.

— Животные не больше метра, — уточнила анцилла корабля механическим голосом.

В списке появился ряд исторических видов размером меньше чем метр: лесных хопперов, землероек, мелких хищников, белок, птиц, членистоногих, домашних животных... феру.

Один за другим они исчезали из текущего списка. Ничего не найдено.

Затем появились флора, включая плотные древесные леса. Многие оригинальные деревья приобрели нечто вроде псевдо интеллекта, общаясь друг с другом на протяжении столетий с помощью насекомых, вирусов, бактерий и грибов в качестве носителей генетических и гормональных сигналов, аналогичных нейронам.

Этот список также быстро опустел. Существовали остатки мертвого леса и джунглей, покрытые зеленым ковром примитивных растений и симбиотических видов.

Все, что осталось, — это, по-видимому, мхи, грибы, водоросли и их комбинированные формы.

— Ничего с центральной нервной системой или даже хордой, — сообщила анцилла судна. — Нет фауны в масштабе выше миллиметра.

— Где пчелы? — спросил Райзер. — Что принесет плоды, если пчелы ушли? Нет зверей для охоты. Где они, что с ними случилось? — Его голос поднялся до писка.

— Цветущих растений очень мало, и они в упадке, — продолжила анцилла. — Все океаны, озера и реки окислены распадающейся материей. Датчики показывают обширный коллапс экосистемы.

Дидакт стоял, молча кивая головой. Потом, словно очнувшись, жестом погасил виртуальные мониторы, и мы снова оказались на палубе командного центра.

— Мы стали монстрами, — сказал Дидакт. — Обладая такой силой, предтечи смогут уничтожить все, что несет даже самые мелкие семена разума... все, что думает, или мыслит. Это должно было быть нашей

последней защитой. Это настоящее преступление, жестокость сверх всякой меры. Это превосходит все наши предыдущие грехи против Мантии... Что мы наделали!

Я задался вопросом, что он имел в виду — заключенного, которого освободили на Чарум Хакор? Что-то еще хуже?

Он сел в кресло и стал размышлять вслух:

— Вы задаетесь вопросом, что заставило меня войти в Криптус. Причиной был мой отказ дать согласие на этот план даже на его ранних стадиях. Всем своим существом я боролся против разработки данного устройства, а также в течение тысяч лет тормозил его строительство. Но мои оппоненты в конце концов победили. Я получил выговор от Совета и в результате позор на меня, мою гильдию, мою семью. Тогда я, почитаемый победитель и спаситель, стал оппозиционером, который отказался прислушаться к голосу разума. И я исчез.

— У меня нет сочувствия, — сказал Чакос, прищурив глаза.

— Непокорный, до последнего вздоха? — Дидакт посмотрел на него, но без гнева, как будто весь его гнев был израсходован на видение этих бесплодных, умирающих миров.

Райзер лег, свернувшись калачиком:

— Нет пчел, — бормотал он. — Голод.

Чакос опустил на колени рядом с ним.

— Существует еще один путь, который мы должны проделать, — сказал Дидакт после паузы. — Эти поиски тоже могут ни к чему не привести, но у нас нет другого выбора, — он повернулся к Чакосу и Райзеру. — Люди отказались сдаться перед лицом превосходящих сил, и поэтому они были сурово наказаны. Будь они менее упрямыми, менее благородными, им назначили бы менее суровое наказание. Наказание сан'шум было не таким суровым — лишение всех видов оружия и военных кораблей, ограничение передвижения в пределах одной звездной системы, строгий карантин. Один из моих бывших командиров наблюдал за соблюдением карантина. Может быть, он все еще у власти. Мы полетим и посмотрим, как проживают последние из сан'шум. Но сначала мне нужно время, чтобы все продумать и спланировать. Я оставляю вас. Люди будут изолированы в своей каюте, — он посмотрел на них с сомнением. — Я не думаю, что они будут против этого.

Он подал команду кораблю на старт. В считанные минуты мы вошли в пространство скольжения, и Дидакт покинул командный центр.

Глава 13

Несколько часов спустя мы вышли из пространства скольжения. Нормализация проходила медленнее, чем обычно. Это

свидетельствовало о том, что мы ушли на очень большое расстояние, возможно за пределами диапазона обычных прыжков в пространстве. Могут возникнуть неприятные временные эффекты, когда мы вернемся.

В одиночестве я стоял в командном центре, глядя через огромные мониторы на водоворот рукавов галактики и вводя данные в таблицу, чтобы понять, где мы находимся. По крайней мере это наша галактика. Корабль был на высокой векторной орбите, над галактической плоскостью, в десятках тысяч световых лет от любой возможной точки назначения.

Бродя по кораблю в поисках Дидакта, я нашел его несколькими палубами ниже, посреди большого отсека в окружении «Сфинксов». «Сфинксы» стояли в своей характерной манере – правильным эллипсом, каждый охваченный кольцевым буфером из твердого света.

Я стал наблюдать за ним из-за арки, которая огибала широкий проход. Он, как будто собрав группу командиров, обращался с речью к своим воинам.

— Я никогда не был наивным, чтобы верить, что исполнение своего долга приведет к славе или опыт одного Воина к мудрости предтеч, — сказал он, и его сильный голос эхом отразился от стен ангара. — Мои юные, если бы вы были по-настоящему здесь, со мной... Я чувствую себя слабым и одиноким. Я боюсь того, что я найду. И мне снова придется оказаться среди Строителей. Их правление привело нас к этой тупиковой ситуации. То, что мы давно узнали, от людей...

Он увидел меня и жестом пригласил присоединиться к нему.

Я так и сделал.

Дидакт стоял один, наедине со своими «Сфинксами».

— Куда мы летим? Почему так далеко? — спросил я.

— Несколько путешествий подряд через пространство скольжения можно отследить по основным векторам, если эти путешествия рациональны. Мы выбрали нерациональный путь. Еще несколько прыжков — и нас будет очень трудно отследить.

Дидакт ходил внутри эллипса, прикасаясь то к одному «Сфинксу», то к другому:

— Они содержат то, что давным-давно осталось от нескольких моих воинов.

— Неужели это *Дюрансы*? — спросил я.

Даже под моей броней я почувствовал озноб на коже, вспомнив разговор со «Сфинксом» и то, как моя интуиция подсказывала мне, что существует нечто большее внутри этих машин. Райзер почувствовал это тоже.

— Нет. Воины не соблюдают тонкости обрядов, как вы могли заметить, Манипулар. В бою наши мертвые Воины редко бывают в том состоянии, чтобы их сущности были собраны. Все, что остается, является конечным взаимодействием моих Воинов со своими машинами, — мимолетные образы, мысли и воспоминания, прежде чем они были убиты в бою... Сведения для изучения их командиров, чтобы посмотреть, что можно извлечь полезного

для будущих сражений. Я был их командиром... И мое сердце не позволило удалить их.

— Они все еще высказывают вам свое мнение? — спросил я с дрожью.

— Некоторый интеллект все еще остается, — сказал он, глядя на меня.

Он положил большую руку мне на плечо:

— Ты не такой дурак, как хочешь себя представить. Если бы я спросил тебя, что я должен сделать, — сказал он, — что бы ты ответил?

Это привело меня в тиски противоречий:

— Я думаю, двигаться вперед, долго и упорно, — ответил я. — Что-то познать.

— Лайбрериан выбрала вас и данных людей, и она, кажется, думает, что вы можете помочь. И, несмотря на наши многочисленные разногласия, я редко убеждался в том, что она была не права.

Он боролся внутри себя, гнев на его лице сменялся глубокой печалью, спутанность сознания сменялся решимостью:

— Моя тактика против Строителей в Совете была слишком грубой, моя политика слишком прямой и наивной. Лайбрериан во многом была права. Это нелегко признать.

Хор голосов «Сфинксов» окружил меня. Я разобрал только несколько отдельных фраз:

— *Мы здесь, в ожидании...*

— *Тысячи лет впустую!*

— *Решение было, отец... Забыл!*

— *Если то, что Древние сделали, правильно, это выход...*

Я вышел из эллипса в ужасе.

«Сфинксы» замолчали.

Дидакт стоял среди них, склонив голову.

— Кто *они*? — спросил я, вдруг почувствовав, что это гораздо больше, чем командир и его погибшие солдаты.

— Это наши сыновья и дочери. Лайбрериан и мои, — сказал Дидакт. — Они стали Воинами и служили на моем флоте. Они погибли в бою. Все...

Я не знал, что сказать или сделать. Его горе было безграничным.

— Их переговоры, их последние команды и их воспоминания, хранящиеся в этих машинах, — все, что у меня осталось. Все, что для меня лично имеет значение, кроме моей клятвы... моего долга. Но я должен идти вперед, сделать то, что мы задумали. Они пойдут за мной. Лайбрериан избрала Вас, чтобы помочь мне. Но как?

На мгновение показалось, что он не в состоянии решить, какой курс избрать, — странная нерешительность для Прометейца.

Но тут же следом он задал вопрос:

— Сколько времени вы провели с людьми до нашего отбытия с Эрде-Тайрин?

— Десять дней, — ответил я.

— У них до сих пор их честь и отвага?

— Да, — ответил я без колебаний.

— Она испытывает меня, моя жена, не так ли?

— Я очень мало знаю о Лайбрериан.

Дидакт усмехнулся:

— Вы никогда не узнаете ее, как знаю я. Она обладает чувством юмора, редким чувством для всех предтечей, тем более для Воинов... и для большинства Строителей. Это походит на нее — призвать меня из моего мира и поставить передо мной сложную задачу.

— Что она хочет, чтобы вы сделали?

— Когда я служил главнокомандующим сил предтечей, у меня всегда была поддержка квалифицированного персонала... десятки Прометейцев, каждый при поддержке самых лучших анцилл, с большим боевым опытом. Я не привык работать в одиночку, Манипулар. Но то, что она дала мне... Манипулара и двух людей... — он помолчал и продолжил: — Хотя маленький человек более послушен.

Райзер был не всегда послушным, маленький флориан укусил Дидакта за руку, но я не стал ему противоречить.

— Для достижения полной эффективности Прометейцы должны иметь большую часть или даже все знания командира. Это древняя традиция.

Он протянул свою руку. Вокруг пальцев появилось темно-красное энергетическое поле, словно рука была в светящейся крови.

Для меня это было совершенно неожиданным, даже пугающим.

— Я вам не равный, — возразил я. — Для меня ваш опыт...

— Вы видели, что произошло на Чарум Хакор и Фавн Хакор, — прервал он меня. — Ваша анцилла поможет вам освоить мои знания. Вам нужно только попросить, и вы будете знать все, что знаю я.

Так просто. Анцилла поглотила бы эти знания, и я мог изучать их на досуге. Я колебался, но потом протянул свою руку. Как только я это сделал, увидел, что красное поле растет и вокруг моих пальцев. Анцилла появилась в задней части моих мыслей, не голубая, а красная, как кровь. И голодная до информации.

Со мной никогда не было ничего подобного. «Неограниченный инстинкт», — я мог бы сказать о страсти анцилл впитывать знания.

Наши пальцы соприкоснулись.

— Закрой глаза, — предложил он. — Это меньше ее дезориентирует.

Я закрыл глаза. Через некоторое время я потерял счет времени — это могло быть несколько часов, а может, дней. Я снова открыл глаза. Моя броня дрожала. Я чувствовал жар, моя кожа почти горела. Ощущения медленно уменьшались, но я все еще испытывал дискомфорт.

Я пытался получить доступ к своей анцилле. Она появилась, в красном и синем цвете, нервно дрожа.

— Это сработало? — спросил я. — Я чувствую себя не очень хорошо. Анцилла сломана или отключена...

— Это не сработало, — сказал Дидакт, оттягивая руку. — Это слишком для Манипулара. Я должен был догадаться. Только первая форма способна поглощать так много информации.

— Что я могу сделать? Что-то осталось у меня?

Дидакт ответил не сразу:

— Иди проверь, как там люди, — сказал он наконец. — Мы совершим прыжок еще раз, в ближайшее время.

В своей каюте люди либо спали, либо впитывали информацию у анцилл Лайбрериан, но я точно не знал. Их глаза были закрыты, и они лежали, свернувшись калачиком, рядом друг с другом. Я решил их не трогать. Судя по моему собственному недавнему опыту, было бы жестко давать им так много информации, и так быстро.

Остаточная боль после попытки передачи информации не давала мне покоя. Даже броня не могла сразу рассеять мой дискомфорт. Хуже того, анцилла негодовала после перегрузки. Казалось, она винит меня, а не свою собственную жадность к знаниям. Я остро чувствовал ее обиженные импульсы.

Я лег рядом с людьми на палубу, сжимая мой шлем руками и стиснув от боли зубы. Райзер встал надо мной и спросил с озабоченностью:

— Неужели он сделал вам больно, этот убийца людей?

В нескольких шагах позади маячил Чакос, с бледным и нездоровым лицом.

Они изменились.

Мои мысли постепенно становились четкими, а в голове утихала пульсирующая боль.

— Нет, — сказал я. — Он попросил о помощи. Он предложил мне... обучение его военной мудрости и передачу личного опыта. Я пытался это понять, как мог.

Чакос пожал плечами и покачал головой:

— Я здорово рассержен. А что если я пойду туда и плюну ему в лицо?

Райзер проговорил что-то невнятное:

— *Фаа-Чааа!*

Я узнал достаточно о выражениях флориана, чтобы понять, что он был не против этого.

— Он *боится* вас, — сказал я. — Нет, скорее уважает. Нет, опять не то. Он помнит, что вы когда-то сделали. Вы убили его детей... в бою.

— Мы лично? — спросил Чакос с сомнением. — Я что-то не помню.

— Наши предки, — сказал Райзер, сидя на корточках. — Давно, когда твой и мой народ были вместе.

— Вы бы лучше учились у вашей анциллы, — сказал я.

— У этой маленькой голубой женщины? — сказал Райзер. — Я не буду жениться на ней. В этом вы были правы.

Глава 14

Наш корабль вышел из пространства скольжения окруженный диффузным туманом, состоящим из ледяной пыли — остатков древнего кометного вещества, окружавшего систему сан'шум. Раньше эти облака были гораздо плотнее. Сан'шум обеднили его созданием топлива для их первых кораблей. Теперь остатки облаков служили нам маскировкой и позволили Дидакту спокойно вести наблюдение за внутренней системой.

Показания датчиков изображения были впечатляющими и странными. Я никогда ранее не видел карантин звездной системы. Такие возможности редко предоставляются молодым Строителям. Как и их бывшие союзники люди, сан'шум жили в богатом водой мире, недалеко от небольшой желтой звезды, в пределах умеренного пояса и в благоприятном диапазоне погодных условий. Однако теперь, через десять тысяч лет после их поражения, система была окружена триллионами неусыпных стражей, которые постоянно находились в пространственно-временной дискретизации и поэтому, казалось, формировали твердую сферу. Эта сфера распространяется на расстояние около четырехсот миллионов километров от звезды и таким образом не включает в себя четырех впечатляющих газовых гигантов, орбиты которых лежали за этим пределом. На некоторых из многочисленных спутников газовых гигантов располагались платформы для полуавтоматических станций технического обслуживания. Они были населены хурагок — слугами-инструментами предтечей. Хурагок являются больше инструментами, чем организмами, и редко воспринимаются как личности.

Их страсть — ремонт и обслуживание. В определенной степени они могут плавать в любой атмосфере, где находятся. Они любят гравитацию и центробежные силы, оставаются в пределах метра от поверхности твердого тела. Я находил их скучными, всякий раз когда я сталкивался с ним. Их анаэробный метаболизм и пузыри газа... брр.

Дидакт держал датчики развертки в пассивном состоянии, ждал момента и просто слушал (предтечи для связи никогда не использовали электромагнитные волны, но сан'шум пользовались этим методом), и так он мог изучать то, что просочилось через границы карантина.

— Тихо, — сказал он. — Я не слышу ничего, кроме микроволновых импульсов и транспозитивного шума.

Пошаговый виртуальный экран выдавал всю информацию, которая в настоящее время шла от датчиков всей системы. Дидакту потребовалось несколько минут, чтобы найти форпост Воинов. Он находился на длинной орбите внутри границы карантина.

— «Глубокое уважение» здесь, — пробормотал он. Появилось увеличенное изображение, которое было расширено за счет других данных. «Глубокое уважение» был впечатляющим судном класса «Крепость» пятидесяти километров в длину. Его построили еще до войны с людьми и сан'шум.

— Я учился на нем, когда был курсантом. Великий старый корабль. Карантин этого мира ужасно долог. Я не надеюсь, что мои друзья еще на службе... Подозреваю, что они пострадали от моих проблем и были наказаны.

Он отвернулся от дисплея:

— Мы должны подойти ближе. Это риск, но мне нужно понять больше. И мне нужна вся помощь, которую я могу получить.

— Мы постараемся...

— Есть еще один способ. Ваше наследие похоронено глубоко и недоступно для Манипулара. Для передачи всего, что мне известно, вы должны иметь возможность получить доступ к вашему наследию и полный доступ к Домену. Чтобы сделать это, вам надо расширить свои возможности. Если вы готовы... добровольно.

— Вы имеете в виду... мутировать в более высокую форму?

— Это называется «патент на мутацию», — ответил Дидакт. — Это не правило, но возможно в обществе Воинов. Корабль способен поддерживать такие церемонии. Отсутствие возможности передать вам свои знания мешает моим планы... да и вы не можете получить доступ к тому, что хранится внутри вас, или получить доступ к Домену, который содержит много знаний.

— Я должен открыть мое достояние при содействии моего отца.

— Традиционно это так. Но так как здесь из предтечей только я и нам вряд ли удастся найти какого-либо Строителя неподалеку...

Ему не нужно было выкладывать подробности. Он и так был бы моим наставником. И это означало, что я получу генетический отпечаток Дидакта.

— Мутация в Воина? — спросил я.

— Частично. Вы всегда можете ходатайствовать о коррекции или о возврате, как только вернетесь в свою семью.

— Я никогда не слышал о таких вещах.

Но я слышал о неудачных мутациях. Несчастные пребывают в специальных анклавах семьи и ограничиваются черновой работой. Непривлекательная перспектива.

— Это выбор.

При таких обстоятельствах, конечно, хотелось выбора.

— На что... на что это похоже? — спросил я.

— Все мутации проходят трудно. Внеочередные мутации особенно неприятны.

— Опасно ли это?

— Мы должны проявлять осторожность.

— Я сделаю это, но не добровольно.

— Нет, — сказал он. — Но Лайбрериан всегда хорошо разбиралась в характерах предтеч.

Глава 15

Вы не носите доспехов во время мутации. Вы не пользуетесь советами анциллы. Все и вся вокруг вас замолкают и не реагируют на ваши крики от боли. Из всего необходимого есть только чистая вода для утоления жажды.

Каждый предтеча в течение жизни проходит по крайней мере две мутации. Многие идут на пять или более. Их число определяет ваш ранг в иерархии семьи, Манипулы или Гильдии. Войти в Гильдию возможно только после мутации первой формы. Какой Гильдии в моем случае я буду принадлежать?

Дидакт привел меня в небольшую каюту корабль, расположенную на баке (по ритуалу мутация должна проходить под прямым светом звезд).

Я снял свою броню и оставил ее на палубе, тоже сделал Дидакт. Люки за нами закрылись. Стены и потолок каюты стали прозрачными. Нам казалось, что мы стоим на самой высокой точке горной вершины, купаясь в свете миллионов древних светил.

Церемония должна проходить только в присутствии просителя, то есть меня, и моего наставника. Каждая мутация предтечи должна быть по образцу наставника, и Дидакт был единственным предтечей на нашем корабле.

Я никогда сознательно не шел на мутацию и все-таки всегда ожидал этого, как будто осознавая, что в конце моей глупости будут еще привилегии и продвижения и, как следствие, новые методы в поисках приключений.

Я никогда не осознавал своего долга и своей ответственности. Однако теперь они были пробуждены. Я чувствовал себя готовым к переменам.

Тем не менее я не мог заглушить глубокого возмущения от того, что моим наставником будет предтеча более низкого сословия, чем Строители. В конце концов я и мой отец в этом вопросе были солидарны.

— Внеочередная мутация влечет за собой риски, — сказал Дидакт. — Судно оборудовано для церемонии, но у вас не будет поддержки со стороны

близких родственников... Некоторые элементы вашего развития могут быть потеряны или искажены. Принимаете ли вы это?

— Я принимаю... под давлением, — ответил я.

Дидакт отступил.

— Здесь не может быть никаких сомнений, — сказал он. — Мутация — это личный выбор, а не принуждение.

— Если я этого не сделаю, вы скажете мне, что галактика может быть уничтожена... Это ли не принуждение?

— Верность долгу является самым высоким инстинктом предтечи и его главной целью. Это то, что дает нам право защищать Мантию.

Я не собирался спорить: лицемерие присуще всем предтечам. Если высшая цель Мантии — сохранение жизни во вселенной и она была основой нашей философии, то почему Биоинженеры в самом низу нашей иерархии? Почему Строители, которые работают главным образом с неживой материей, стоят так высоко?

Поистине, я был сыт по горло ханжеством предтеч, как никогда. Но если я мог предотвратить страдания моей семьи, если я мог предотвратить катастрофу, которую мы видели на Чарум Хакор и Фавн Хакор, если я мог сохранить красоту Эрде-Тайрин от разрушения, то какие еще нужны доводы, чтобы принять эту процедуру, какой бы опасной она ни была?..

Дидакт смотрел на меня своими серыми глазами, наклонив седую голову.

— Вам нравится быть жертвой, — произнес он.

— Мне? Нет! Я готов! Приступаем!

— Вы по-прежнему считаете себя привилегированным, — говорил Дидакт. — Не может быть роста без мудрости. Вы не продемонстрировали мудрость.

— Я не имел никакого отношения к этим катастрофам, но я готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти мой народ! Разве это не бескорыстно и не благородно?

— Мутация на более высокий уровень требует принятия Мантии. Мантии в части понимания того, что вы принесете в жертву всю свою жизнь. Это своего рода личная вина. Вы не чувствуете себя виноватым!

— Я нарушил пожелания моей семьи, и я впутал людей в мою глупость. Я чувствую вину! Все идет через мое чувство вины!

— Только высокомерие, — отрезал Дидакт.

Это поразило меня в самое сердце, я топнул ногой о палубу и уже замахнулся рукой, чтобы ударить его, но понял разницу в наших размерах.

Дидакт смотрел на меня с невыносимой грустью. И я понял, как трудно ему жить воспоминаниями о своих детях, воспоминаниями, часть которых содержат «Сфинксы», которые защищали его Криптом тысячу лет, — последние его дети. Дидакт был верен только своему долгу. Его жена была далеко, он не видел ее тысячу лет в буквальном смысле. Он не знал ее нынешних целей, которых не мог даже предвидеть, потому что находился в вынужденном медитативном изгнании. Тем не менее он доверял ей.

Я опустил свой крошечный кулак.

— Я не хочу видеть вашей грусти, — сказал я.

— Это Мантия.

— Вы скорбите.

Он отошел немного назад:

— Я провел тысячи лет в трауре и не нашел утешения.

Он сел, скрестив большие ноги, опершись туловищем о стену, оставляя для меня очень мало места под немигающими звездами.

Я опустился рядом с ним.

— Расскажите мне о вашей ссылке.

— Глупый, но очень любопытный, — произнес он со вздохом.

— Что вы испытывали, находясь в Криптуме?

— Проще говоря, я не нашел покоя. У вас нет последовательности, логики, только чистая страсть. Честно говоря, я завидую вашей испорченности, Манипулар.

— Вы сожалеете о том, что сделали. И вы оплакиваете детей.

Его плечи ослабли, и он посмотрел на меня. Я увидел блеск в его глазах — это больше, чем просто подтверждение, больше, чем просто признание.

Он начал говорить, тихо, шлифуя каждое слово:

— Моя кровь и семя... все впустую. Моя семья, моя жена, только короткие мгновения моей жизни. Я чувствовал в себе так много ненависти. Ненависть все еще со мной. Возможно, вы вправе отклонить мой генетический отпечаток. Мантия теперь так же далека от меня, как и от вас.

— Вы не были готовы к первой мутации, не так ли? В бою мутация была вынужденным шагом для вас. Но, кто-то видел ваш потенциал даже через ваши недостатки.

Дидакт повернулся ко мне, и на мгновение в том великом каменном лице, искусно вырезанном историей и горем, я увидел умиротворение. Он чуть улыбался губами, как будто он все еще молод.

— Тронут вашей речью, Манипулар, — сказал он.

— Я принимаю свои недостатки, как вы приняли ваши, и я буду избавляться от них... как и вы. Я готов принять Мантию, готов, как никогда.

Я весь дрожал, но не от страха.

Дидакт тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Так тому и быть.

Шипованная колонна с небольшими шариками выросла из палубы и медленно начала поворачиваться в мою сторону. Шарик, витая на стеблях, прикоснулась к моей коже, получая доступ к точкам нервной системы, генетической энергии, к метаболическим и катаболическим резервам.

Память, намерения, страсти, интеллект — все это своеобразное соединение с Мантией есть у каждого, но этому придается мало значения.

— Наставник и спонсор, — сказал Дидакт.

Поднялась другая колонна, и множество шариков окружили Дидакта, соединяя нас в единую сеть.

— Из моей жизни пусть лучшее будет принято. Пусть все, у чего есть потенциал, будет развиваться и поощряться Мантией. Пусть все, что было забыто, в будущем станет реальным и физическим.

Я больше не слышал слов Дидакта, но я их чувствовал. Онемев, я не мог говорить.

Мое тело начало изменяться.

Глава 16

Через несколько часов Дидакт удалил шарики вручную.

Звезды медленно вращались, я находился как бы в центре вселенной. Мой разум не верил, что это были лишь перемещения нашего корабля.

Меня отнесли на корму и поместили в большую каюту, в которой могли бы комфортно размещаться несколько Воинов — серые, одноцветные стены, пустые и без орнамента. Хирургически чисто и слегка прохладно.

— Ничего не ешьте, но можете пить, когда испытаете жажду, — сказал Дидакт, кладя меня на койку. — Ваше тело не будет вам повиноваться. И не все изменения произойдут сразу. Это может занять много дней.

— Я чувствую туман у себя в голове, — сказал я.

— Это пойдет со временем. Вскоре вы будете испытывать возбуждение от быстроты своих мыслей. Возбуждение и высокомерие, а потом это тоже пройдет.

В одиночестве в этой каюте я почувствовал первые изменения: медленно и тщательно боль скручивала все мои конечности. Мои руки пострадали первыми. Я смотрел на них и думал, что они выглядят очень большими, с грубой серой кожей. Я всегда думал, что более высокие по положению предтечи выглядели более привлекательными, чем Манипулары, но мои представления оказались ошибочны.

Моей юношеской красоте приходил конец. Я становился уродливее.

Но мне было все равно.

Вы поняли, что стали другим?

Я подумал, что Чакос стоит рядом с койкой, наблюдая за мной. Как замечательно, что я становлюсь похожим на него. Мы будем похожи друг на друга.

Я с трудом открыл глаза и осмотрелся: комната была пуста.

Я выпил воды.

В течение нескольких минут я слышал еще голоса в моей голове, они могли быть из моего прошлого, а может, из будущего. Мой мозг содержал огромное количество информации, но я не мог ее использовать. Воспоминания, принадлежащие «другому», очень далекому, в другом мире, где жизнь и смерть не имеют смысла, свет и тьма переплетены вместе, где все изменяется, а время стоит на месте.

Конечно, это не имело никакого смысла. Позже даже мысль об этом приводила меня в дрожь.

Пришел Дидакт и стал проверять ход изменений, склонившись над моим непослушным телом. Он осматривал мои ноги, ударял чем-то меня в грудь, жужжал приборами над головой. Я предположил, что он объявит мутацию несостоявшейся или недостаточной.

— Радуйтесь, — сказал он, — вы становится не Воином. Не совсем. Но это даже к лучшему.

— А кем я становлюсь? — переспросил я. Если мутация прошла неудачно, мне нужно это знать.

Но он игнорировал вопрос.

— Через некоторое время вы проголодаетесь, — сказал он. — Корабль будет готовить специальную пищу. Когда вы будете готовы, присоединяйтесь ко мне в центре управления. Мы должны спланировать наши действия.

— Когда я смогу получить доступ к Домену? Когда я смогу получить новые знания?

— Они уже у вас есть, Строитель. Но их нельзя использовать на данный момент.

Когда я пришел в центр управления, Чакоса и Райзера там не оказалось. Я задался вопросом: «Дидакт держал их взаперти в течение всего времени, когда я отсутствовал?»

Широкий изогнутый этаж центра управления изменился, добавился ряд приборов, назначение которых я понял не сразу. Они здесь, как оказалось, для приготовления мне специального питания.

Дидакт указал на приборы, не взглянув на меня. Я сел и начал есть. Когда вторая волна боли накатила на мое тело, он не разрешил мне лечь. Начиналась наша совместная работа.

Глава 17

Я надел броню после того, как перестал чувствовать себя ужасно и быть все время голодным. Это потребовало некоторых усилий, прежде чем подходящие новые части я подогнал на мое более крупное тело. Маленькая голубая женщина в задней части моих мыслей все еще не появлялась, казалось, она не хочет иметь со мной дело. Мне пришлось углубиться в свое сознание, чтобы найти ее. Я чувствовал, что анцилла осуждала меня.

Дидакт наблюдал звезды; он повернулся, когда я вошел в командный центр.

— Броня неисправна, — сказал я.

— Вы стали другим. Анцилла знает, что не может удовлетворить вас. Вы больше не Манипулар. Прислушайтесь к себе, — сказал Дидакт и задумался. Возможно, он вспомнил свою первую мутацию, много тысяч лет назад.

— Я не могу войти в Домен.

— Я бы сказал, что это ваша вина, но не в этот раз. В настоящее время у меня тоже проблемы с доступом к Домену. Я не решил эту задачу на данный момент. Возможно, со временем мы разберемся вместе и посмотрим, как она может быть решена.

Разочарованный, я стал диагностировать свою броню: графики были отличные, все работало четко и точно. Я постарался сфокусироваться, пытаюсь привести в порядок мои мысли. Тем не менее я не смог уговорить анциллу сотрудничать. Она все же появилась в моей голове, я заговорил с ней, но не получил ответа, возможно, потому, что моя внутренняя речь была искажена.

— Где люди? — спросил я Дидакта.

— Я запер их в комнате с большим количеством пищи, которая им, похоже, нравится.

— Зачем?

— Они задавали слишком много вопросов.

— Каких вопросов?

— Сколько людей я убил. И другие подобные вещи.

— Вы ответили?

— Нет.

— Лайбрериан дала им знания, с которыми они не могут справиться. Они как я.

— Да, они как вы, но они, кажется, на самом деле *слушают*. Просто им не нравится то, что они слышат.

Глава 18

Мой первый успешный доступ к опыту Дидакта произвел на меня впечатление: тьма, свет, блеск звезд, скорбь, болезни и слава — полный хаос. Моя анцилла еще упрямилась, и я сам должен был найти путь взаимодействия со знаниями.

Что мне удалось — это ограниченный доступ, отсутствие девяти из десяти подробностей, деталей и подтекста, но по крайней мере воспоминания стали открываться мне.

Вскоре я погрузился в одно большое воспоминание Дидакта. Мой путь проходил через пространство великой битвы, события происходили слишком быстро, и я многого не понял. Я понятия не имел, где и когда это было, и не мог связать эти события с любой из исторических записей. Усложняло восприятие множество точек зрения, нарезка из бытовых воспоминаний вокруг центральных событий. Возможно, восприятию объективной реальности мешало то, что я видел события глазами Прометейца. Дидакт и я, мы смотрели на вещи по-разному.

Очевидно, что тысячу лет назад в ходе битвы Дидакт был подключен к сенсорам тысяч его воинов — то, что я едва мог себе представить и, уж конечно, не мог контролировать.

Поразило меня, что, когда я попытался упорядочить мои мысли, объективная реальность исчезла, а остались лишь воспоминания Дидакта. Комбинированные темы и даже несвязанный хаос были гораздо богаче, гораздо больше информативными.

Мне показалось, что в моем образовании Манипулара мои учителя и даже анциллы намеренно учили меня запоминать голые факты и не добавлять свои собственные интерпретации. Они не доверяли мне. Я был молод и наивен. Я был глуп. Даже сейчас было очевидно, что воспоминания Дидакта сопротивлялись моим добавлениям или какой-либо окраске из моего собственного опыта. Я там не был.

Я пытался выйти из этого экстатического избытка.

Вокруг были корабли, космос и звезды вокруг нас, все злое и пугающее. Я с трудом отличал людей от предтеч. Я был пьян.

Отойдя от воспоминаний, я попытался начать исследования моих основ.

И вдруг как будто все сфокусировалось. Я был на военном корабле с двумя десятками Воинов и ничего не мог с этим поделать. Я глубоко погрузился в бой при Чарум Хакор — один из последних боев между людьми и предтечами. Тысячи «Сфинксов», кружащихся по спирали на орбите планеты, как стая смертельных птиц, окружали и уничтожали человеческие корабли. Останки кораблей горели в атмосфере, распадались и врезались в «Несгибаемые волокна» прекурсоров, натянутые высоко над планетой... Яркие вспышки... Огонь...

Страх и жизнь воина и слишком часто смерть. Смерть окружала меня, смерть воинов в сверкающем шлейфе расплавленного металла и обугленной

плоти. Плазменные и гамма-лучи разрывают тела на части, и ужас, как острый кинжал, вонзается в твое сердце.

Я не мог остановить это.

Чарум Хакор. Я видел руины построек прекурсоров, обвитые, как плющом, человеческими конструкциями; огромные города и энергетические башни; оборонные платформы, работающие на геосинклинальной и эквиравитационной энергии, хотя и менее сложные, чем у судов, платформы и станции предтечей.

Люди были великой технологической державой и достойными противниками. А как насчет духовности? Они чувствуют Мантию?

Были ли они действительно нашими братьями?

Я не мог знать. Дидакт был удивительно открытым для идей того времени.

Ты должен знать своего врага, и никогда не стоит недооценивать или принижать его.

Но мы не знаем реакцию Домена на людей... Может, без них Домен не является полным.

Это моя мысль или критическое наблюдение Дидакта, осознание величия своего врага?

Позже я обнаружил, что нахожусь у себя в каюте, под одиночным настенным светильником. Я задышался, и у меня пересохло горло, наверное, я кричал. На переборках были следы царапин от моих пальцев. Мне тяжело давались эти знания.

Истина не для дураков!

Глава 19

Дверь в каюту людей оказалась открытой. Я вошел внутрь и увидел Чакоса и Райзера в центре помещения. Они сидели на полу, скрестив ноги, лицом друг к другу. Их броня лежала рядом. У каждого одна нога была заправлена в краги.

Чакос не двигался, но, когда я вошел, открыл один глаз и посмотрел на меня.

— Голубая леди изучает нас, — пояснил он.

— Почему вы не в доспехах?

Он поднял ногу. Броня переместилась за ней:

— Этого достаточно.

Чакос сложил свои руки крестом:

— Что мы такого сделали, чтобы заслужить это? — спросил он.

— Я не имею ничего общего с вашим обетом.

— Голубая леди говорит, что нас много внутри, — сказал Райзер.

— Есть только часть того, что произошло на Чарум Хакор, — сказал Чакос. — До сражения, до войны. Я пытаюсь увидеть пленника в клетке. Это внутри меня, но почему я не могу?

— Ты, должен это увидеть и понять, — сказал я. — Я, не могу. Пока еще нет. Там, в древней истории, то, что принесло славу твоему народу... Думаю, все это твое, ты должен увидеть, а не я.

Чакос поднялся на ноги, нарушив связь с броней и анциллой.

— Там пища. Еда предтечей.

Райзер взобрался на низкую койку и достал пару лотков с сероватой массой. Пища в корне отличалась от специального продовольствия, предоставленного мне после мутации. Очевидно, что Воины не были привязаны к благам цивилизации. Я попытался немного съесть.

— Мы приближаемся к карантину системы, — сказал я. — Что вы узнали о сан'шум?

— Они как тени, — сказал Райзер. — Они приходят, они уходят.

— Они мне не нравятся, — сказал Чакос. — Слишком мягко стелют. Скользкие.

— Мы собираемся к ним в гости, и, я думаю, Дидакт хочет, чтобы мы встретились и поговорили с ними. Мне кажется, что все мы являемся частью игры, которую он разыгрывает с Лайбрериан.

— Сложная игра? — спросил Райзер.

— Очень серьезная игра. Я думаю, из-за слежки она не смогла предупредить его о том, что произошло. Так что мы его специальные инструменты. Нас не будут подозревать.

— Как это работает? — спросил Чакос, указывая на свою голову.

— Мы посещаем исторические места, мы видим, это стимулирует нас, и мы вспоминаем. Главным образом, что вы видите, то и вспоминаете. Теперь у меня есть воспоминания Дидакта, и я думаю, что должен соединиться с Доменом, но он недоступен.

— Домен... — Райзер поднял руку. — Мы не понимаем, что это такое.

— Я не уверен... Вот, например, почему ты говоришь со своими предками? Лайбрериан дала вам знание, скрытое внутри вас, ожидающее активации. Пришло время... знания стали доступны. Это справедливое утверждение?

Райзер махнул рукой. Я предположил, что это означает «да». Его лицо стало расслабленным, и он склонил голову. Чакос посмотрел на него с любопытством.

— Домен... Там мы держим наши древние родовые записи, — продолжил я. — Они хранятся там вечно и доступны для любого предтечи в любом месте, независимо от того, насколько далеко он находится.

— Это не призраки?

— Нет, но странности происходят. Записи не всегда остаются теми же. Иногда они меняются. Неизвестно почему...

— Как и реальные воспоминания, — сказал Чаκος, внимательно посмотрев на меня.

— Я полагаю, такие изменения рассматриваются как священные. Они никогда не отменяются и не исправляются. Я узнал кое-что о «Сфинксах» Дидакта. Они все, что осталось от его детей.

Райзер свистнул и присел на корточки, а затем потряс головой и поморщился.

— Погибло много Воинов... Но люди боролись самоотверженно, — говорил я. — Думаю, что мы собираемся предстать перед лицом нашего общего врага, и это не сан'шум.

Чаκος и Райзер сосредоточено посмотрели на меня.

— Пустая клетка, — сказал Райзер и скрестил руки, как бы обнимая и успокаивая себя.

Анцилла судна вспыхнула перед нами голограммой:

— Дидакт хочет видеть вас в командном центре.

— Всех?

— Люди пусть остаются в помещении каюты, пока ситуация не прояснится.

Довольный Райзер снова сел на пол, скрестив ноги, и снова закрыл глаза. Он поднял подбородок, как бы прислушиваясь к далекой музыке. Чаκος тоже медленно сел, и я их оставил в том же положении, как и нашел.

Я поднялся на лифте в командный центр.

Глава 20

— Я послал сообщение на «Глубокое уважение» и показал наше местоположение, — признался Дидакт, когда мы перешли на околозвездную орбиту недалеко от стражей космической защиты системы. — Мы будем уничтожены, если не сообщим наши намерения командиру «Уважения». Среди Прометейцев он известен как Кофирмье.

На палубе командного центра мы снова смотрели на виртуальный монитор. Одним из небольших внешних миров, недалеко от нас, была планета без атмосферы, скалистая и безжизненная. Сканер передал обновленную информацию о карантинных щитах наряду с тем, что смог собрать о трех карантинных планетах — двух явно населенных сан'шум, третьей — базе для хранения запасов (предположительно устаревшего) оружия предтечей.

В моей памяти я видел сан'шум другими, какими, они были десять тысяч лет назад, — приятной, можно сказать, красивой расой. Сильные и чувственные, сообразительные, они не слишком выделялись интеллектом и обладали способностью угождать всем и вся. Действительно, скользкие. Единственным исключением в их историческом опыте были люди и предтечи.

Наш корабль продрейфовал на длинной околозвездной орбите около ста миллионов километров, прежде чем с *«Глубокого уважения»* мы получили подтверждающий сигнал.

— Эя, кто прерывает одиночество старого Прометейца и претендует на славу Дидакта?! — произнес хриплый низкий голос. Чуть позже подоспел визуальный ряд. Мы увидели почти бесформенную массу мышц и плоти. Это был Воин, перенесший, на мой взгляд, больше мутаций, чем Дидакт, и некоторые из них, наверное были не очень успешными.

— Это, действительно, ты, мой старый соперник?

Дидакт постарался не показать тревогу своему товарищу:

— Да это я. Я вернулся. У меня есть важное дело, и нужна ваша помощь. Здесь есть ловушки? Скажите правду!

— Вы снова в беде?

Наклонившись в мою сторону, Дидакт тихо произнес:

— Это Кофирмье. Но что-то здесь не так. Карантинный щит в течение некоторого времени в боевом режиме.

— Чем это вызвано? — шепотом спросил я.

Дидакт выглядел мрачным и настороженным:

— Последние карательные меры, возможно... Но сан'шум являлись примерными гражданами, после того как они были привезены сюда. Попытайтесь просканировать орбиты планет сан'шум.

— Эй, на *«Глубоком уважении»*, — сказал Дидакт. — Как долго вы здесь размещены?

Мои пальцы работали, быстро собирая необходимые данные с датчиков. Я изучал две внутренние планеты в разрешении, доступном сканерам через карантинный щит. Поверхности были в основном скрыты. Но то, что я мог разглядеть, существенно расходилось с данными анциллы. Я подумал, что это очень похоже на Фавн Хакор...

— Двенадцать веков, — ответил Кофирмье. — О, они были годами с возможностью роста и рефлексии. Совет назначил меня, старого Воина, чтобы охранять и защищать наших древних врагов, теперь склонившихся ниц перед властью предтеч. Я исполняю свой долг и не более того... Вы должны увидеть мою коллекцию великолепной резьбы сан'шум. Я полагаю, вы хотите посетить мою бедную посудину?

— Это моя первая цель, — ответил Дидакт.

— Минуточку... Дайте мне посоветоваться с моими сотрудниками. Ой, подождите! У меня же нет сотрудников...

— Ты один? — спросил Дидакт и дал мне понять взглядом, что ждет результатов сканирования. — Неужели все старые Воины сейчас в одиночку?

— Здесь у меня Домен — единственное утешение, — сказал Кофирмье. — Я прорабатываю мой путь к предкам. Я узнал такое, о чем даже не подозревал... Но в последнее время Домен имеет наглость отвергать меня...

— Я прибыл сюда по заданию Лайбрериан, — сказал Дидакт. — Мы путешествуем с двумя wybranymi ею людьми. Нам нужно задать вопросы лидерам сан'шум.

— Где же сама Биоскульптор Лайбрериан?.. Последний ее визит вызвал некоторые трудности. Возможно, вы заметили, что щит и стражи находятся в состоянии боевой готовности.

— Моя жена сейчас занята, — ответил Дидакт.

Я продолжал изучать планеты внутри карантина. Из того малого, что я мог видеть через фильтр щита, почти все выглядело темным и, скорее всего, поврежденным.

— Любопытно, почему никто даже не вспоминает о старых Воинах, — произнес Кофирмье. — Время от времени я перехватываю сообщения о больших событиях, происходящих в Столице. Я их игнорирую. В них нет ничего для меня и нет новых приказов. Домен — все, что они мне оставили, а теперь и он закрыт. Вы не знаете почему?

— Я хотел бы просмотреть эти отчеты.

— Когда вы прибудете сюда, можем порыться в памяти корабля и поискать их. Но позволять сан'шум встретиться с людьми... Это запрещено. Мы разделили их по весьма определенной причине, мой старый друг.

— Можем ли мы по прибытии обсудить это?

Кофирмье замер в позе каменной скульптуры, шевеля только толстыми, грубыми руками. Затем он ожил и сказал:

— Да, Дидакт, конечно. Ложитесь на курс к «Глубокому уважению», прикажите анцилле своего корабля ввести эти коды, и стражи позволят вам пройти защитный барьер по вашему орбитальному курсу. Славно было услышать вас, — друга из прошлой легендарной жизни!

Передача закончилась. Наш корабль изменил свой курс и передал коды соответствия. Мониторы показали, что стражи, действительно, больше не мигают предупреждающими сигналами из сектора нашего проникновения за щит блокады.

— Кофирмье был великим Воином и хорошим другом, но я никогда не считал его большим экспертом в изобразительном искусстве, — озадаченно произнес Дидакт. — Соберите побольше информации с этих планет.

— Я должен предупредить людей?

— Да. И убедитесь, что они надели броню.

Я пошел на корму, в каюту пребывания Чакоса и Райзера. Они неохотно подчинились приказу Дидакта, потирая глаза ото сна.

Райзер явно не хотел облачаться в броню:

— Синяя женщина и я поссорились, — объяснил он. — Я не люблю ее.

Чакос оделся молча.

Я сказал Райзеру:

— Мы идем навстречу возможной опасности. Броня защитит вас. Я покажу вам, как отключить анциллу, если вы не хотите, слышать ее в данный момент.

— Выключить ее? — переспросил он. — А она не рассердится? Точно?

С содроганием он облачился в броню и опять стал выше. Подойдя ко мне, он критически смерил меня взглядом.

— Ты стал больше, — сказал Райзер с сомнением. — Запах тоже другой.

Я показал им, как отключить анциллу, и послал ей запрос о претензиях людей.

— То, что они вспоминают, делает их сердитыми, — пояснила она. — Они задают вопросы, а я не уполномочена на них отвечать. Я стараюсь успокоить их. Это делает их только злее.

— А ты прекрати успокаивать их, — сказал я ей. — Они должны пройти через это испытание.

«Глубокое уважение» грозно отобразилась на наших мониторах. Я впервые увидел судно класса «Крепость» во время торжественной церемонии в комплексе туманности Ориона еще в ранней юности. Крупнейший из одиночных военных кораблей предтечей, «Крепость» была пятидесяти километров в длину, с огромным полушарием на переднем конце. Средний уровень был оснащен множеством платформ и пусковых консолей, также здесь находились артиллерийские установки. Нижний уровень был в виде длинного шипованного хвоста. В самом широком месте его размер достигал десяти километров и мог нести сотни тысяч Воинов, а также около миллиона автономных вооруженных дронов для поддержки в бою военных кораблей.

Я не сразу понял, что это был доступ не к моей собственной памяти, а к воспоминаниям Дидакта.

Чакос с ужасом посмотрел на «Глубокое уважение»:

— Мы здесь, чтобы посетить наших старых союзников, не так ли? — спросил он. — Вы наказали их также, как нас?

— Не совсем. Они заключили сделку, — пояснил я. — Давайте поговорим об этом позже.

Дидакт поднял руку как бы в предупреждение:

— Мы входим в зону карантина, — сказал он. — Если есть скрытые ловушки, мы обнаружим их достаточно скоро.

Анцилла судна появилась на подиуме между нами:

— Контроль судна передается командиру, — сказала она. — Во время прохождения щита все показания датчиков ограничиваются, остается только визуальное сканирование. Мы будем более чем наполовину слепы.

Когда мы приблизились, а затем начали маневрировать, чтобы занять позицию для швартовки в док, стало все более и более очевидно, что «Глубокое уважение» видело и лучшие дни. Поверхность была в язвах от столкновений с метеоритами. Без ремонта остались все повреждения, полученные в боях. Это выглядело даже хуже, чем оспины звездной пыли на старых «Боевых Сфинксах».

Пандусы и бухты были в основном пустыми. Очевидно, предтечи вывели «Крепость» на эту дальнюю орбиту в надежде забыть о ней, забыть о старой войне, об этом мире, о сан'шум в целом. Капитуляция была подписана. И без гордости за победу, а может, и от стыда «Крепость» была оставлена в этом проклятом месте.

Тем не менее старая военная платформа впечатляла, хотя бы своими размерами. По сравнению с ней наш корабль был пушинкой, застрявшей на рукаве гиганта.

Анцилла пришвартовала наше судно к одному из открытых доков станции, и через несколько минут после этого мы шли по холодной палубе «Крепости». Чтобы не расстраивать Кофирмье, мы оставили людей на корабле.

Пространство, по которому мы шли, было почти лишено атмосферы, и в тени фиолетовых переборок палуба была покрыта тонким хрустящим инеем из водяного льда. Со свистящим звуком из корпуса вырывались пульсирующие фонтаны паров и газов внутренней атмосферы станции.

— Да, долг не в почтении у Кофирмье, — выдавил из себя Дидакт. — Воин не должен позволять ржаветь своему оружию.

С высокого сводчатого потолка спустился лифт и открылся, чтобы впустить нас.

Послышался треск плохо воспроизводимого голоса, наполняя эхом хранилище:

— Проходите, старый друг! Все нарушения Домена ждут вашего осмотра.

Дидакт посмотрел на меня, как только дверь лифта закрылась.

— Хорошо... Первое испытание на вашу голову, Строитель первой формы.

— Я как кинжал, короткий, но глубоко разящий, — ответил я.

Это его поразило:

— Вы начинаете говорить, как Воин, — сказал он. — Но вы все равно выглядите, как Строитель. Ваша сила... Как идет прогресс?

— Большие, — ответил я, осматривая свои руки, — но боль почти прошла.

— Кофирмье когда-то командовал легионами... Эя, я задаюсь вопросом, почему он не избрал Криптус вместо всего этого?

— Он хотел исполнить долг, — предположил я.

— Я исполнил долг своим уходом, чтобы не спровоцировать конфликт, — проворчал Дидакт.

— Он продолжает говорить о Домене. Имеется в виду, что это была его единственная связь с предтечами?

— Может быть... Но не надо доверять отражению в разбитом зеркале...

Мы добрались до среднего уровня в пределах полусферы. Уровень был слишком запутанным, к тому же половина люков и мостов не работала. Сплошные стены и лабиринты каналов, пересекаемых вентиляцией. Здесь атмосфера была еще слишком тонкая и небезопасная без брони. Твердый свет рабочих мостиков и рамп был слабым и непостоянным. Такая тяжелая ситуация в крепости, видимо, была на протяжении многих веков.

— Будьте рядом, — сказал Дидакт.

Впереди большая неуклюжая фигура, одетая во что-то вроде брони, вошла в тусклый луч света.

— Это, должно быть, Кофирмье! — предположил я, но Дидакт не выразил радости.

— С прибытием на борт *«Глубокого уважения»*! — проговорила фигура. Он подошел ближе, и я наконец-то рассмотрел его... Это был Кофирмье.

— Для нас большая честь посетить ваш славный корабль! — приветствовал его Дидакт. — Многие сослуживцы помнят о вас!

— Многие?.. — удивился Кофирмье. — Грамэриан с вами? Стратегус?

— Нет, не в этот раз, — ответил Дидакт. — Как я уже сказал, мы прилетели по поручению Биоинженеров и моей жены...

— Я упоминал, что она была здесь не так давно, — сказал Кофирмье. — Если вы спросите меня, чем она занималась, скажу, что не знаю. У нее была печать Совета, так что я ничего не спрашивал. Я не вмешиваюсь в политику.

— Эя, — продолжил Дидакт, — мы не имеем печати Совета.

— Я так и думал. Вы ставите меня в неловкое положение. Сначала вы женитесь на Биоскульпторе, а потом в открытую выступаете против Строителей... Это заставляет меня задаться вопросом... Наверняка, вы хотите заслужить мой патент мутации? — Кофирмье шагнул вперед и сдал Дидакта в объятия.

Дидакт взглянул на меня смущенным взглядом.

Иней кружил и падал на их седые головы, пока наконец Кофирмье не отпустил Дидакта из объятий.

Старый Прометеец повернулся ко мне. Никогда прежде я не видел предтечи уродливее, чем Кофирмье. Его кожа, как я мог разглядеть сквозь изношенную броню, была пестро-серая, пятнистая, с нездоровыми бледными венами. Лицо было покрыто голубовато-белой щетиной. Во рту я разглядел два сплошных ряда черных зубов, с намеком бледного языка между ними.

— Мой старый друг, развлеките меня. Расскажите мне снова те истории, в которые мы так нелепо влипали; напомните о победах, которые мы бурно праздновали. Я одинок здесь, и время тянется невыносимо долго...

Глава 21

«Глубокое уважение» казалось большим деревом, проеденным насквозь ужасным блуждающим термитом. Чем глубже мы продвигались, тем более сильными *казались* разрушения и распад. Я задавался вопросом, проводил ли Кофирмье за последнюю тысячу лет хоть какой-то ремонт станции? Истощение ресурсов судна и извращение оригинального дизайна **«Глубокого уважения»** — вот, что мы видели на своем пути.

Наконец мы пришли в отсек, где было достаточно тепло, а атмосфера имела достаточное количество кислорода. Шипение пополнения запасов кислорода было как вздох; наши анциллы начали пополнять резервы брони.

Командный центр Кофирмье был увешан рваной драпировкой, и она скрывала все элементы управления. В арках и между штор стояли выполненные с изяществом и умением десятки скульптур из камня и металла, некоторые довольно большие.

Как командный центр — это место было не более функциональным, чем пустой склеп. Очевидно, что «Крепость» стала призраком былого могущества.

Кофирмье пригласил нас сесть. Со скрипом и стонами на палубе появились два стула размерами, подходящими для Прометейцев, плюс маленький бугорок, который наверняка предназначался для меня.

Из широкого шкафа, наполовину скрытого за драпировкой, Кофирмье достал пару старинных бутылок:

— Лучшее, что я могут предложить, — сказал он и налил три стакана зеленоватой жидкости. Он сел и предложил один бокал Дидакту и один мне. Ни один из бокалов не был чистым.

— Мы помним ушедших! — сказал он тост, поднимая свой стакан.

Жидкость внутри бокала пахла сладким и кисло-острым.

— Сан'шум всегда преуспевали в искусстве опьянения. Это из моих лучших запасов.

Дидакт посмотрел на свой стакан и к ужасу Кофирмье выпил его залпом.

— Это редкий напиток, — упрекнул он.

— Вы позволяете сан'шум путешествовать между мирами? — спросил Дидакт, возвращая бокал в пыльный лоток.

— Они находятся в границах карантина, — ответил Кофирмье. — Нет причин блокировать их передвижения.

— Во многих отношениях они были хуже, чем люди, — наступал Дидакт.

— Вас ввели в заблуждение, и у них нет к нам претензий.

— Не будем спорить, сейчас это не главное, — согласился Дидакт. — Сколько лет вы не имели контакта с другими Воинами?

— Живыми? Века, — ответил Кофирмье. — Последние Воины... — он остановился и посмотрел вокруг затуманенными глазами. — Многие наши коллеги прилетели сюда, вы это знаете. Изгнанные с меньшим достоинством, чем Совет позволил вам. Когда вы исчезли, они остались и боролись, прошли через многие политические баталии.

— Где они сейчас?

— Некоторые ушли в Криптумы. Остальные... Совет доставляет нам Дюрансы.

— «Глубокое уважение» стало кладбищем? — спросил Дидакт, побледнев.

— Вместителищем Мантии, мемориалом. Это разрешено для нашего класса после изгнания из Совета. А сан'шум прилетают сюда, как правило, для ремонта мониторов, и я им благодарен. У меня нет ни персонала, ни сил, чтобы сделать работу самому.

— Наши враги заботятся о *наших мертвых*? — Дидакт встал и, казалось, искал, чтобы подобрать и бросить в Кофирмье.

— Война давно закончилась, — оправдывался Кофирмье со слабой попыткой сохранить достоинство. — Мы победили наших врагов... И все же вы выбрали изгнание, а не спор с Советом, опираясь на Лайбрериан, скрывшую вас и, без сомнения, обеспечившую ваше возвращение... Но я вас не обвиняю, мой друг.

Кофирмье неловкой походкой подошел к ближайшей скульптуре. Темно-зеленая статуя, неопределенной формы, с узором, напоминающим листву. Его рука плавно гладила резную поверхность:

— Посол сан'шум оставляет скульптуры как форму уважения к завоевателям. Он прибывает на странном передвижном стуле... Я считаю, что они сейчас требуют от своих лидеров, чтобы те были калеками. Я также считаю, что они держат меня в некоторой зависимости. Сан'шум уже не такие, как раньше.

— Декаденты и искатели чувственного удовлетворения? Вы это имели в виду? Умные мошенники?

— В самом деле, когда-то они поклонялись молодости и красоте. Но не сейчас. Старейшины ввели новые правила и законы, и молодежь служит для них разменной монетой. Есть много законов о продолжении рода... Они ввели избирательную демографию и поэтому не перерастают своих планет, как когда-то.

— Кто руководит ими сейчас?

— Много имен, много титулов. Много убийств... Я запутался во всей этой каше обоих миров.

— Узнайте, — попросил Дидакт. — Скажите им, что старший Прометеец хочет задать им вопросы о Чарум Хакор и о том, кто был заключен там в тюрьму.

Теперь пришла очередь Кофирмье поменяться в лице. Он медленно опустил стакан:

— Вневременной Разум?

— Мастер-Билдер закончил постройку страшного оружия. Оно было проверено около Чарум Хакор, — сказал Дидакт. — Никто, кажется, не предвидел разрушения структур прекурсоров... Но арена была нарушена, и пленник оказался на свободе.

— Невозможно, — сказал Кофирмье. — Невозможно, — повторил он. — Если клетка пуста, где заключенный, где его искать? Ведь мы никогда не понимали, кто это был.

Дидакт понимал, он говорил с ним.

Но эта часть воспоминаний Дидакта была для меня не совсем ясна. Слишком опасно для первой формы? Или он недостаточно верил мне?

— Вот почему это очень важно. Мы ставим под сомнение действия сан'шум, они под подозрением.

— Я не буду вам препятствовать. Однако ваш корабль вооружен до зубов. Оружие должно остаться у меня.

— Без проблем. Все, кроме моих «Сфинксов». Они больше не являются оружием и служат мне как память.

— Эя, я понимаю.

— У нас также есть два человека.

— Это запрещено.

— Да, конечно, но они необходимы для нашей миссии.

Кофирмье посмотрел на Дидакта. Показалось, что силы вновь возвращаются к нему.

— Если Совет формально не отнял ваше звание, вы мой командир. Люди, на вашей ответственности... Однако оружие придется оставить.

Чтобы урегулировать этот вопрос, Кофирмье вновь наполнил стаканы. Взаимопонимание между двумя старыми Воинами было достигнуто. Они выпили, и на этот раз Дидакт осушил свой стакан уже не залпом.

— Лайбрериан... Как она объясняла свою миссию?

— Она выбрала отдельных представителей сан'шум, а потом увезла их. Я понимаю то, что она делает сейчас по всей галактике. Может быть, она собирает виды, как я собираю скульптуры?

— Куда она их забрала?

— На инсталляцию «Зеро-зеро», под названием «Ковчег». Она была в сопровождении этих новых представителей службы безопасности Строителей... Разве вы не говорили с ней?

Повисло неловкое молчание.

— Нет? — переспросил Кофирмье. — Конечно, нет... Это было бы слишком просто, не так ли?

Глава 22

Наш корабль перешел на околозвездную орбиту. Когда мы приблизились к первому из двух миров сан'шум, Дидакт признался мне в том, что и так казалось очевидным.

— Кофирмье больше непригоден для исполнения служебного долга. Он даже не проверил, по-прежнему ли я в своем звании.

— А как на самом деле? — спросил я.

— У меня нет возможности это узнать.

— Лайбериан знала, что вы прилетите сюда после Чарум Хакор?

— Возможно, это разумное предположение. Моя жена и ее планы... Она медленно, но уверенно продвигает нас к своей цели.

— Кто-то мог это тоже предвидеть и подготовить ловушку.

— Конечно. Если мы сейчас ее бойцы, то должны принять элемент риска. Так как люди внесли свой след в эти события, сведя их с сан'шум, можно освободить важные воспоминания. Риск того стоит.

— Они вовсе не довольны тем, что помнят, — сказал я.

— Они узнали неприятные истины, мысли и воспоминания людей-воинов. Горечь поражения и, возможно, скорую казнь.

— Лайбериан взяла их сущности, прежде чем они были убиты?

— Она не имеет ничего общего с тем, что произошло в те дни. У нее была другая политика — сохранить то, что мы могли уничтожить безвозвратно, несмотря на то, что люди были врагами.

— *Побежденными* врагами, — отметил я.

— В данном случае у нас был повод собирать воспоминания, — продолжил Дидакт. — Прежде чем вступить в войну с нами, люди боролись против другого врага, опасного и отвратительного. С этим бедствием мы еще не столкнулись и знаем о нем очень мало.

Я посмотрел внутрь своей памяти:

— Потоп? — спросил я. Эта часть знаний открылась для меня: изображения, эмоции, но все перемешалось и было неполным.

— Это их имя. Пока люди боролись с нами, они победили Потоп и вытеснили его за границы галактики. Мы не знали об их победе, пока не завоевали людей. Мы хотели научиться у них, как бороться с Потопом в случае его возвращения. Однако по понятным причинам они не поделились своим секретом.

— Люди боролись с «Вневременным»?

— Нет, — Дидакт поднял длинную руку и медленно провел вдоль видимой линии мира сан'шум. — Он предшествовал людям, которые раскопали его. Он предшествовал Потопу. Тем не менее я разделяю мнение людей: кто бы это ни был, он чрезвычайно опасен.

— И все же вы говорили с ним.

Он, казалось, подавлен тем, что я знал об этом.

— Вы видите уже много. Эя!

— Как вы смогли проникнуть в артефакт прекурсоров? О чем вы его спрашивали?

— Вы увидите это, когда будете готовы, — ответил Дидакт. — Наше оружие забрали, но этот корабль по-прежнему полон мощных инструментов... Вы, например. И люди. Лайбрериан проводила исследования тысячу лет, пока я находился в ссылке, и, кажется, сделала несколько открытий, которые она не смеет передать напрямую. Возможно, даже Совету это не было сказано. Но косвенно передано через вас и людей... Вы помещены на медленный предохранитель, приуроченный к подходящему моменту, даже я не знаю, когда это может случиться.

— Все это звучит ужасно неэффективно, — сказал я.

— Я научился доверять инстинктам моей жены.

— Вы поделились своими знаниями с ней, прежде чем войти в Криптус?

— Некоторыми.

— А она поделилась своими знаниями с вами?

— Нет.

— Она что, не доверяла вам?

— Она знала мои обстоятельства. Однажды мой Криптус будет обнаружен, мое освобождение неизбежно, и я в итоге буду вынужден поступить на службу к Мастер-Билдеру и Совету, независимо от моих пожеланий. Она дала мне некоторое время, задержку, прежде чем это произойдет. Наше путешествие должно дать ответы на многие вопросы. Вот такая ситуация.

Анцилла судна сообщила нам, что получено разрешение на подход к крупнейшему миру сан'шум.

— Приведите сюда своих людей, — велел мне Дидакт.

— Они не *мои*...

— От ваших действий зависит, будут ли они жить или им суждено умереть. Разве они не ваши, первая форма?

Я опустил голову и согласился.

Наш корабль лег на курс вдоль вытянутой эллиптической орбиты планеты сан'шум. Если мы решим прервать полет и вернуться обратно через карантинный щит, надеюсь, что коды будут работать и мы вырвемся на свободу.

Слабые надежды...

Глава 23

Наконец мы подошли достаточно близко к планете, чтобы наши датчики проникли сквозь дымную мглу, которая покрывала темные руины городов сан'шум. Уничтожение теперь стало явным.

Чакос и Райзер находились с нами на командной палубе.

Райзер то смотрел на меня с озадаченным выражением, то морщил нос. Чакос за все время даже не взглянул на меня. Если они чувствовали ужас и страх, они ничем это не выдавали. Я видел, как сильно они изменились, насколько выросли. Они стали совершенно другими людьми, уже не теми, которых я встретил на Эрде-Тайрин. Мы все изменились.

По крайней мере я убедил себя, что моя служба была в своем роде добровольна.

— Смотрите, — Дидакт движением пальцев увеличил изображение: следы от работающих двигателей были видны даже через отходящее тепло горящего города, четко вырисовывались очертания флота из нескольких парящих судов, некоторые из них были больше, чем наш корабль, некоторые меньше.

— У Биоинженеров нет оружия, — сказал он. — Это Строители здесь залегли, прячась в тени. Они уже знают, что я прилетел. Давайте рассмотрим более подробно. Вот оборонные дроны и суда класса сопровождения. Сотни установок самонаводящейся плазмы. Диверсионные машины. Все это, чтобы защитить нескольких Биоинженеров? Что произошло там, внизу? Лайбрериан, где она?

Он говорил с отчаяньем, но в его голосе была надежда, поражение и плен не пугали его, он переживал только за свою жену.

Мы были в ста тысячах километров от планеты, когда анцилла судна объявила, что путь назад отрезан.

— Много кораблей, они проходят через карантинный щит. Они соответствуют нам или превосходят нас в мощности и скорости и в настоящее время следуют нашим курсом.

— Продажный! — вырвалось у Дидакта. — Кофирмье, действительно, помог им установить ловушку.

Он сделал последнюю попытку изменить нашу орбиту, но мы уже вошли в защитное поле, окружающее планету. Поле мешало нам достигнуть максимальной скорости, и, конечно, мы не могли войти в пространство скольжения. Мы были как насекомые, которые попали в бутылку.

Когда Дидакт собрал достаточно информации, он сказал:

— Что-то спровоцировало сан'шум к восстанию.

— Но у *них* нет оружия...

— Если бы у них не было оружия, Кофирмье не был бы таким внимательным. Очевидно, что они по-прежнему скользкие клиенты.

— Командующий флотом прислал запрос, — сказала анцилла судна. — Он приказывает передать контроль. Должна ли я его выполнять?

— Выбора нет, — ответил Дидакт. Он оглянулся, как будто все еще пытался найти способ уйти от погони.

Я больше не мог на это смотреть и попятился назад, туда, где стояли люди.

— Что будет с нами? — спросил Чакос.

— Они нас накажут, — сказал Райзер. — Нас не должно здесь быть.

Я не мог ответить. Я не знал этого.

Две неизвестные анциллы появились рядом с нашим кораблем. Не проведя физического контакта с кораблем, они подключились к системам судна. Облетев нас по спирали, они поднялись вверх и исчезли.

— Что это? — спросил я.

— Супрессоры, — ответил Дидакт. — Только что наш корабль перешел под их контроль.

Мы, летевшие на самом современном военном корабле предтечей, попались, как муха в паутину.

Поле супрессоров засияло в командном центре. Мы почувствовали увеличение гравитации. Мы ждали, беспомощно пребывая в полутьме, слепые ко всей внешней активности. Наши анциллы замолчали под воздействием энергетических полей супрессоров.

Погас весь свет, и мы остались в полной темноте. Пошли минуты.

Райзер молился на старом человеческом диалекте. Его ритмы звучали знакомо.

Дидакт когда-то учился человеческим языкам.

Чакос просто молчал.

Медленно мои доспехи начали отключаться. Мое дыхание стало жестким и поверхностным. Что-то сверкало справа от меня. Я попытался повернуться, но доспехи были заперты и сделали меня неподвижным. Оранжевые блики усилились до нестерпимого сияния, и я увидел, как переборки и наружная обшивка начали расплавляться, в то время как стены из твердого света все еще боролись за границу между нами и вакуумом. Даже в осаде, лишённое почти всех основных функций, судно Дидакта доблестно пыталось защитить нас.

Наш корабль медленно погибал.

От центра управления осталась едва ли половина. Я увидел, как нас окружают корабли класса «Отчаянные Убийцы», сверкая и переливаясь, отражая свет от корпуса нашего умирающего судна. Мы дрейфовали в открытом космосе. Атмосфера быстро улетучилась, и мы были окружены вакуумом.

Через истонченный слой оставшейся обшивки корабля я видел, как умирали «Сфинксы». Их разбивали как игрушки, резали их на части, а затем оставшиеся части распыляли плазмой.

«Сфинксы» не оказали никакого сопротивления.

В поле моего зрения попали три мощных «Охотника», они являлись более продвинутой формой старых «Сфинксов» Дидакта. Им не хватало

«хмурого взгляда» — особенности старых машин. Они были безликие и темные.

Один из них прожег вновь выросшие стены из твердого света. Оказавшись на корме, он исчез за переборками, наверное, в поисках других пассажиров.

Другой подобрал Дидакта. Подпрыгивая в своих доспехах, как детская игрушка на веревочке, он был отбуксирован от умирающего корабля в глубину космоса.

Третий задержался возле меня, но не предпринял никаких действий, как будто ожидая инструкций. Когда я уже начал терять сознание, глаза затянула кровавая пленка и пришла мысль, что осталось несколько последних вдохов, машина схватила меня манипуляторами, вытянула из разбитого корпуса, наружу и понесла вниз к планете.

Так бесцеремонно все мы были доставлены в мир сан'шум.

Глава 24

Парализованный, облаченный в прозрачное поле, как в мыльный пузырь, и не имеющий возможности ни с кем разговаривать, я приближался к поверхности планеты.

У них нет воинской дисциплины.

В постоянно меняющихся картинах я видел то, что предтечи могут сделать, когда их гнев и страх берут на себя ответственность. Внизу атмосфера состояла из закрученного тумана, дыма и огня. Боевые единицы и автоматизированные системы оружия слишком малы, чтобы быть заметными, но я наблюдал последствия — на разных континентах ослепительные пучки света, светящиеся дуги плазмы, гигантские площади расплавленной планетарной коры. Я никогда не видел ничего подобного, но Дидакт через это прошел.

Его воспоминания проносились у меня в голове, когда «Охотник» тащил меня вниз, в этот ад.

В течение некоторого времени я не мог оторвать взгляд от умирающей планеты. Поглядев вверх, в свете слепящей звезды я заметил военные корабли на высокой орбите, а затем сверкающий остов корабля Дидакта. Корабля, который был спрятан Лайбрериан внутри центрального пика кратера Джаманкин, а сейчас разорван на части. Корабля, у которого даже не было имени.

Несколько раз «Охотник» пронес меня сквозь импульсы ионизированного газа и перегретой плазмы, и тогда мои нервы дрожали и бились в моих костях.

У меня было достаточно времени, чтобы пожалеть себя, пожалеть о том, чего, вопреки всем моим ожиданиям, я не сделал. Но наши палачи ни о чем не жалели. Они просто смотрели, ждали с каким-то удовлетворением. Смерть... Была ли она необходима или неизбежна?

Я вспомнил о наших людях, которые имели основания сожалеть и не имели ничего общего со мной. Если они все еще живы, теперь могут добавить этот ад к своим воспоминаниям прошлых битв и старых войн.

Главным призом был, конечно, Дидакт. С некоторых пор он стал слишком обременительным. Он восстал против решений Совета, но тогда он ушел. А теперь, после возвращения, Дидакт снова стал противником.

Я на мгновение закрыл глаза.

Когда я открыл их снова, сигнальные ракеты в плотных слоях атмосферы окружили меня со всех сторон. Мы были очень близки от поверхности, менее чем в шестидесяти километрах, и быстро приближались к ней.

Сквозь свечение ионизированных газов я увидел формирующееся сферическое пространство. В центре огромной пульсирующей сферы появилось эллиптическое кружево твердого света.

Я понял, что это был портал, предназначенный для транспортировки больших, массивных объектов.

Я стал свидетелем, как огромное, но тонкое серебристое кольцо появилось через пурпурное отверстие в центре кружевного портала. Несмотря на свои размеры, портал был открыт далеко от орбитальных кораблей, в более миллионах километров в направлении от орбиты умирающего мира сан'шум, намного выше войны, смерти и проблем таких маленьких существ, как я.

— Это... — мои губы пытался сказать, но мое дыхание остановилось. Мои легкие пытались вдохнуть любой остаток кислорода, но, очевидно, он был на исходе.

«Охотник» тащил меня вниз к поверхности, только с пузырьком в качестве защиты.

Кольцо, висящее над нами, мерцало оттенком блестящей меди. Одна половина кольца была в тени, другая залита ярким светом звезды.

Внутренняя поверхность инсталляции покрыта водой.

Туннельным зрением, сузив его вокруг кольца, я разглядел мелкие детали, облака, тени от облаков, невероятно крошечные с такого расстояния. Горы, каньоны...

От недостатка кислорода я стал терять сознание...

— *Вот и все,* — подумал я в слух.

И вдруг голоса всех, кто когда-либо посещал Домен, сказали мне:

Сохрани.

Это сообщение?

Нет времени.

Сохрани.

История предтеч скоро может закончиться.

Это было как крик тоски, как будто я был подключен к чему-то, где знания состояли из разочарований, ужаса и боли.

Внезапно я почувствовал наплыв холодного чистого воздуха для дыхания, с резким запахом сажи и озона. Я был все еще несвободен, но поблагодарил судьбу за возможность дышать.

Какое-то время я сомневался, слышал ли я что-нибудь или это отражение моих собственных эмоций в затруднительном положении.

Не надо доверять отражению в разбитом зеркале.

Я задался вопросом о гигантском кольце. Что оно собой представляло? Оно казалось таким реальным... Затем слово мелькнуло в моей голове. Было ли это изображением, которое я только что видел, или я вообразил это в приступе аноксии.

Это слово было тесно связано... Память Дидакта подсказала мне: *Власть. Смерть. Разрушение.*

Это слово — *Гало!*

Глава 25

ДЖАЖУР КУМ • ВЕЛИКИЙ КАРАНТИН МИРА САН'ШУМ

— Что они сделали с вами, Манипулар?

Голос был воспитанным и культурным. Он говорил в повелительном тоне, словно мощная торжественная музыка проносилась эхом через великие, торжественные структуры.

На мгновение я подумал, что это, может быть, снова Домен. Но это было не так. Голос шел через мои уши.

Я почувствовал запах, как при сжигании благовоний, — мускусный аромат, каким пользовался мой отец, слишком дорогой для моего приемного отца и других Горняков или Воинов. Однако голос был определенно не моего отца.

Я открыл глаза, но увидел только смутные тени.

— Выключите супрессоров. Его броня поможет вернуть его к жизни. Я хочу, чтобы он ожил, — сказал то же голос, но направлен он был уже не на меня.

Послышался другой голос, менее мощный и в подчиненном тоне:

— Мы не знаем, была ли повреждена броня...

— Включите их *всех!* У нас есть тот, кто может дать информацию. Давайте узнаем некоторые подробности. Я уверен, что ответы скрываются где-то здесь.

Моя броня разблокировалась. Понемногу ко мне начали возвращаться силы. У меня появилась возможность некоторой свободы движений, но физические кандалы все еще держали меня. Мне показалось, что я висел на цепи или крюке в серой объемной камере. Я зажмурился, чтобы очистить пелену на глазах.

— Эй, вы. Я спрашиваю вас еще раз, Манипулар, что с вами сделал Дидакт?

Мне с трудом удалось сказать:

— Я не Манипулар, а первая форма.

— Ты воняешь, как Воин, но больше похож на уродливого Строителя. Как это произошло?

— Внеочередная мутация. Как необходимость в определенных обстоятельствах.

Сильный голос продолжил, как мне показалось, с жалостью:

— Знаете ли вы, где находитесь и что случилось?

— Я видел умирающую планету. Видел большое кольцо, освещенное звездой.

— Мм... В сложившихся обстоятельствах мы не могли позволить себе, чтобы неизвестный корабль помешал нашим планам. А сейчас Вы находитесь на том, что осталось от Джажур Кум — планеты, по договору принадлежащей сан'шум. Наши бывшие враги снова стали врагами. Неожиданно? Можете ли вы сказать мне, почему Прометейцы позволили этому случиться?

— Нет. — Я пытался сосредоточиться на размытой фигуре в ярком свете слева от меня и не мог.

Ничего из этого я не знал. Ничего из этого не имело смысла.

— Мог ли недавний визит Лайбрериан спровоцировать это восстание?

— Я не знаю, что она сделала.

— Но вы знаете о ее визите.

— Кофирмье упомянул об этом.

— Ах, да! Эта позорная пародия, тот, который охраняет охрану? Тем не менее у него хватило ума, чтобы служить тем, кто освобождает его от обременительных обязанностей... Вы, кажется, скрываете несколько важных вещей.

— Я не пытаюсь обмануть вас.

— Конечно, нет. Вы должны вести себя хорошо, чтобы вернуться назад, к вашим родным.

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Возвращение в отчий дом.

— Со мной были люди.

— Я вас об этом не спрашивал. Если это так, за это нарушение вы также будете наказаны.

Когда мои глаза очистились, а чувства вернулись ко мне, я увидел Строителя, прошедшего как минимум через три, возможно, и больше

мутаций. Изящного и подготовленного к высшим государственным постам, возможно даже к тому, чтобы стать главой самого Совета.

— Кто вы? — спросил я.

— Я?.. Я — Мастер-Билдер. Вы встречали меня раньше, Манипулар.

Он по-прежнему так меня называл, и это звучало, как оскорбление.

Я смутно припомнил, как когда-то в моей ранней юности он посетил мир моей семьи в Комплексе Ориона. Тогда он еще не носил титул «Мастер-Билдер», а был известен просто как Фабер.

Дидакту с его неотесанным телом было далеко до аккуратно сформированного, округлого, отполированного до блеска, розового торса Мастер-Билдера. Его кожа излучала мускусный аромат. Я сразу вспомнил о сан'шум и их способности к очарованию.

Моя голова была полна интересных мыслей, но ни одна из них не была связана с моей ситуацией, с моим затруднительным положением, моим выживанием.

Мы располагались вдоль стены длинного, тускло освещенного коридора. В ширину он была больше, чем в высоту. Каждые несколько секунд вертикальные полосы света прокатывались по широким стенам. Эта функция мне была незнакома.

Моя анцилла все еще была подавлена супрессорами.

Мастер-Билдер ходил вокруг меня.

— Где вы присоединились к миссии Дидакта?

— На Эрде-Тайрин.

— Интересно... Ведь Эрде-Тайрин рассматривается Биоинженерами как природный заповедник, находящийся под охраной Лайбрериан... Люди вовлечены в эту историю с самого начала?

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Были ли они осведомлены о последствиях освобождения Дидакта из Криптума?

— Я так не думаю.

— Наша лучшая теория на сегодняшний день, что все вы под руководством Лайбрериан сделали попытку сорвать решения Совета. Вы лично не согласны с Советом?

— Я не знаю.

— Как можно быть таким неосведомленным?

— На такие дела я не обращал внимания, — сказал я. — Я жил среди Горняков до отлета на Эрде-Тайрин. Они мало интересуются политикой и делами Строителей.

— Правда? — спросил Мастер-Билдер. — Ваша семья поддерживает вас, но они крайне разочарованы и удивлены вашими действиями. В настоящее время ваш отец доверил мне лично распоряжаться вашей судьбой.

Это прозвучало нехорошо. Я сомневался, что семья так легко отдала меня Фаберу: у Строителей всегда были сильные семейные узы.

— Он утверждает, что не знал, что вы находитесь на Эрде-Тайрин. Вы были отправлен на Идом! Вы не сообщили ему о своих планах?

Становилось все хуже и хуже. Малейшая оплошность с моей стороны может подвергнуть опасности всю мою семью — это было ясно.

— Я с трудом разговариваю, некоторые вещи могут быть сказаны по ошибке. Мои мысли все еще перемешаны, а память также не восстановилась после мутации. Я хотел бы помочь вам, Мастер-Билдер, но...

— У нас есть немного времени. Предоставлю вам короткий отдых. У нас еще есть над чем поработать здесь, и после этого мы с вами поговорим. А теперь где эти люди?

Он поднял руку и мою броню снова заблокировали. Поле супрессоров вернулось, и мое сознание стало медленно отключаться. Незадолго до забвения я снова почувствовал соединение с Доменом.

*Власть получить ему дано,
Так же, как давным-давно.
Кто не знает исторических ошибок нить,
Обречен их повторить.*

Кто послал мне это сообщение? Это было не Дидакт, я точно был в этом уверен.

И это не мог быть любой из предтеч.

Глава 26

Я очнулся от очень яркого света.

Мы висели над остатками города, на прозрачной платформе, возможно в командном модуле флагмана Мастер-Билдера. Свет исходил из ужасного шара плазмы, поднявшегося на горизонте. Потоки вещества интерференционной массы преобразовались в электромагнитное излучение и энергию вакуума и ударили по судну. Щиты корабля потемнели, но раньше я почувствовал ожоги на коже и был временно ослеплен.

Моя броня засияла защитным полем от радиационных повреждений.

В это время память Дидакта показывала мне, как выглядели города сан'шум до разрушения — высокие ветвящиеся башни, широкие изогнутые шоссе, тысячи улиц расположены, как рябь, на глади пруда.

Сан'шум, верные своей догме, использовали все имеющееся в их распоряжении, чтобы вернуть себе безбедное существование, с развитой коммерцией и поездками между двумя соседними мирами и несколькими

небольшими спутниками. В лучшие времена и при других обстоятельствах было возможно их полное историческое восстановление... Но не сейчас.

Другой рассвет встретил их мир.

Корабль сел на широкой равнине, окруженной множеством боевых кораблей и охраняемой мрачным контингентом Строителей в доспехах.

Строители-Воины?.. Это все казалось мне очень странным.

Три сферы заключения появились рядом со мной, вися на буксирной нити «Охотников». В одной находился Райзер, его глаза были закрыты, а голова неестественно развернута; в другой содержался Чакос, который находился в сознании.

В третий сфере был заключен Дидакт, полностью голый и в сознании. Вокруг него сияло поле проекторов: лишен брони, чести, достоинства, он делал все, чтобы не показывать свою агонию. Он взглянул на меня, и в его глазах был вопрос, на который я не знал ответа. Боль судорогой прошла по его лицу, он дернул головой и стал смотреть на Мастер-Билдера.

— У вас большие неприятности, Прометеец, а теперь вы еще тащите за собой жену и этих бедных подчиненных.

Это был тот момент, когда моя зрелость взяла верх. Подозревает ли Мастер-Билдер — это или нет, но теперь в моем лице у него появился враг.

— Вы пришли сюда, чтобы встретиться с сан'шум, не так ли? — спросил Мастер-Билдер. — Ну, давайте устроим эту встречу. Лайбериан недавно увезла несколько особей, и это, кажется, спровоцировало восстание. К сожалению, она находится за пределами моей досягаемости, но вы все еще здесь.

Несколько сан'шум, также заключенных в сдерживающих сферах, появились впереди. Как бусы, рассыпанные по полю... собираемые невидимой рукой, возле тени корабля Мастер-Билдера. Следом подкатили, как я понял, вожди сан'шум.

Где легендарная природная красота сан'шум?! Я смотрел на ветхих, уродливых старейшин. Несколько из них прибыли в передвижных стульях, о которых упоминал Кофирмье. Их головы были обрамлены широкими декоративными шлемами с широко распростертыми крыльями. Казалось, я вижу тени и отголоски прошлого, последних сан'шум.

— Мастер-Билдер, — сказал глава старейшин, пыхтя тонким голосом. — Меня зовут Пророк Поддержание Ветра. Чем мы можем помочь вам, Победоносный?

Мастер-Билдер жестом приказал выдвинуть вперед Чакоса и Райзера.

Делегация сан'шум отреагировала с удивлением и даже гневом. Один из Пророков на своем передвижном стуле продвинулся вперед и осмотрел Чакоса с глубоко печальным выражением лица.

— Они унижены, — объявил Пророк, порождая волнения за его спиной. — Это судьба, которая ждала нас! Это было предсказано Пророками прошлого, и это, то о чем предупреждала Лайбериан. Было ли присутствие этих несчастных поводом, который обрушил на нас эти бедствия?

— Давайте не будем искать лишних поводов. Вы забыли о тайном строительстве, накоплении кораблей и о нападении на наш флот, — заметил Мастер-Билдер.

Поддержание Ветра опустил голову, и его широкий головной убор завибрировал.

Люди молчали, но Чакос посмотрел на меня и подмигнул. Я понятия не имел, что это значит, но он поприветствовал меня. Он, видимо, не считал меня своим врагом, и я почувствовал печальную благодарность за это.

— Это все, чтобы напомнить нам о нашем стыде? — продолжил Пророк.

Чакос посмотрел на небо. Возможно, он думал о прошлом, когда люди и сан'шум объединились в другое, еще более тревожное время.

Поддержание Ветра подкатил к Райзеру.

Он наклонил к нему свое морщинистое лицо:

— А почему вы дали им броню *предтечей*? — скрипел и пыхтел Пророк. — Эти побежденные в настоящее время возведены в более высокий статус, чем те, с кем вы подписали договор? Вы использовали их как наемников в этой атаке на нас?

— Эти люди — слуги Лайбрериан, — ответил Мастер-Билдер и приказал охранникам встать между людьми и сан'шум.

Они твердо, но осторожно отодвинули старца.

Затем Мастер-Билдер обратился к Дидакту:

— Какие воспоминания вызывает у вас в это жалкое зрелище?

Дидакт не ответил.

— Существуют ли другие ключи, которые можно найти здесь? Что мы упустили?

Да. Это был наш план.

Стул старца отъехал назад.

— Лайбрериан выбрала нескольких из нас, а потом она ушла! Ее визит подсказал нам: что бы мы ни делали, нас скоро уничтожат! Мыотреагировали так, как любой цивилизованный вид, стараясь сохранить наше наследие и наших детей! Чего вы хотите от нас? — хрипел Пророк, бледнея как мел. — Вы дали нам честное слово.

— Вы знаете, почему мы здесь! — тверда сказал Мастер-Билдер. — Вы скрываете великую тайну.

— Мы не дикари. Мы наблюдали, слушали. Наше население находится на грани отчаяния или даже паники. Мы вели войну на два фронта и проиграли. Но десять тысяч лет назад мы отбросили за пределы галактики врага, который вернулся вновь...

Я пытался восстановить то, что лежала во мне, — воспоминания Дидакта о Потопе. Но я почувствовал только волны хаоса.

Пророк поднял худые, слабые руки как бы в восторге. Он повернулся к Мастер-Билдеру:

— А теперь вы ищете что-то, не так ли? Что-то настолько огромное и важное, что наверняка не может быть скрыто.

Мастер-Билдер, наконец, казалось, выказал Пророку некоторую симпатию.

— Говорят, люди и сан'шум нашли секрет уничтожения своих величайших врагов. Вы сохранили его в тайне, на случай, что он когда-нибудь понадобится.

— Мастер-Билдер несет гибель нам и себе. Нет секретов, нет будущего.

— Хм. Что касается вашей судьбы, то это вполне правдоподобно, — сказал Мастер-Билдер. — Я не вижу никаких оснований для сохранения этой тайны... Вы нарушили наш договор. Предтечи не терпят предательства своего доверия. Но пока для меня ясно, что вам нечего предложить мне... Я должен спросить о ваших секретах Дидакта.

Прибыли другие сферы заключения, содержащие группы пленных сан'шум — окровавленных, с отсутствующими конечностями, едва понимающих происходящее. Даже за травмами и рваной одеждой было видно, какие они стройные, гладкие, мускулистые существа, более подходящие традиционному образу сан'шум.

Сферы открылись, и воины Мастер-Билдера выстроили пленных в линию перед нами.

Пророк со своего кресла стал кричать, оплевывая все своей слюной:

— Это гадюки в наших кроватях! Я не буду делить с ними дыхание.

Чакос попытался засмеяться. Райзер наблюдал все это с плотно сжатыми губами, подняв брови и сверкая глазами как бы в предупреждение. Я никогда не видел его в ярости.

Мастер-Билдер пошел по линии, разделяющей обе разновидности сан'шум, таких же разных, как день и ночь: старое и новое, старцы и молодежь. И я увидел, кто из них были истинными революционерами.

Мастер-Билдер вернулся назад и остановился перед Дидактом:

— Прометеец, услышь меня, — сказал он. — У вас есть последний шанс искупить свою вину. Мой спецназ и разведка давно на этой планете. Все, кто может хоть что-то знать, собраны здесь. Мы сохранили даже тех, кто участвовал в государственной измене. Их семьи мертвы, сопротивление полностью подавлено. Они скажут все, что скрывали все эти тысячи лет.

Дидакт устало посмотрел на него:

— Вы выбрали и сохранили... не тех.

Холодная ярость Мастер-Билдера не знала границ. Я подумал, что он поднимет руку и ударит Дидакта.

Но затем он подавил свой гнев. Глядя на его лицо, я задавался вопросом, какие ресурсы он приобрел с мутацией от Манипулара к первой, второй или третьей форме. Казалось, мудрости он не приобрел точно, а стал только более мощным, более жестоким.

Для сравнения Дидакт был мягким предтечей, в полном противоречии с моими бывшими понятиями.

— Никаких вопросов для них? — спросил Мастер-Билдер.

— Существовал сан'шум, которого я знал и с которым работал после войны, — сказал Дидакт, медленно проводя глазами по линии старейшин. — Он тоже вошел в состояние добровольного изгнания, чтобы искупить вину за поражение от моих сил. Именно он сказал мне, что когда придет время, когда враги вернутся, он откроет тайну в обмен на свободу его потомков. Я не вижу его здесь.

— Вы говорите о нашем Первом Пророке, — воскликнул старец, и его бахвальство сразу исчезло.

— Где эта грязная задница? — прокричал Мастер-Билдер, используя самые непристойные выражения.

— Его дворец разрушен во время первого штурма, — ответил старец, грустным голосом. — Его больше нет.

Мастер-Билдер поднял тупую челюсть и вытянул свою руку, его солдаты позиционировали себя за линией раненых заключенных сан'шум. Затем он повернулся к Дидакту:

— Вы можете сохранить жизнь этим воинам, если сообщите, что произошло на Чарум Хакор и как это связано с Пророком и его тайной. Также я хочу знать о пленнике, который содержался в тюрьме под контролем людей.

Мастер-Билдер посмотрел на нас взглядом, от которого кровь застыла у меня в жилах. Весь лоск элегантных мутаций не мог скрыть сознание того, что его власть стремительно ослабевает. Все, что здесь происходило, он делал от отчаянья. Я вспомнил кольцевой потоковый след, оставленный в магнитном поле и в звездном ветре системы Чарум Хакор. Было ли это то же кольцо, что и в системе сан'шум?

У меня мелькнула ужасающая мысль, мог ли Мастер-Билдер иметь более одного Гало в своем распоряжении. Ведь каждое кольцо способно уничтожить почти всю жизнь в нескольких системах.

— Ваше *Гало* у Чарум Хакор, — сказал я. — Это то, что вы потеряли?

— Хватит! — крикнул Дидакт, и я немедленно замолчал, выключив свои эмоции.

Это было не для других ушей. Даже не я должен это знать.

Мастер-Билдер смотрел на меня в холодном ужасе. Он подошел ко мне боком, как будто я был змеей, которая может укусить и причинить еще большую боль.

— Если никто не может сказать мне, где тот заключенный и кем он является, мне нечего больше здесь делать. Этот мир будет уничтожен. Линия этой истории подходит к концу.

Мастер-Билдер склонил голову рядом со мной:

— Ты был на Чарум Хакор, — сказал он, понизив голос. Это прозвучало ласково и в то же время тревожно. Он холодно улыбнулся. — Если бы не власть твоей семьи, я бы сжег тебя до пепла горящих клеток мозга и развеял то, что останется на этом поле. Но что я могу выделить из той наивной золы, Манипулар? Ты просто жалкий отзвук Дидакта. То, что знаешь ты, он знает тоже. И он *мой*! Я буду делать с ним все, что захочу.

Охранники восстановили сферы вокруг сан'шум, на этот раз включая старейшин в их летающих стульях. Затем они подошли к Дидакту и включили супрессоров.

Когда они пришли ко мне, Мастер-Билдер задержал их на мгновение, достаточное, чтобы сказать мне:

— Мы уведомили вашу семью. Благодаря длительным отношениям с вашим отцом, я сдержал свой гнев. Вы будете освобождены, но ваша семья будет оштрафована, *разорительно* оштрафована. Ваши дни странствий миновали, Бонстелар, Делающий Вечное Прочным...

Авторитет моего отца?

— Куда вы ведете Дидакта?

— Туда, где он будет наиболее полезен для меня.

— А люди?

— Лайбрериан в этот раз зашла дальше, чем обычно. Все ее проекты будут прекращены.

Охранники включили супрессоров. Последнее, что я увидел, было лицо Дидакта, искаженное от боли, но его глаза твердо смотрели на меня.

Я знал. Он знал. Между нами было большее, чем эхо и ответ.

Мой мир превратился в плотный серый узел.

Глава 27

Я возвращался туда, где началась моя жизнь — в мир большого орбитального вальса из трех звезд, в комплекс туманности Ориона. Вернувшись в мой дом и в мою семью, я надеялся подкрепить здоровье, медитировать все свое свободное время и наконец достичь полной зрелости.

Пока я был без сознания, служащий безопасности Строителей сопровождал меня из карантинной сферы в смежную звездную систему. Когда я наконец очнулся, то обнаружил себя на судне, предназначенном для транспортировки персонала научно-исследовательских станций, общем для Горняков и Строителей.

Мое путешествие после этого было быстрым, тихим и практически без осложнений. Я почти не отличался от остальных пассажиров, в основном звездных инженеров. Они, казалось, думали, что я Воин на службе у Строителей, проходящий реабилитацию после какой-то необъяснимой

травмы. Существовало, видимо, много случаев, когда раненых переправляли к реабилитационным центрам.

Я не разубеждал их.

Некоторые рассматривали меня как какого-то уродца. В этом я не мог не согласиться с ними. Мне было неприятно смотреть на себя в зеркало. Я, безусловно, вырос. Моя физическая сила стала намного больше. Во всем другом, я предполагал, что я на самом деле урод.

Мои попутчики, научные авантюристы, были больны идеей развития и увеличения области обитания предтеч без военных завоеваний, что мне очень импонировало. Наш корабль посетил нескольких научных станций по формированию планет.

— Преобразование каменных миров, — объяснил мне один из Горняков. — Предтечи получили возможность преобразования астероидного поля в расплавленную массу в диапазоне двадцати мегаметров. Затем, менее чем за десять тысяч лет после охлаждения, инженеры формировали протопланеты.

— Остается последняя проблема — приручение молодых звезд, — рассказывал он, — но мы работаем над этим. Мы посылаем туда звездных инженеров, оснащенных анциллами третьего класса, — «Плазменных Жокеев», так мы их называем. Они любят звездную плазму, но большинство исчезает после нескольких сотен лет. Мы не знаем, что с ними становится, но это их работа.

Я вежливо слушал, хотя все это было мне неинтересно.

Так как моя броня не содержала анциллу, я много спал, и мои сны были яркими и масштабными, охватывающими тысячи жизней и миллионы лет, но я забывал о них почти сразу после пробуждения.

Наш путь проходил через внешние границы комплекса туманности Ориона. Выйдя из пространства скольжения, из-за сбоя систем навигации мы прошли меньше чем в миллионе километров от натальной планеты предтеч, ныне пустынной и покрытой радиационным шлаком. Планета зарождения цивилизации предтеч на самом древнем языке называлась «Гибалб».

Гибалб когда-то был раем. Вначале в галактической сфере ранние предтечи жили и развивались в славной колыбели из двенадцати звезд, но их первый опыт звездной инженерии пошел наперекосяк, вызвав серию взрывов сверхновых, что безвозвратно изменило весь комплекс Ориона менее чем за пятьдесят тысяч лет. Изображения того времени показывают, что туманность была необычайно яркой и красочной.

Предтечи давно усовершенствовали свое ремесло и делают меньше ошибок. Но в настоящее время комплекс темнее, гораздо менее активен и едва заметен с расстояния ста световых лет.

После восстановления систем навигации и позиционирования перед входом в пространство скольжения нам сообщили, что наше судно отклонилось от курса более чем на пять световых лет. Один из

исследователей предположил, что порталы в последнее время были чрезмерно перегружены.

— Нам говорят снова и снова, что не могут поставлять нужное сырье. Единственное, что может привести к таким проблемам, — частое прохождение очень крупных судов и невообразимо больших объектов через пространство скольжения. И кто им это разрешает?

Он обвел своих товарищей и других пассажиров многозначительным взглядом. Многие смеялись над его теорией. Я ничего не сказал. Я был свидетелем одного такого прохода и видел доказательства другого, но это было не то место, чтобы говорить о том, что я видел.

Тем не менее эта аномалия вызвал неожиданное и неконтролируемое смещение курса нашего корабля, что вызвало удивление команды инспекторов Строителей. Они прибыли на военном корабле неизвестного дизайна.

Делегация состояла только из службы безопасности Строителей и, в отличие от давней традиции, в ней не было ни одного Воина, что меня уже не удивляло...

Соблюдая все надлежащие протоколы, они тщательно изучили записи транспорта. После этого они вежливо попросили информацию из нашей брони. У меня не было анциллы, и они оставили меня в покое.

Команда вскоре улетела, заключив, что нарушение было случайным. Но прежде чем они ушли, один бросил на меня взгляд, в котором объединилось презрение и жалость.

Я был единственным Воином на корабле, и это, естественно, вызывало подозрение. По кораблю пошли слухи, что я был истинной причиной задержки, и после этого только самые смелые из исследователей говорили со мной. Вскоре даже они перестали со мной общаться.

Остаток моего путешествия я провел в одиночестве, пока недалеко от дома за мной и пятью другими Строителями не прилетел быстроходный челнок моей семьи.

Мой отец, мать и сестра встретили меня, как только я перешел в челнок. Я не видел ни одного из них в течение трех лет.

Отец с момента моего отъезда прошел еще одну очередную мутацию и теперь имел тревожное сходство с Мастер-Билдером. Он был ростом четыре метра, плечистым и с крупными ногами. Его кожа напоминала полированный оникс, его волосы имели пурпурный оттенок с белой сединой, глаза черные с вкраплением серебра.

Моя мать изменилась очень мало, во всяком случае она стала только более степенной. Начался тысячелетний отрезок временем, в течение которого она не могла рожать и иным образом создавать потомство. Она была ростом чуть более двух метров, стройная, как тростника, с темно-красными волосами и серебристо-серой кожей.

Сестра была немного выше, чем мать, и менее стройная. У нее был переходный этап перед созданием семьи. Еще до моего изгнания на Идом она

прошла нежную мутацию репродуктивной зрелости и теперь готовилась принять переход к первой форме.

Она встретила меня молча, с широко раскрытыми глазами, как бы оценивая, затем обняла меня крепко и горячо.

Мать, видя мое состояние, встретила меня с вежливой формальностью. Отец твердо пожал мое плечо, спрятав свои эмоции.

Он сказал лишь несколько точно подобранных слов, приветствуя мое возвращение обратно в отчий дом:

— Я уверен, что нам будет, о чем поговорить, — заключил он, прежде чем отправить меня надеть новую броню. — Мы будем обедать ровно в час.

В небольшой, элегантно обставленной каюте я облачился в новую броню. Корабль располагал совершенно ничем не примечательными анциллами. Они казались мне пародией на анциллы Лайбрериан и были не очень полезными и совершенно неинтересными.

— Приношу извинения за этот примитивный аксессуар, — отметила анцилла судна, заметив мою реакцию. — Вам предоставят новую, как только вы прибудете домой.

Я чувствовал глубокую боль одиночества и странное ощущение горя. Анцилла не знала, как подбодрить меня и какие сказать слова поддержки.

Я чувствовал себя ответственным за все, что случилось, и за все, что еще происходит, за великие события, известные и неизвестные, за судьбы одного Прометейца и двух человек.

Первый судовой обед прошел тихо и неловко. Корабль пытался выбирать, как он думал, мои любимые продукты. В моем нынешнем состоянии мой организм их не принимал, что заставило меня почувствовать болезненную тошноту.

— Возможно, ему требуется диета, которая больше подходит для Воина, — предложил отец.

Подчиняя вспышки гнева, я не спрашивал его, был ли он вовлечен в дела Мастер-Билдера. Наверное, я стал мудрее как в поведении, так и в своих рассуждениях.

И через несколько дней я снова оказался дома.

Глава 28

Первый взгляд на мир нашей семьи вызвал смешанную палитру высоких эмоций. Родной мир нашей семьи совсем не изменился. Зачем нужны перемены, когда каждый квадратный метр поверхности был настроен и адаптирован к комфортному проживанию предтеч? Челнок управляется собственной анциллой, как почти все суда предтеч, но традиция старых времен еще требует при посадке корабля присутствия

старшего члена семьи, в данном случае моего отца. Он рявкнул команду на древнем языке предтеч — джаган. Язык применялся в основном для космологии и был более распространен, чем двуугольник, и немного моложе языка Дидакта.

Дидакт... Так они называли меня, когда я преподавал на военной кафедре, в колледже Стратегической Обороны Мантии. Некоторые из моих учеников, казалось, думали, что я слишком требователен и слишком строг в моих определениях. ...

Это апвеллинг воспоминаний не стал для меня неожиданностью. Я ожидал чего-то вроде этого. Дидакт был спонсором моей мутации, и это означало, что я содержал его воспоминания в присущей ему манере; возможно, они занимали большую часть моей памяти. Я чувствовал, как что-то росло во мне, то, что я не мог контролировать.

Я старался не показывать своих проблем, но мой отец легко обнаружил изменения.

Вновь прорываясь наружу, всплыли воспоминания Дидакта. Я увидел Чарум Хакор перед ее таинственным уничтожением, видел, как восстанавливались руины прекурсоров и как люди заставили артефакты работать на них.

Вернувшись в мир моей семьи, я еще раз убедился, что Строители не видели ничего зазорного в стремлении к архитектурному доминированию.

Нашу планету тоже опоясывал лимб, находящийся на высоте нескольких тысяч километров — высшее достижение архитектуры предтеч, хотя, конечно, ему было далеко до великих сводов орбитальных мостов прекурсоров из негибких и вечных нитей.

В молодости я наблюдал за созданием архитектурной фантазии молодых Строителей. Идея была в повышении уровня участков океана. Каждый около одной тысячи километров в диаметре и тысячу метров в высоту, сияющий, как пояс с пришитыми монетами вокруг экватора. Каждый участок был отделен от своего соседа несколькими сотнями метров и соединен только узкими переливными каскадами. Биоинженеры на протяжении многих веков приезжают учиться к этим большим аквариумам и экспериментировать с новыми видами экзотических существ, которых они иногда экспортируют другим исследовательским группам и любителям по всей галактике.

Однажды я помогал наставнику в одном таком эксперименте по разведению трехголовых морских рептилий, плотоядных с развитым мозгом и удивительными чувствами, самых умных в своем роде, пока после нескольких неудачных попыток покушения на мою молодую жизнь мама не решила, что эти существа слишком опасны. Она прекратила эксперимент, а Биоинженер, который разработал рептилий, был переведен в другой мир.

Почти столь же впечатляющими были арочные мосты северного полушария, простиравшиеся вдоль экваториального пояса океана. Каменные арки, поддерживаемые идеально круглыми огромными столбами — красно-

желтыми образованиями из песчаника, вырезанными искусственными вихрями песка, создавали образы, словно скульптор работал с древним известняком или деревом. Туристы и путешественники могли плутать в течение нескольких месяцев в сотнях тысяч километрах переходов и тоннелей спирального лабиринта, хотя, конечно, никогда не существовало реальной опасности, так как команда спасателей была всегда наготове, ожидая сигналов бедствия.

Моя сестра когда-то увлекалась наскальной живописью, оставляя своеобразные рисунки на стенах лабиринтов. Ее не оценили: живопись была слишком оригинальной, слишком загадочной.

Мы приземлились в самом большом поместье семьи, в районе экватора, между океаном и поясом низкого древнего хребта.

Мой отец не обращал внимания на удивленные взгляды подчиненных и не собирался объяснять изменения, произошедшие с его сыном... Так же как, наверное, он забыл объяснить мое трехлетнее отсутствие.

В первый вечер после нашего возвращения моя сестра присоединилась ко мне на веранде на берегу озера недалеко от нашего дома. Тиара из трех небольших блестящих светил медленно опускалась за горизонт, бросая в мерцающих сумерках последние лучи света. Вспыхнуло планетарное сияние, переливаясь всеми цветами спектра. Ночное сияние вызывало излучение карликовых звезд.

— Ты сумел найти сокровище? — спросила она, осторожно касаясь моей руки, словно это должно отвлечь меня от уныния. Но этого не произошло.

— Нет, сокровищ я не нашел.

— А Органон?

— Ничего даже отдаленно его напоминающего.

— В последнее время все вокруг делают очень странные, можно сказать, таинственные вещи, — сказала она, — отец в частности. Это все равно, как если бы он взвалил всю галактику на свои плечи.

— Он важный Строитель, — сказал я.

— Он был важным. Является ли он таким же важным сейчас?

— Да, — сказал я. — В своих путешествиях я хотел больше узнать о нашем мире.

— Теперь и ты стал таинственным.

— Я видел вещи... ужасные вещи. Я не знаю, могу ли я об этом рассказать, не навлекая неприятностей на нашу семью.

— Ты любишь неприятности?

«Время сменить тему», — подумал я.

Она посмотрела на меня взглядом, унаследованным от матери и сочетающим в себе полускрытую оценку и беззащитную доброту.

— Мать интересуется, планируешь ли ты обратить мутацию и изменить себя? — спросила она.

— Нет, — сказал я. — Зачем? Я очень уродлив?

— Ты надеешься, что твой brutальный вид привлечет много невест? Ты планируешь стать настоящим Воином?

Теперь она дразнила. Я проигнорировал насмешку, но почувствовал приступ горечи.

— Моя жизнь больше не является моей собственностью, — сказал я. — Может быть, это моя судьба.

Стемнело, и веранда наполнилась тонким светом звездного неба. После долгой паузы сестра спросила:

— Что в действительности произошло там?

Мы не заметили, как подошла мама. Она указала на стул, когда он сформировался, села рядом с нами и с облегчением вздохнула:

— Это хорошо, что мои лучшие дети все еще со мной, — сказала она.

— Бонстелар собирался мне рассказать, что случилось на Идоме, — сказала сестра.

— Идом! Наслышана я о твоей истории... Мы наказали твою приемную семью за то, что они позволили Биоинженерам ввести тебя в заблуждение.

— *Заблудший*... — произнесла сестра. Она никогда не понимала моей страсти к приключениям.

— Мы, конечно, надеемся избежать санкций Совета, — добавила мама, — но все еще можем потерять этот мир... из-за твоих приключений, Бонстелар. Я надеюсь, они того стоили.

Я ожидал этого момента после своего возвращения.

— Почему ты это себе позволил? — спросила мама. — Ты оставили Идом. Присоединился к миссии опального Воина.

— Это был Дидакт, — сказал я.

— Диссидент Прометеец, изгнанный из Совета?

— Победитель над людьми и сан'шум, защитник Ойкумены в течение двенадцати тысяч лет, — Другой я, вспоминал об этом с гордостью.

— Это правда? — спросила мама, и ее мягкий голос стал немного испуганным.

Рассказ о моих путешествиях и приключениях она восприняла, по-видимому, с большим удивлением.

— Это правда.

— Как ты мог позволить себе совершить такую ошибку?

— Идом находится недалеко от Эрде-Тайрин. Я отправился туда, чтобы найти сокровища. Я думал, что это могли быть артефакты прекурсоров. Но я ошибался. Вместо этого я наткнулся на двух людей, которые помогли найти Крипту Дидакта.

Глаза моей сестры расширились от удивления:

— Криптум Воинов? Ты открыл его?

— И помог вернуть Дидакта к жизни. Он не наказал меня, а взял с собой. Мать, постаралась связать между собой все узлы этой истории:

— Все это было планом Лайбрериан?

— Кажется, так.

— Значит, под влиянием древних лидеров ты присоединился к *Дидакту*, — она пыталась поставить акцент на этом, по ее мнению, грязном эпизоде. — Он, несомненно, потребовал твоей помощи для выполнения своих планов. А ты из-за своей молодости не мог понять, как это может усложнить жизнь твоего отца и какой вред причинить нашей семье.

— Изменилось не только мое тело, — сказал я. — Я многому научился, тому, что скрыто от Манипуларов и даже от большинства предтеч. Я узнал о Потопе.

Моя сестра посмотрела на нас непонимающим взглядом.

Выражение лица матери изменилось в одно мгновение, от глубокой печали до жесткой формальности:

— Откуда ты узнал об этом? — спросила она.

— Частично от Дидакта, частично из Домена.

— У тебя очень сильная связь с Доменом? — спросила сестра. — Это познания древних Воинов! Тебе нравится?

— Я сбит с толку, — признался я. — Воспоминания еще не интегрированы моим восприятием. Знания фрагментированы, и я не могу получить полный контроль над ними... Во всяком случае сейчас Домен недоступен, с момента отлета из карантина мира сан'шум.

— Карантин! — Воскликнула сестра. — Я слышала о сан'шум. Расскажи, что там было.

— Достаточно! И так было сказано много лишнего, — твердо сказала мама, посмотрев вокруг веранды; показалось, она ждет совета своей анциллы. — Я слышала о Потопе. Это таинственная болезнь, которую вызывают излучения из аномальных зон. Два века назад сильно пострадали несколько миров предтеч и колонии в дальних пределах галактики.

Как показалось, это стоило ей немалых усилий. Я ясно видел бремя, которое было взвалено на нее в последние несколько месяцев.

И я несу ответственность за часть этого бремени.

— Мы должны дождаться решения отца, — наконец сказала она.

— Отец изменился: он выглядит так, словно он был награжден за большие заслуги, — сказал я. — А кто был наставником в его последней мутации? Мастер-Билдер?

— Хватит! — мама заплакала и встала. С дрожью она попрощалась и затем быстро ушла, оставив мою сестру и меня под слабым свечением туманности и звезд.

— Что происходит в этой семье? — спросила сестра. — Это все не может быть только из-за тебя...

— Матери всегда правы, — ответил я.

— Что такое Потоп? — спросила она резко. — Мама, кажется, знает кое-что... Мне, конечно, про это не рассказали.

Я покачал головой:

— Возможно, просто страшная история, придуманная в политических целях.

Ввел ли я в заблуждение свою родную сестру? Да, я не хотел видеть ее страдания.

Пожав плечами, я добавил:

— Надо будет спросить отца.

Мы расстались у ворот на веранду, и я вернулся в свою комнату в высокой башне с видом на океан. Его линия воды отражала постоянно меняющуюся галерею нашего неба: новорожденные звезды, умирающие светила, вселенную больших потрясений, которую создали предтечи.

Я ничего не сделал для моей семьи. Ужасно то, что сейчас я чувствовал себя более связанным с Дидактом... Я становился похожим на него, и даже более: я начинал думать и чувствовать, как он.

Сколько всего должно произойти, чтобы все вернулось на круги своя?

Теперь для меня стало еще более важным узнать, кто я на самом деле и кем я становлюсь. Никто не мог этого мне сказать. Никто не мог научить меня.

Глава 29

В ту ночь я окончательно запутался в своих мыслях. Я сидел в окружении бледно мерцающих дисплеев, которые показывали ненужную мне информацию. Домен еще оставался закрытым, как ящик с загадками. Иногда я чувствовал, как он приоткрывается, но этого было недостаточно, чтобы погрузиться в изучение его содержимого.

От безысходности я просто смотрел в небо, отслеживая следы кораблей Строителей, сотнями приходящих и уходящих от причалов моего отца. Так много судов в последнее время. Так много активности. Я всегда знал, что отец был важным Строителем, но подозрения, что на самом деле он был просто звеном в планах Мастер-Билдера, усиливались с каждым днем. Столько ненависти направленно на Воинов.

Какое участие отец принимал в их притеснениях? Осознает ли он ущерб нашим традициям, беря на себя защиту Мантии?

А узник с Чарум Хакор, кто бы он ни был, теперь свободен и вне досягаемости Дидакта.

Уже в течение сорока или пятидесяти лет.

Страшный призрак из прошлого, плюс огромные тонкие кольца Гало внушали странный ужас, шедший из глубин моего сознания.

И все это подчеркивалось гадким впечатлением от уничтожения Мастер-Билдером «Боевых Сфинксов», несущих воспоминания детей Дидакта.

Мне немного удалось узнать о расколе между предтечами, но все-таки это интриговало. Мои воспоминания о тех временах были фрагментарны, но некоторые моменты всплывали в моем сознании.

Десять тысяч лет назад, сразу после завершения войны против людей и сан'шум, Прометейцы, самая высшая каста Воинов, возвысились среди предтечей. Они получили высокий социальный статус и огромную власть. Началом их падения стало большое стратегическое решение Совета. За этим решением лежала теоретическая угроза извне, может быть эфемерная, но тем не менее очень страшная. Помня, что рассказывал мне Дидакт, я предположил, что эта угроза была той, против которой когда-то боролись люди. Боролись и победили, отбросили страшного врага за пределы галактики, даже во время войны против предтечей. Угроза, называемая Потопом. И это все, что я смог узнать из Домена... Это ничто или почти ничто, и я был уверен, что рассказ моей матери о звездной болезни просто отговорка.

Секрет победы человечества над Потопом так и не был раскрыт.

Мастер-Билдер продвигал идею, что новая стратегия великого и нового оружия против возвращения Потопа сделает ненужными армию, флот и старомодных Воинов.

Вскоре Дидакт и все его товарищи Прометейцы были исключены из Совета. Я предположил, что именно после этого Дидакт был вынужден покинуть Ойкумену и вступил в Крипту.

С этого времени и до сих пор, в течение тысяч лет, Воинов не принимали во внимание, а их силы, армия и флот были расформированы.

Ночь за ночью я пытался справиться с ограничениями моей памяти, день за днем я страдал от вежливой снисходительности моего отца и печальных взглядов моей матери.

Я не успел начать исследование отпечатка памяти Дидакта. Все это еще было скрыто от меня. Я подумал, что существовала причина сокрытия. Эти ресурсы были не для моего личного развлечения и даже не для собственного роста и развития. Они должны были быть глубоко похоронены от интрузивного вмешательства и разблокированы только тогда, когда я почувствую полную ответственность.

Только если я *решусь* на это. Если бы я потерял защиту моего отца и вновь попал в руки Мастер-Билдера, я мог бы стать опасным для планов Дидакта и Лайбериан. Мои воспоминания могли быть искажены в пользу Мастер-Билдера с удалением все порочащей его информации.

Возможно, это уже случилось с людьми.

И вдруг я понял, что не могу смириться с мыслью о гибели людей, с мыслью, что Мастер-Билдер может просто выбросить вон ненужные тела мертвых Чакоса и Райзера, как он наверняка уже не раз делал с теми, кто стоял у него на пути.

Глава 30

Мое беспокойство превратило меня в странника.

В быту предтечи никогда не спят. Нет эквивалента отдыха в ночное время, но есть моменты покоя, когда все замирает в созерцании прошлого и подготовке будущих свершений. Традиционно в семьях Строителей эти моменты являются священными. Таким образом, в любое время дня или ночи есть часы, когда дома, а бывает, и большая часть планеты становятся спокойными. На улицах и в переулках уменьшается поток жителей. Даже анциллы и автоматизированные системы сокращают свою деятельность.

Но я не следовал этой традиции. Я предпочел бродить в одиночку и без брони. Я просто шел туда, куда смотрели мои глаза.

Я все еще мутировал, и до сих пор менялся мой образ, и никто не мог предсказать, как я буду выглядеть в дальнейшем. Дидакт, безусловно, зачислил меня в свои ряды.

Все свое свободное время я проводил в походах. Я бродил. Я исследовал километры коридоров, ведущих к сотням пустых комнат. Многие помещения нашего дома не посещались в течение сотен лет. Многие содержали награды и различные документы членов нашего и союзных кланов, в том числе предков самого Мастер-Билдера. Мой интерес в отношении Мастер-Билдера заключался в том, чтобы моя семья узнала, какими средствами он пробивал себе дорогу к власти, — заключением спорных контрактов и объединением в сомнительные политические союзы в течение двадцати пять тысяч лет, задолго до знакомства с отцом.

Я провел много часов с анциллой архивариусом, изучая тысячи исторических документов и миллионы контрактов на строительство сооружений. Маленькая сапфировая фигура анциллы была на грани своего потенциала, ее ресурсы не обновлялись последние три тысячи лет. Но она оставалась на службе, в надежде когда-либо пригодиться. С ней мы исследовали записи из более тысячи миров, ища упоминание о моем отце и

его гильдии Строителей. Несколько контрактов меня очень заинтересовали, в том числе карантин вокруг систем сан'шум.

В этих записях, к моей большой радости, были намеки на крупное оружие. Под своим старым именем Фабер Мастер-Билдер был партнером отца в создании и продвижении этого проекта на рассмотрение Совета. К сожалению, из записей были исключены решения Совета на утверждение или на отказ.

Тысячи лет политики и прогресса.

Мой отец никогда не рассказывал о своих работах, а я, конечно, как Манипулар, никогда не проявлял к этому особого интереса. Теперь я понял, как он смог устроить мое возвращение домой.

Но это было не то, что я искал.

По прошествии двух сотен местных дней после моего возвращения на одной из моих прогулок я наткнулся на отца и неизвестного посетителя. Они находились в редко используемом купольном нефе для торжественных приемов, на полпути между основными помещениями нашего дома и моей башней.

Я пересекал воздушный мост, соединяющий два верхних этажа этого крыла. Проходя под центральным куполом, я услышал голос, эхом разносившимся сотней метров ниже. Голос принадлежал отцу, ясный, точный, но не повелевающий, а скорее, неожиданно подчиненный.

Я осторожно наклонился через перила. Мой отец и еще один Строитель, оба без брони, вели беседу и, очевидно, не хотели, чтобы их разговор кто-то услышал. Местные службы поддержки и обеспечения были отключены, в результате чего пол и стены имели матовый оттенок.

Другой Строитель был гораздо моложе отца и имел первую форму. Таким должен был стать я, если бы моя мутация протекала нормально. Несмотря на молодость, он, казалось, говорит с проявлением большой власти.

Любопытно. В самом деле, любопытно, о чем такой молодой предтеча может говорить с моим отцом.

Мне удалось уловить чуть больше половины того, что было сказано.

— ...больше инциденты в дальних пределах... Двенадцать систем потеряно за последние триста лет...

— ...следы на испытательном стенде возле Чарум Хакор остаются даже спустя сорок три года... Истребление сан'шум... Восстание... недостаточная причина...

— ...в ожидании суда... Обвинения в грубом нарушении принципов Мантии...

Была ли это ссылка на личность Мастер-Билдера?

— ...анцилла мета уровня назначена на испытательную модель устройства и отправлена на Чарум Хакор... После того оба пропали без вести... действия против сан'шум...

— ...вотум недоверия руководству Мастер-Билдера...

После этих слов мой отец, повысив голос, сказал громко и ясно, и его слова прогремели в огромном пространстве нефа:

— Как они могли использовать его таким образом?! Такая настройка без гарантии... Это идет вразрез со всеми дизайнерскими планами. Мы строили его как последнюю линию обороны, но не как инструмент для жестокого наказания!

— Это ваша техника, Строитель, и она позволила им сделать это. Наша фракция в Совете никогда бы не дала согласия на такое использование установки. Но эта вина вторична по отношению к создателям...

Я отступил, дрожа, и не только от холода. Я знал, о чем они говорили. Мастер-Билдер испытал Гало на Чарум Хакор, а затем начал уничтожать миры сан'шум! Я был там. Я видел и пережил жестокость Мастер-Билдера.

Но что дальше произошло с Дидактом и людьми?

А непредвиденное исчезновение анциллы мета-уровня? Эти великие искусственные умы были гораздо мощнее, чем любые личные или судовые анциллы. Мета-уровень, как правило, используют в самых сложных строительных проектах, а их действия жестко ограничены законом. Существовало пять таких анцилл, и они были под особым контролем Совета. Моя другая память вспыхнула волною боли и гнева.

Анцилла мета-уровня назначена командовать и управлять Гало!

— ...был отозван. Все, кроме одной установки, были возвращены... и охраняются. Я настаиваю на их уничтожении... Кроме того, на ноль-ноль...

Все, кроме одного! Момент кризиса приближается. Несколько дней, в крайнем случае... может быть, и раньше.

Дидакт проявил себя снова, но на этот раз слова были холодными и лаконичными.

Четкость звука на мгновение исчезла, и появились посторонние шумы — это напоминало отдаленный шепот. Но мы были единственными предтечами в этом крыле нашего древнего дома. То, что я слышал, должно быть, просто токи воздуха в большом объеме.

Достаточно скоро в нефе возобновили работу системы освещения и обеспечения.

Здание снова ожило и вышло из временного ступора. Может быть, отец решил похвастаться перед посетителем, подумал я. Но когда я наклонился снова, они оба ушли.

Скажи ему!

Скажи ему сейчас! Он должен это знать!

С первыми лучами утренней зари я спустился из моей башни и вышел на веранду, чтобы присоединиться к своей семье. Все были одеты только в белые тоги и завтракали блюдом из фруктов и орехов. «Райзеру это бы понравилось», — подумал я. Хотя флориан, наверное, прибавил бы к этому блюду немного мяса, чем свел бы с ума мою мать.

Отец стоял на выступе, глядя на океан и обширные поля лилий. Когда-то он казался мне невероятно большим, строгим и холодным. Теперь он выглядел таким усталым и нервным, что даже не принимал участия в светской беседе сестры и матери.

Сейчас.

Слова пришли ко мне внезапно:

— Я должен передать сообщение, — сказал я, прежде чем смог остановить себя. — Но я не знаю, кому оно адресовано.

Отец медленно повернулся и посмотрел на меня:

— Я ждал этого, — сказал он. — Слушаю.

— Гало освободило того, кто был в заключении у прекурсоров и людей на Чарум Хакор.

Мой отец обнял маму, как бы защищая ее, и в первый раз я увидел их физический контакт без брони.

Я нашел этот жест обнадеживающим, но в то же время тревожным.

— Я ничего не знаю о действиях Гало на Чарум Хакор, — сказал он.

— Это не время для лжи, отец...

Сестра вздрогнула, а мать и отец застыли на месте, возможно, шокированные моим неповиновением.

— Ваш гость из Совета информировал вас. Гало было и в карантине системы сан'шум, — сказал я. — Я видел это...

Отец повернулся и поднял руку:

— Мне нужна моя анцилла.

Его броня выплыла вперед. Он наблюдал, как нетерпеливо она ждет его приказа. Наконец, он махнул рукой в сторону, выпрямился и с усилием сказал:

— Я сделал все возможное, чтобы защитить тебя. А теперь ты спрашиваешь моего мнения. Является ли правдой то, о чем ты говоришь?

— Что такое Потоп? — спросила сестра.

Отец быстро повернулся к ней, как бы собираясь сделать ей замечание, но его слова захлебнулись:

— Мы призваны защищать всю галактику, — наконец удалось сказать ему. — Строители проектировали эту установку еще до моего рождения. Им не удалось это. И вот после трех тысяч лет я и моя команда преуспели. Мы сделали это! Мастер-Билдер продолжил работу и проводил ряд полевых испытаний... Но это, по-видимому, вызвало неодобрение Совета.

Моя мать посмотрела на нас с тревогой.

— Что он сделал с сан'шум? — спросил я.

— Что такое Гало? — спросила сестра.

— Это гигантские кольца, — ответил я. — Ужасное оружие, которое может уничтожить всю жизнь во всей галактике.

— Хватит! Об этом уже было сказано, — провозгласил отец. Его взгляд был одновременно грустным и озадаченным. — Чарум Хакор, кажется, вызывает серьезную озабоченность в Совете. Как очевидец, что ты там видел?

— Тюремную камеру, построенную прекурсорами, сохраненную и укрепленную людьми еще до нашей войны с ними, — ответил я. — Но Гало уничтожило всю защиту, и, я думаю, пленник был освобожден.

Мой отец поднял руки в смятении, потом отвернулся и тихо произнес:

— Это не было возможным в моем проекте. Они изменили все настройки! Это отрицание нейронной физики, это далеко за...

Его голос затих.

— *Что такое Гало?!* — На этот раз это была мать, которая чуть не прокричала вопрос. Она вырвала свою руку и отошла в сторону.

— Оружие для последней обороны, — ответил отец. — Я его разработал. Мастер-Билдер заказал двенадцать единиц. Наша гильдия их построила. — Он повернулся ко мне. — Это Дидакт присылает мне сообщения?

Я сделал противоречивые движения, но сказал:

— Да.

— У тебя есть информация об этом пленнике? Ты видел его?

Я покачал головой, но затем кивнул, смущаясь апвеллинга чужих воспоминаний.

— Я не уверен, но, возможно, Дидакт один раз общался с пленником. Я думаю, люди сохранили его как последний ответ в случае их поражения... Абсолютное оружие, как и ваши Гало.

Я твердо встретил взгляд отца, с чувством глубокой боли, как от раны, которая никогда не заживает. В этот момент я ненавидел Дидакта сверх всякой меры.

— Курьер принес сообщение для тебя. Запрос пришел от первой формы, из Совета, — сказал отец.

— От первой формы? — удивилась мать.

Отец сказал, что в настоящее время в Совете много молодых предтеч, так как многие старейшины ушли в отставку в знак протеста или от позора.

— Они хотят, чтобы ты приехал в Столицу. Я отклонял запрос, так как это мое право, как твоего отца. Я надеялся, что мы сможем найти способ, чтобы повернуть вспять твою мутацию, вернуть тебя... нашего прежнего сына. Но теперь я вижу, что это невозможно. Я почти не чувствую своего сына, а наблюдаю только рупор Воинов.

— Кто послал эти запросы? — спросила мать.

— После тысячи лет изгнания Дидакт, по-видимому, вновь обретает власть, — сказал отец. — Скорее всего, это он настаивает на отъезде Бонстелара. А далеко за пределами галактики Биоскульптор по имени Лайбериан также просила о встрече с нашим сыном. Кажется, они работают

в сговоре. У меня больше нет власти отказать им. Мне самому вскоре может быть вынесено обвинительное заключение Совета.

Сестра и мать посмотрели на него с испугом.

— Но вы помогали Мастер-Билдеру! — сказала мама.

— Я боюсь, время его власти закончилось...

Мой отец склонился на одно колено и повернулся ко мне лицом. В его темных глазах я увидел боль:

— Мне стыдно, что я не был с тобой, не был тебе наставником...

— Это не наш выбор, отец, — сказал я.

— Это не умаляет моего стыда. Есть много того, что должно быть изменено, есть давно просроченные долги... Мое поколение и поколения до меня допустили серьезные ошибки. Но мне бы хотелось, чтобы мой сын перенял все самое ценное из традиций нашей семьи... Когда ты вернешься, и с твоего позволения, могу ли я исправить это?

— Это честь для меня, *отец!*

Мать и отец снова стояли рядом, взявшись за руки.

Сестра подошла ближе ко мне.

— Все, кроме одного, — цитировал я. — Что это значит?

— У нас осталось только одиннадцать Гало. Одно из них пропало без вести.

— Наряду с анциллой мета уровня?

— По-видимому... Это часть обвинительного заключения относительно Мастер-Билдера. Ты должен дать показания против него. Совет посылает свой корабль, чтобы забрать тебя.

— Как скоро? — спросил я.

— Очень скоро, — сказал отец. — У нас совсем мало времени...

Глава 31

Если глупость переходит в безрассудство, то вскоре после этого следует безумие. Слова моего отца, казалось, пронзили молнией мой мозг и тело. Я беспокоился, что Дидакта могли казнить, а теперь он уже не в изгнании, а у власти!

Они бы не сделали это, если бы не боялись... потери Гало.

Я попрощался с мамой и сестрой и разыскал отца в его дизайнерской студии, где он был окружен виртуальными и физическими моделями проектов. В настоящее время они не приносили ему удовлетворения — это было очевидно.

Он принял мои объятия. Мы прислонились щека к щеке, как в старые времена. Но тогда моя кожа была мягче, чем его.

— Ты бастион нашей семьи, — сказал он мне. — Ты все исправишь. Ты уходишь с моей надеждой, моей мечтой и моей любовью.

— Я ухажу, гордясь своей семьей и моим отцом, — сказал я.

Яркая полоса света разрежала наше небо, защитные экраны планеты открыли сверкающие ворота, похожие на кольца из драгоценных камней. Полоса прошла сквозь них, замедлилась и встала вертикально.

Над ближайшим диском искусственного моря завис корабль Совета. Богатый и в высшей степени быстрый и мощный. Его форма напоминала двойное завихрение литого золота и бронзы. Я несколько раз видел такие суда, но никогда не летал на них.

Корабль Совета преодолел расстояние до нашего причала за несколько минут.

Мой отец и я расстались без лишних слов. Я оглянулся только один раз, чтобы еще раз увидеть мать и сестру. Они стояли на парапете, в церемониальных одеждах поверх их брони сине-серебристого цвета, с яркими малиновыми полосами. А рядом, опустив голову, стоял отец, высокий и красивый, под бездонным фиолетовым небом.

Мое желание вернуться к Дидакту и, возможно, встретиться с Лайбрериан вдруг показалось мне порочным и даже жестоким по отношению к моей семье.

Оглядываясь назад, я жалею о том, что мои воспоминания о тех последних днях с моей семьей не оставят меня навсегда, потому что они приносят мне только невыносимую боль и страдания. Я больше никогда не видел свою семью в живых.

Глава 32

По прилете я узнал, что корабль называется «Саженец звезды» и это самая необычная постройка предтечей, которую я когда-либо имел возможность рассмотреть вблизи.

Предтечи состояли в Совете в течение тысяч лет, и за это время многие приняли обеты воздержания и личного аскетизма. Но сказать, что это судно просто роскошное — значит ничего не сказать. На корабле присутствовали все возможные и невозможные достижения предтечей в сфере науки и дизайна, и он был построен без стеснения преимуществами власти. Яркий премьер лицемерия членов Совета.

Память Дидакта подтвердила, что во всем, кроме оружия, корабль затмевал любое из судов, когда-либо используемых Воинами.

Трое охранников службы безопасности Совета, облаченные в гладкую черную с красным броню, сопровождали меня по коридорам и палубам корабля. По пути через полупрозрачные стены я видел множество незнакомых автономных боевых единиц, которые были облачены в устрашающие инсектоидные панцири. Но еще более удивительным было присутствие большого количества автономных, тяжело бронированных анцилл. Я слышал, что Воины используют такие анциллы во время боя и для спецопераций. Я видел по всему кораблю сотни анцилл, плавающих в безмятежном покое, очевидно в режиме малой мощности. Их синие, красные, зеленые сенсоры тускло светились в полутьме.

Они оживают в чрезвычайной ситуации и могут заменить любого из предтеч, если это будет необходимо. Они являются жизненно важной частью защиты Совета и подключены к мета сети.

Но по сравнению с анциллой мета-уровня — это просто красивые игрушки.

Я не мог объяснить свою реакцию, но они, несомненно, раздражали меня.

С вежливой твердостью охранники привели меня в элегантно оформленную каюту, расположенную глубоко внутри судна. Затем они приказали анцилле выдать мне новый набор брони. Вороненая, с зелеными вставками броня была специальной расцветки для членов и советников Совета Ойкумены. Мой отец когда-то носил такую броню... за тысячу лет до моего рождения. А теперь настала моя очередь, если это не было просто традицией для своеобразного гостя.

Вряд ли.

— Ознакомьте его с судовой базой данных, — сказал старший охранник, указывая на меня, и обратился ко мне: — Она очень обширна.

— Смогу ли я получить доступ ко всем ресурсам Совета?

— У меня нет таких полномочий, — сказал охранник, взглянув в сторону своих собратьев, — но старые правила сейчас быстро меняются...

Они ушли, а я не мог дождаться, когда броня автоматически облачит меня. Стремясь скорее утолить жажду знаний, я все еще боялся, что анцилла не сможет снять блокировку и ограничения Домена.

Когда она появилась в задней части моих мыслей, я сразу узнал ее — это была Анцель, анцилла Лайбрериан. Та, которая искушала меня поиском сокровищ. Та, которая была отправлена Лайбрериан в мою приемную семью... Та, которая привела меня на Эрде-Тайрин.

Моей первой реакцией был гнев.

— Вы, вы все это затеяли! — закричал я, хотя это вряд ли было необходимо.

— Здесь я, действительно, твоя слуга. Я освобождена от влияния и Совета, и Лайбрериан.

— И Дидакта?

Анцель пришла в замешательство. Видимо, ей было трудно ответить на этот вопрос.

— Мы находимся в опасных условиях, — сказала она, — и моя задача — помогать вам. Я буду стараться быть полезной без предварительных указаний и отвечу на любые возникшие у вас вопросы.

— И кто приказал вам это сделать?

— Лайбрериан, — сказала Анцель, — но она больше не является моим хозяином.

— Это мы еще посмотрим... Вы откроете Домен для меня полностью?

В ответ на этот вопрос она заморгала цветовыми знаками для вспомогательных эмоций. Поначалу мне показалось, что, возможно, она была смущена, а потом я прочитал ее эмоции как выражение истинного разочарования, что редко наблюдается у анцилл.

— Так что, нет? — настаивал я.

— Сейчас Домен находится в движении, — ответила она. — Нет надежного соединения, это касается любого предтечи, независимо от его положения или формы.

— Совет собирается возложить вину за это на меня?

Она замерла. Расстроенный, я стоял в новой черно-зеленой броне и не знал, что дальше делать.

Анцель медленно вернулась в прежнее состояние и спокойно сказала:

— Нет доступных ответов на ваш вопрос. Извините за задержку. Заседание Совета уже запланировано. Мне сказали, что вам необходимо подготовиться: освоить курс политики и изучить состав Совета. Вы встречались с Мастер-Билдером и стали свидетелем, как член Совета разговаривал с вашим отцом, не так ли?

— Зачем спрашивать, — сказал я. — Вы знаете все, что знаю я.

— Некоторые части в вашей памяти, которые могут быть использованы на выступлении перед Советом, закрыты для меня. И, конечно, у меня нет доступа к памяти, которая некогда принадлежала Дидакту. Я надеюсь, это не мешает быть вам полезной?

— Вы не будете шпионить за мной?

— Нет.

— Или руководить мною в соответствии с пожеланиями Лайбрериан?

— Нет.

— Вы здесь, чтобы учить меня политике предтечей? — пришел я к выводу, чувствуя, что мне немного не по себе. Я никогда не проявлял способностей или любви к таким наукам. В политике, возможно, некоторые предтечи находили смысл существования... Некоторые, но только не я.

— Да, — сказала она. — А теперь давайте уже начнем...

Глава 33

Советник первой формы, посланный сопровождать меня, был тем самым гостем, который говорил с моим отцом под куполом нефа. Он был немного старше меня, двадцати лет максимум. Он шагнул на платформу с видом на мир моей семьи, поприветствовал трех членов команды безопасности, а затем повернулся ко мне и... улыбнулся.

Это неприличная мимика шокировала меня. Люди были способны на такое, но предтеча первой формы, да еще и Советник. Я встретил его легким поклоном.

— Достаточно *одного* взгляда, вы — Бонстелар, Делающий Вечное Прочным, — сказал Советник. — Меня зовут Ослепительная Пыль Древнего Солнца. Мои коллеги называют меня просто Пыль. Ваша мутация допустима?

— Что есть, то есть, — сказал я легкомысленно.

Он снова сделал эту ужасную гримасу. Мне это не понравилось.

— У меня есть анцилла-эксперт, которая может сделать вам минимальные корректировки... в основном косметические. Но я должен сказать, ваша комбинация впечатков очень интересна.

— Комбинация? — сказал я.

— Сканирование подтверждает, что вы сочетаете в себе психические и неврологические структуры Воинов, Строителей и Биоинженеров... Это логично. Лайбрериан оборудовала корабль, на котором проходила ваша мутация, и, как я понимаю, Дидакт дал вам свой отпечаток.

Я слушал и молча размышлял: им будет нелегко подавить во мне Дидакта.

— Что во мне от Биоинженера?

— Давайте выясним, — сказал Ослепительная Пыль (я не мог заставить себя называть его просто Пыль).

Появились три крошечных анциллы, которые подлетели ко мне, готовые взять пробы своими зондами.

— Не сейчас! — сказал я, выказывая некоторую тревогу.

Ослепительная Пыль снова улыбнулся и махнул им рукой.

— Тайны и сюрпризы, — сказал он, — мы можем узнать позже, когда это будет уместно и удобно для вас. Но мы здесь не для того, чтобы изучать вас, мы прилетели, чтобы транспортировать Вас в Столицу. Вы были вызваны в Совет для дачи показаний. Что воспоминания Дидакта раскрыли вам о стратегической обороне предтеч, в прошлом и настоящем?

— Очень немного, — ответил я. — Я помню и понимаю только то, что Дидакт помнил на время моей мутации.

— Без сомнения, анцилла сообщила вам, что Домен испытывает трудности.

— Да.

— У Совета в Домене хранится много архивных материалов. И сейчас мы не можем получить к ним надежный доступ. К счастью, наш корабль несет в себе достаточно знаний, которые на данный момент могут вам понадобиться.

— Могу ли я задать личный вопрос, Советник?

— Спрашивайте.

— Почему вы все время улыбаетесь?

— О, я являюсь частью нового стиля Совета. Более естественного. Некоторые называют его атавистическим стилем. Вместо того чтобы подвергаться множеству мутаций на протяжении веков, мы подвергаемся небольшим внутренним изменениям в течение одного года. Наша конечная цель — стать менее жесткими и менее искаженными физически.

— Кто это *мы*, Советник?

— *Мы* — это в основном выходцы из семей Строителей и Воинов.

Будь осторожен.

Дидакт, конечно, возражал против отступления от традиции. По крайней мере, я предположил, что именно это было причиной его реакции. Ослепительная Пыль продолжил:

— Это наделяет нас меньшим количеством искажений, присущих как для анатомии, так и для разума. Меньше предрассудков... Так говорят. Но в то же время меньше мудрости, так как у нас меньше наставников. Мы на самом деле предполагали восполнить этот дефицит, пользуясь Доменом, но сейчас с этим у нас затруднения. И мы несем чувствительные потери.

— Сколько мутаций вы еще планируете пройти?

— Нет, — ответил он. — Больше ни одной. В некотором смысле я, как вы. Что есть, то есть. — И он снова улыбнулся. Некоторое время мы молча изучали друг друга.

— Когда мне будет разрешено вернуться? — спросил я через несколько секунд.

— Я бы сказал, что вам это не запрещено. Но практически никто точно этого сказать не может.

Я изучал его. Он не возражал. Его поведение напоминало мне как поведение молодых Манипуляров, так и людей. Я подумал, что, возможно, это правильный путь развития предтеч. И все же люди мне нравились больше.

Когда мы сошли с планетарной орбиты, мир моей семьи начал быстро уменьшаться. В течение нескольких минут корабль Совета, заряженный энергией вакуума, вышел на звездную орбиту, и планета, где я родился, полностью исчезла из вида.

— Как вы стали советником? — спросил я.

— Ряд моих коллег получил... я бы назвал это патентами назначений.

Лично мое назначение носит временный характер.

Революционная партия. А что насчет Мастер-Билдера?

— Мы в состоянии войны?

— Предтечи были в состоянии войны с тех пор, как Дидакт победил людей на Чарум Хакор.

— Войны против Потопа?

— Достаточно скоро вы узнаете эти детали. Мы собираемся учредить Верховный Суд Мантии. Филарх Строителей восстановил корпус Воинов и вступил с ними в переговоры, призывая к судебному разбирательству. Теперь вопросы закона и стратегии будут решаться Советом и Судом.

Да, но как этот процесс касался моего отца, а тем более меня?

Это неправильно.

— Это неправильно, — повторил я.

— Возможно, но это необходимо, — сказал Советник.

— Когда я могу узнать больше о ходе этой войны?

— Скоро, я надеюсь.

— Потоп уже напал на нас?

— Ах! Потоп... За десять тысяч лет эта угроза подталкивала политиков предтечей к искажению некоторых данных, нарушая стратегическое равновесие. В настоящее время мы гораздо больше осведомлены о том, что собой представляет Потоп, каким он был и каким стал. Знание дает силу, Бонстелар. Это знание, однако, практически заставило нас потерять голову. И я предполагаю, на вас оно может оказать такое же действие... с вашим отпечатком Воина, — сказал он мне и сделал сосредоточенное выражение лица, а затем опять улыбнулся.

— Почему? — спросил я.

— Потому что эта информация была недоступна для всех, кроме нескольких предтечей в течение тысяч лет. Я сам узнал об этом несколько месяцев назад. Нам было приказано дать вам и вашей анцилле доступ ко всей информации, имеющейся на этом корабле.

После этих слов молодой Советник приказал двум охранникам судна сопроводить меня в каюту, чтобы начать то, что он с улыбкой на губах назвал периодом просветления.

Глава 34

Путешествие между миром моей семьи и Столицей Ойкумены обычно занимает менее двух часов. По непонятным мне причинам путешествие на сверхбыстром корабле Совета продолжалось три дня. Пространство скольжения в этой части галактики, а возможно, и во всей

галактике по-прежнему было нарушено. Более пятнадцати раз наш корабль выбрасывало из пространства времени, и нам приходилось корректировать координаты; обычно такое было возможно один, максимум два раза.

Освобождение из лап Мастер-Билдера открыло существенную часть моего импринтинга. Возможно, поэтому моя другая память стала открываться мне. Я остался наедине с собой, используя дополнительное время для самораскрытия и самоинтеграции.

Моя каюта стала моей вселенной.

Наконец я получил доступ к воспоминаниям Дидакта о Потопе. Первым откровением для меня стала симпатия Дидакта к побежденным людям и сан'шум. Он, действительно, испытывал к ним симпатию, даже сожаление. Война была не совсем честной. Потоп, бушующий в нескольких системах, породил волны миграции населения людских миров и толкнул их на территории предтечей. Великая трагедия была неизбежна. Дидакт это остро чувствовал.

Что касается характера Потопа:

В каждой природной среде жизнь всегда участвует в конкурсе. Это основные директивы для тех, кто стоит на защите Мантии. Нельзя уменьшать конкуренцию видов, прекращать хищничество и даже войны. В Жизни всегда присутствует и смерть, и вражда, а также радость и возрождение. Но предтечи с их древней мудростью также знали, что несправедливое преимущество, бессмысленное уничтожение, бессмысленная смерть и страдания — это дисбаланс. Дисбаланс, который замедляет развитие и уменьшает великие потоки Жизни-Времени. Жизнь-Время — это связь с Мирозданием и основа Мантии, это суть существования предтечей.

А Потоп продемонстрировал огромный дисбаланс, жестокий и извращенный. Люди и сан'шум первыми встали на его пути.

По предположению, Потоп прибыл из одной из звездных систем галактик-сателлитов, которые дрейфуют в непосредственной близости от нашей галактики.

Его точное происхождение неизвестно.

В одном из дальних миров люди наткнулись на обломки древних космических кораблей неуклюжего дизайна. Суда на борту не имели ни пассажиров, ни экипажа и были полностью автоматическими. В этих кораблях людей заинтересовал лишь груз — миллионы тонких стеклянных цилиндров с сухим порошком.

Первое его влияние на миры людей и сан'шум в дальних рукавах галактики было почти незаметным и даже благоприятными — так казалось.

Цилиндры тщательно изучались с использованием самых строгих мер безопасности. Их содержимое было проанализировано, и оказалось, что

порошок является веществом с короткими цепочками молекул относительно простой формы, органического происхождения, но неживым и неспособным к жизни.

Ранние эксперименты по испытанию этого вещества на животных выявили некоторые психотропные эффекты. Но ни на людей, ни на сан'шум вещество не действовало. Для экспериментов выбрали популярных в человеческом обществе домашних животных — феру, впервые обнаруженных на планете Фавн Хакор.

Как оказалось, очень малое количество вещества индуцировало изменения феру. Наблюдалось улучшение их поведенческих качеств, они становились более ласковыми и не столько послушными, сколько умело харизматичными.

Достаточно скоро на черном рынке вне контроля правительства людей и сан'шум феру, получавших эти редкие порошки, стали продавать за очень высокую цену.

На протяжении веков десятки человеческих и сан'шум миров разводили этих животных без вредных последствий. Исследование долгосрочных последствий применения вещества и изменений в геноипе феру не проводилось.

То, что в скором времени станет Потопом, впервые проявило себя ростом мягкой и шелковистой шерсти у примерно трети всех феру, обработанных веществом. Это было расценено как полезная природная мутация. Качеством меха феру особенно понравились сан'шум, которые скрещивали лучших представителей этого вида.

Затем за короткий промежуток времени произошла активация биологического таймера Потопа, давшего сигнал к расширению. На феру начали появляться гораздо менее привлекательные наросты и отвратительные гибкие побеги, растущие из головы. Не существовало никакого лечения. Но это была только верхушка айсберга растущего заражения.

Популяция феру вскоре была безвозвратно потеряна. Люди и сан'шум пребывали в недоумении. Эти первые этапы биологического развития Потопа были за пределами их понимания. Большинство исследователей считают, что феру были не просто переносчиками латентной инфекции, а катализаторами полиплоидной мутации.

И, наконец, уродливые наросты и гибкие стебли начали появляться у людей, которые носили меха и употребляли мясо феру в пищу. Эти люди стали переносчиками инфекции. Все, кто входил с ними в контакт, также заражались.

Так начался Потоп.

Чума легко передавалась от человека к сан'шум, от человека к человеку и в редких случаях от сан'шум к человеку. Она изменяла поведение зараженных без изменения внешнего вида. Инфицированные люди объединялись и заражали других, как правило, через каннибализм.

К этому времени десятки миров были полностью заражены Потопом.

Затем Потоп перешел в новую фазу развития: зараженные люди и животные начали преобразовываться в разнообразные порочные формы. И эти формы убивали, потребляли, поглощали и трансформировали.

Инфицированные миры и даже целые системы были помещены в карантин. Но Потоп распространялся, как чума, и вскоре были заражены сотни миров в пятнадцати системах.

Люди были первыми, кто признал чрезвычайную опасность Потопа.

Начиная с этого места в этой истории появляется новый персонаж — пленник прекурсоров с Чарум Хакор. Люди нашли способ общения с невольником. Сеансы продолжались от нескольких секунд до минуты за один раз. Люди пытались использовать его в качестве своего рода оракула и обращались к нему с просьбами ответить на обширные и сложные вопросы физики и даже морали.

Когда были инфицированы уже многие миры, люди спросили оракула о Потопе. И то, что они получили в ответ, травмировало их так сильно, что некоторые не смогли жить с этим знанием и покончили с собой. Со временем связь с пленником прекратилась.

Большинство людей пришли к убеждению, что пленник — древняя аберрация и заключен в тюрьму прекурсоров за правое дело, а его предсказания и прогнозы были бессмысленными словами сумасшедшего.

Люди в разгар Потопа вели исследования и были вознаграждены. Они нашли способ лечения чумы (здесь я обнаружил в документах восхищение самой Лайбрериан).

Это была великая жертва! Треть человеческого рода была заражена разрушительным вирусом с набором запрограммированных генов и размещена на путях распространения Потопа. Люди боролись с огнем при помощи огня, заражая собою Потоп.

У Потопа не было никакой защиты против этого вируса, и большинство из его форм умерло. Но нескольким судам с Потопом на борту удалось уйти в неизвестном направлении, покинув нашу галактику.

Во время этой героической борьбы люди также воевали против предтеч. Люди были в отчаянии. Это сделало их жестокими. Людям были необходимы новые миры, и они их взяли. На жестокость и, видимо, иррациональные завоевания и вынужденные разрушения предтечи отреагировали решительно и адекватно.

Эта двойная война стала источником позора Дидакта. Хотя... изменил бы он свои действия, если узнал о Потопе, было далеко не ясно.

Человеческие военные силы были почти уничтожены, оккупированные ими миры освобождены один за другим, а битва при Чарум Хакор сломила последний очаг человеческого сопротивления. Сан'шум к тому времени уже сдались. Никто из них не был заражен этой так называемой чумой. Все стеклянные цилиндры, порошкообразное вещество и зараженные образцы феру были давно уничтожены людьми и сан'шум, чтобы предотвратить распространение Потопа по галактике.

Но многие предтечи рассматривали всю эту историю с Потопом как ответ людей на свое поражение. Они считали, что люди специально способствовали распространению этой межгалактической болезни.

Остальную часть истории я знал или вывел из знаний Дидакта. Лайбрериан дали возможность сохранить некоторые человеческие виды, а также сохранить следы памяти об этих событиях, хотя это вызывало недовольство со стороны хранителей Мантии.

Но возможность возвращения Потопа инициировала события, которые сформировали историю предтеч до сегодняшнего времени. Большую часть или почти всю информацию об этих событиях держали в секрете от Мастер-Билдера и его гильдии, включая моего отца. Только несколько высокопоставленных Советников обладали полной информацией о Потопе.

Затем начался конфликт с Прометейцами. Дидакт предлагает особую бдительность и научно-исследовательские изыскания, чтобы предотвратить возможное возвращение Потопа. Он выдвигает особую стратегию борьбы с Потопом — полное изолирование зараженных миров и, если необходимо, полное их уничтожение. Он предложил создание мобильных крепостей — Мир-Щитов — и их размещение в контролируемой предтечами части нашей галактики, полный контроль потенциальных вспышек и готовность борьбы с Потопом точными ударами, с минимальным разрушением.

Но были и другие, более амбициозные решения. Дидакт и Прометейцы померились силами с самой экстремистской фракцией Строителей, имевшей в то время полный контроль над Советом. Эта фракция рассматривала возможность создания абсолютного оружия как средства борьбы с подобными угрозами и в то же время как способа увеличить и сделать постоянной свою политическую власть.

Так мой отец и Мастер-Билдер начали разрабатывать серию гораздо меньших по числу предлагаемых Мир-Щитов инсталляций того, что в дальнейшем станет Гало.

Гало генерировали и излучали мощный поток перекрестного сверхмассивного нейтрино.

Эти установки были способны уничтожить все живое во всей звездной системе. А правильно настроенные и с большой плотностью энергии накачки, они могли бы сделать больше — убить всю неврологическую сложную жизнь во всей нашей галактике.

Крайне настроенная фракция Совета выиграла. Страх руководил Советом. И Совет послушал. Дидакт проиграл политическую битву и вынужден был покинуть Ойкумену.

В течение последующих нескольких тысяч лет было построено двенадцать таких установок. Точка их строительства находилась далеко за пределами галактики, на установке, известной под названием «Ковчег». Она приобрела это имя из-за растущего влияния гильдии Биоинженеров, в частности самой Лайбрериан.

Она выступала в Совете против Гало и настаивала, что даже их строительство — это хула Мантии. Лайбрериан выдвинула программу сохранения жизни на случай возможного применения Гало. Мастер-Билдер увидел, что уступить ее требованиям было менее проблематично, чем бороться с ней.

Итак, Лайбрериан разрешают собирать образцы всей жизни в галактике и воссоздать их экологические условия на «Ковчеге».

С разрешения Совета Чарум Хакор выступил в качестве испытательного стенда. Первое Гало, испытанное на нем, имело очень небольшую энергию накачки и небольшой радиус действия. Но второе Гало было использовано для наказания сан'шум.

Я с ужасом понял, что стал свидетелем только начала... и что миры сан'шум после нашего короткого визита были превращены в биологические пустыни, в то, что мы увидели на Фавн Хакор.

Совет не давал разрешения на такое использования Гало. Мастер-Билдер превысил свои полномочия. Он был обвинен даже его коллегами в преступлении против Мантии и в преступлении против жизни.

Чего Дидакт не мог понять, так это почему Лайбрериан выбрала этот момент, чтобы собрать биологические образцы из мира сан'шум, рискуя спровоцировать их восстание и гнев Мастер-Билдера. Я нашел ответ в записях Совета.

Триста лет назад Потоп вернулся. Он пришел в миры предтечей в новых и неожиданных формах.

Я был пойман в скрученный узел противоречий. Столкнувшись с реальностью Потопа, я не мог во всем этом разобраться. Было ли безумием создание Гало? Мог ли этот путь быть правильным? Твердые цели, твердый план! Экстремальные меры против опасного врага? Борьба за выживание с непреодолимой угрозой? Выживание нашего вида и нашего образа жизни — все было поставлено на карту!

Это казалось в высшей степени рациональным. Я почти начал верить, что сумасшедшими являются Дидакт и, возможно, новые молодые Советники, а не Строители и мой отец.

Наконец, в ярости и разочаровании я сорвал с себя броню, нарочито отрезав контакт с анциллой, чтобы не дать опять ввести меня в заблуждение.

Я заснул.

Я думал, что в понимании обрету покой и уверенность, но это было ошибкой. Воспоминания Дидакта в конце концов раскрылись во мне, и стало еще хуже...

Арена была оборудована специальными дорожками.

Я видел глазами Дидакта, он находился рядом с нетронутым цилиндром на Чарум Хакор.

Десять тысяч лет назад.

Дидакт один, идет вокруг матового купола, созерцая... или нет, он должен активировать устройство, человеческое... что-то очень маленькое, предназначенное для человеческой руки; он, как игрушку, держит его в своей ладони — способ прямого общения с существом в клетке.

Изготовленное людьми с применением технологии прекурсоров. Как такое возможно?..

Множество вопросов мелькнуло в голове Дидакта, и я с трудом отделил их от моих собственных мыслей.

Был ли это на самом деле прекурсор, как поначалу считали люди? Или это было что-то близкое к прекурсорам? Станный, но близкий, как брат, как предтечи и люди? (Дидакт не хотел рассматривать это.)

Прекурсор, родной брат, или предок, или кто?

Дидакт манипулировал устройством. Купол на цилиндре стал прозрачным, и он увидел, что находится внутри.

В камере, во временном приостановлении, находилось подлинное чудовище: существо с грубой гуманоидной анатомией обладало четырьмя верхними конечностями, двумя вырожденными ногами и почти неопишимо уродливой головой. Все это удивительно напоминало древних членистоногих животных, найденных на предположительно принадлежащей прекурсорам планете, также известных как эвриптериды, или морские скорпионы.

Овальные раскосые глаза, несоразмерные по сравнению с низким плоским лицом. От задней части головы отходил открытый позвоночник и как его продолжение длинный сегментированный хвост, который заканчивался большим шипом двух метров в длину.

Сигнал корабля вытащил меня из бредового сна. Дезориентированный, дрожа и не понимая, где нахожусь, я огляделся. Немного придя в себя, я увидел мою броню в одном углу и быстро мигающую судовую анциллу в другом.

Мы наконец достигли Столицы. Даже в этом долгом путешествии, чтобы полностью интегрироваться с новыми воспоминаниями, времени было недостаточно, а без Домена интеграция может навсегда ускользнуть от меня, и память всегда будет фрагментирована.

Я попытался вспомнить все, что я видел во сне. Большая его часть уже выцветала. У меня было только смутное представление о невольнике, расплывчатое, но очень страшное.

Очевидно, что есть вопросы, на которые Дидакт не дал ответов. Все это поставило и передо мной вопрос, на который ни я, ни моя другая память не

могли ответить. Почему они нуждаются во мне, если Дидакт был освобожден и восстановлен в звании?

Почему не пойти прямо к нему?

Глава 35

Молодой Советник находился на командной платформе внутри большой сферы, одна половина, которой была прозрачной. Когда я вышел из лифта, то увидел, что он стоит в компании трех других предтеч. Без сомнения, все являлись молодыми Советниками. Двое мужчин и одна женщина.

Ослепительная Пыль встретил меня лучезарной улыбкой и представил своим товарищам. Имена двух мужчин не удержались в моей памяти, но имя женщины я хорошо запомнил. Она явно была Воином, стройная и высокая, изящно-крепкого телосложения. И, несмотря на старые инбредные предрассудки, она заставила сильнее биться мое сердце. Ее звали Слава Далекой Зари.

Окруженный этой новой генерацией предтеч, я чувствовал себя скверно и не к месту. Женщина Воин прохладно, но внимательно посмотрела на меня и отвернулась. Я почувствовал себя старым пнем в окружении молодых зеленых деревьев.

Тем не менее они отнеслись ко мне с достаточным благородством и уважением. Мы стали наблюдать за подходом корабля Совета к Столице нашей цивилизации.

Величие было подавляющим. Я попытался поделиться своими ощущениями с моей другой половиной, с Дидактом. Он был здесь, тысячу лет назад, состоя в оппозиции к Мастер-Билдеру.

Не совсем приятные воспоминания.

Величие и мощь часто в союзе с поражением. Так формируются цивилизации: одни идеи процветают, другие умирают. Качество идей не имеет ничего общего с результатом. Эти личности не задают вопросов. Обратите внимание на свое окружение.

— Немного цинично, — подумал я вслух. Советники повернулись ко мне... Все, кроме Славы. Затем Ослепительная Пыль и его товарищи вновь переключили внимание к приближающейся Столице.

Я с трудом могу описать нашу Столицу, какой она была в те времена.

Представьте себе планету ста тысяч километров в диаметре, нарезанную по широте, как один из любимых фруктов Райзера. Дайте этим ломтикам разойтись параллельными окружностями. Затем пронзите их с одного края стержнем и разверните веером в полукруг. Теперь украсьте каждый кусочек

бесконечно плотным массивом структур и окружите золотым роем транспортных судов, неусыпных стражей и десятками других разновидностей патрулей.

В галактике не было мира, величавее Столицы предтечей.

Здесь находился центр власти предтечей и хранилище последних двадцати тысяч лет нашей истории. Мудрость и накопленные знания содержали в себе триллионы анцилл, которые обслуживали сто тысяч предтечей, в основном Строителей высших форм и званий.

Как только корабль подошел к этому великолепию, в миллионе километров от южной оси Столицы в поле нашего зрения попали тонкие серебристые дуги. Моя кровь застыла в жилах, а мое сердце, казалось, полностью остановилось. Словно вход в пространственный туннель, медленно вращаясь на слегка скошенной орбите, находились одиннадцать больших колец.

Гало.

Смертоносное оружие Мастер-Билдера, все, кроме одного, разместили всего в нескольких миллионах километров от центра власти предтечей!

Мое второе я, Дидакт, выражало нечто большее, чем просто тревогу, — это было похоже на ужас, и я с трудом подавлял вспышки неопишемого гнева.

Они не должны здесь быть! Гало не следует подпускать к месту общего стратегического управления. Даже Мастер-Билдер запретил бы такую вещь. Что-то пошло совсем не так.

Молодых Советников, казалось, даже не тревожит пропажа одного Гало. Один из них сказал:

— Когда мы перехватим и вернем последнее, тогда порталы заработают в полную силу. Перемещение этих бесполезных памятников нашего безумия сильно увеличивает нагрузку на всем протяжении пространства времени.

Другой добавил:

— Они истощили наш бюджет на несколько тысяч лет вперед.

В тени своей гибели... они думают только о коммерции и путешествиях.

Слава повернулась мне лицом, и в ее глазах я прочел неодобрение этой сцены.

Я встретил ее неодобрительный взгляд, но ничего не сказал. Слишком много внутренних противоречий... Она разочаровано отвернулась и отошла к другой стороне командной платформы.

— Как долго мы должны страдать из-за высокомерия Мастер-Билдера? — сказал Ослепительная Пыль. Затем он обратился ко мне:

— Оружие старого режима, царственной красоты ... Не так ли? Вскоре будет принято решение об их дезактивации и утилизации. Воистину начинается новая эпоха для предтечей, без суицидального безумия и страха. Время мира, безопасности и покоя.

В пяти тысячах километрах от Столицы наш корабль окружила радуга импульсов системы автоматического маневрирования, охватывая нас полем

твердого света и сетей стыковки. Сотни малых судов обслуживания окружили нас, как рой комаров вокруг костра.

Ослепительная Пыль официально поблагодарил анциллу корабля за благополучный перелет, в свою очередь получил церемониальный знак — маленький золотой диск с печатью Гильдии пространства скольжения — и немедленно затребовал личный транспорт для всех нас, чтобы преодолеть последние пятьсот километров до внешнего края городской структуры.

Я слушал его и думал о своем. Что-то неприятное случится в недалеком будущем — в этом и я, и Дидакт были уверены. Мне становилось все труднее и труднее различать две мои памяти.

Ослепительная Пыль попрощался с двумя коллегами, и они отошли от нас в ожидании транзитных судов. Мужчины весело обсуждали перелет, который они только что завершили.

Советник и Слава Далекой Зари остались со мной.

— Мы предоставим вам безопасное место проживания, — сказал мне Ослепительная Пыль. — Вам будет предоставлена защита со стороны Совета, такая же, как всем Советникам, а возможно, и больше.

— Зачем? — спросил я. — Я не могу интегрироваться со своей памятью. Я бесполезен для кого-либо, — сказал я и испытал чувство стыда от осуждающего взгляда женщины Воина.

Я не мог заставить себя дать резкую оценку этой ситуации. Осторожность превыше всего. Я не мог знать, кто он был на самом деле — друг или враг, обманутый или мастерский лгун...

— Я восхищаюсь вашим мужеством, — сказал он мне, — но на самом деле я наблюдаю за вами по вежливой просьбе Лайбрериан, которая не может приехать из-за своих обязанностей. Когда она прибудет в Столицу, надеюсь, Вы узнаете, почему так важно ваше присутствие и как вы можете наконец быть полезным.

— Она не должна находиться вблизи этого места, — буркнул я.

— Я согласен, — сказал он. — Не все, кто поддерживал Мастер-Билдера, довольны текущим состоянием дел. Но Лайбрериан редко прислушивается к голосу разума... — Он обратился к Славе: — Сопровождайте Бонстелара в отведенное жилище и подробно ознакомьте его с системами безопасности.

Она кивнула в знак согласия.

Глава 36

Место моего проживания находилось на окраине экваториального диска Столицы и отличалось строгой и лаконичной архитектурой — черта всех структур, принадлежавших Совету. В моем распоряжении оказалась небольшая комната со всеми необходимыми удобствами. По

заверению Славы, я буду иметь возможность свободно приходить и уходить из своего жилища, как только все меры предосторожности будут приняты.

— Я не привык к такому вниманию, — сказал я ей. — Помните, по сути, я Строитель.

Слава выслушала меня с каким-то странным почтением, и мне показалось, что она просто издевается надо мной. Моя другая память рассматривала это как обычный юношеский трепет. А я даже не мог себе представить, что когда-то Дидакт был молод и проявлял чувства и волнение в присутствии женщин.

Наша сущность.

— Вы никогда не должны снимать вашу броню, даже в помещении, — сказала Слава. — Свидетелям судебного процесса Совета предоставляется самый высокий уровень защиты, и протокол требует постоянного ношения брони. Также такой уровень защиты может предоставляться после суда для защиты свидетелей.

— Когда назначен суд? — спросил я.

— В течение десяти местных дней. Обвиняемый находится под стражей Совета уже пятую часть местного года.

— Взят под стражу сразу после инцидента в системах сан'шум, — подумал я. Но на этот раз мудрость Дидакта промолчала.

Слава удалилась. Я почувствовал некоторое разочарование: она проигнорировала меня как мужчину.

А чего вы ожидали? Она горда и достойна уважения.

Я стал изучать мои пределы. По моей прихоти стены могли показать любое количество красивых искусственных сред, в основном созданных древними мастерами.

Но меня это не забавляло. Я сосредоточился на своих мыслях. Анцель рассуждала о различных моральных аспектах всего произошедшего со мной за последнее время. Все ее нотации казались очень формальными, но теперь хотя бы я был не одинок в своих мыслях.

Я провел ряд диагностических тестов состояния брони, а затем сделал попытку определить состояние Домена. Как я был проинформирован, он еще находился в состоянии «вне доступа». Анцель выразила сожаление и тревогу в связи с таким положением дел.

— Домен имеет большое значение для таких событий, как крупный политический процесс, — сказала она, и ее цвет стал фиолетовым. — Судьи оценивают правовой прецедент через Домен, также через Домен проверяются показания свидетелей.

— В этом происшествии нет моей вины, и я спокоен, — сказал я.

— Да, возможно, вины нет. Но для суда это не является аргументом. Может быть, я смогу найти фактические улики в банке знаний Совета. По крайней мере, к ней есть гарантированный доступ. Что касается вашей

интеграции, я считаю, вы должны поспать. Ваши сновидения могут оказаться полезными.

— В Домене отображаются сны?

— Не совсем так. Но по некоторым предположениям, сны и мечты древних предтеч легли в основу Домена.

Я удивился. Предтечи, по канонам блюстителей Мантии, никогда не спят... никогда не мечтают.

— Некоторые сказали бы, что эта практика не является оптимальной. Предтечи потеряли гибкость мышления...

Она либо испытывала мое терпение, либо пыталась вытянуть информацию. Я вспомнил комментарии Райзера о «синих женщинах».

— Некоторые говорят, что мы оказываем слишком большое доверие анциллам, позволяя управлять им нашим психическим состоянием, нашими личными делами. Это правда?

— Да, так говорят, — согласилась она. — Я надеюсь, вы не согласны с этим утверждением?

— Пространство скольжения перегружено, — сказал я. — Домен недоступен. Наши высшие должностные лица либо заняты борьбой за власть, либо ушли в глубокую оппозицию. Я не припомню, когда такое было. Моя семья страдает за мои действия, и все, что я когда-либо хотел сделать, оказалось ужасно сложным и почти невыполнимым.

— Вы хотите, чтобы я взяла часть вины на себя?

— Я бы сказал, что да. И вы должны поделиться ею с Лайбрериан. Я вижу ее влияние на все эти события. Разве я не прав?

— Я никогда не отрицала ее влияния.

Мудрость Дидакта всколыхнуло, и я почувствовал его интерес, но в этот раз он промолчал.

— Какова ее цель? — спросил я. — Почему Лайбрериан способствует искажению сознания у таких, как я, и зачем давать людям такой глубокий геос воспоминаний? Зачем им это? Зачем им такие древние воспоминания? Или ты такая же жертва, как и я? А жертве вряд ли будет много пользы от другой жертвы...

— Я искусственный интеллект. Я не могу стать жертвой. Внутри меня нет Мантии.

— Такое смирение...

Фигура в задней части моих мыслей выразила импульс негодования и затем вышла из моего внутреннего зрения. Через какое-то время она вернулась...

— Я буду вести себя в соответствии с вашими пожеланиями настолько, насколько смогу, — сказала она. — Смирение — будет моим девизом.

Вопреки всем инструкциям, я снял с себя доспехи, сел на полу, скрестив ноги так, как это делал Дидакт на Эрде-Тайрин. Я хотел проанализировать мое внутреннее состояние.

Вы делаете это инстинктивно, первая форма?

Я пытался проигнорировать этот вопрос. Я хотел взять ответственность за мои собственные мысли на себя, реструктурировать их и, если смогу, реформировать себя, создать свою собственную внутреннюю дисциплину, без Дидакта, без Анцель, без поддержки семьи и, конечно, не обращаясь к Домену. Непосильная задача.

Нет ничего невозможного... Это то, что каждый Воин делает на рассвете перед битвой. Да прибудет сила, сила врагов, сила союзников... и никогда нас не покинет. Чувствуете ли вы, что битва вот-вот начнется?

— Пожалуйста, помолчите.

О, конечно... Это ваше время, первая форма.

— И без вашего вмешательства.

Согласен.

— Я так рад... Спасибо, что разрешили.

Думаю, вы многого не понимаете... А если честно, — ничего.

Это оказалось чертовски трудно.

Так или иначе спустя час я вышел из пустоты, как рыба выпрыгивает из глубокого пруда. Я почти увидел себя трепещущим в воздухе, разбрызгивающим сверкающие капли.

Я снова был просто первой формой. Но я это сделал. Я позволил себе улыбнуться, но все, что мне удалось, — небольшой оскал зубов. Потом встал и надел доспехи. Я чувствовал себя гораздо менее дерзким, чем несколько часов назад...

Анцель вернулась и мелькнула предупреждением. Меня вызывали. Дверь в мою комнату открылась, и появилась одна из воплощенных вооруженных анцилл, более известная как монитор. Вместе с ней вошли два охранника из службы безопасности Строителей, оба мужского пола. Воинов среди делегации не было.

— Совет просит вашего присутствия, — сказал мне один охранник.

— Я готов.

— Мы предлагаем услугу по охране вашей личности, — сказал другой охранник.

— Это не обязательно, — ответил я.

— Ваше поведение противоречит протоколу безопасности. Мы уважаем ваше мнение, но все же будем настаивать, — охранник с уважением поклонился.

— Спасибо. Давайте покончим с этим.

Они сопроводили меня в лифт и далее по коридору транзитного центра, а оттуда до ближайшего транспорта Совета. Еще четыре монитора присоединились к нам, и я подумал о чрезмерной охране. Здесь, в центре власти Совета, казалось, вряд ли я нуждался в такой защите.

Мудрость Дидакта с этим не согласилась.

Также я заметил рядом с нашим транспортом десятки мелких судов класса «Фалкон», а за пределами гравитационного градиента

экваториального диска Столицы, в непосредственной близости от космических причалов Совета, были видны тысячи таких кораблей. Я задумался. «Фалконы», как правило, используются в качестве транспорта для планетарной эвакуации.

Путешествие к центральному уровню заняло всего несколько минут. Благодаря прозрачному корпусу транспорта, мы наблюдали, как причаливают сотни других челноков, собирая требуемый кворум из пятисот Советников со всей Ойкумены. Я задавался вопросом, сколько из них было первой формы — новой генерации предтеч.

Это уже неважно.

Я удивлялся:

— Почему?

Там не будет судебного разбирательства. Вскоре, возможно, не будет ни Совета, ни самой Столицы.

Эти мысли Дидакта выглядели достаточно тревожно.

Я перевел взгляд на одиннадцать Гало, висевших на планетарной орбите: невероятно тонкие, идеально круглые серебристые кольца блистали под светом звезды.

Я окончательно запутался в переплетении последних событий и был далеко не уверен в том, как мне поступать дальше...

Но на данный момент существовал лишь один путь — идти вперед.

Ослепительная Пыль и пять его помощников, все первой формы, все улыбающиеся и гордые, присоединился к нашей фаланге вооруженных анцилл и Строителей службы безопасности.

— Наступает великий момент, — сказал мне молодой Советник, как только мы пришли в широкий церемониальный зал, украшенный кристаллическими скульптурами.

Ослепительная Пыль с гордостью пояснил:

— Искусство квантовой инженерии. Чтобы украсить этот зал, было потрачено много миллионов кристаллов из пространства скольжения.

Воистину Ойкумена была великой цивилизацией.

Затем мы вышли на арену большого амфитеатра Совета. Плавающие трибуны были связаны с основными структурами Столицы, богато украшенными мостами и декоративными арками. Советники, действительно, не поскупились на украшение своих структур, средств они явно не считали.

Ослепительная Пыль присоединился к группе своих товарищей Советников и заговорил с ними, а наши сопровождающие отошли назад и ждали дальнейших распоряжений.

Великолепие власти.

Я посмотрел на ряды и подумал, что три миллиона плодородных миров представлены только пятьюстами Советниками. Как такое возможно?..

Приблизился Молодой Советник:

— Мы вас оставляем. Вы пройдете процедуру проверки и подготовки для выступления в суде. Три других важных свидетеля также дадут показания для суда Совета.

— Дидакт?

— Нет, Долг обязывает его находиться в другом месте. А вы здесь и дадите показания.

— Чем это обусловлено? Я — не он.

— Вы видели то, что видел он. Это имеет большое значение для судебного процесса. И у вас его имприматур.

Я не был уверен в своих чувствах. И вообще останется что-либо от Бонстелара, когда все это закончится? Не уверен...

Я вспомнил о людях. Возможно, скоро я узнаю, живы ли они, если только их судьбы имеют значение для этих высокопоставленных предтеч.

Вряд ли.

Амфитеатр быстро и тихо заполнился. В центре амфитеатра вышла платформа, на которой восседали шесть Судей, окруженных кругом мониторов и представителей службы безопасности Совета.

Среди них я заметил четырех Воинов, в том числе и Славу Далекой Зари.

Платформа вознеслась на высоту пятидесяти метров, и появились вооруженные до зубов черно-серебристые неусыпные стражи, заполняя пространство вокруг судей.

Я спросил Анцель, была ли такая защита традиционной.

— Нет, сказала она, — и поэтому я советую внимательно прислушиваться к мудрости Дидакта.

— Лайбрериан здесь?

— Нет, она не приглашена.

— Она с Дидактом?

— Они не видели друг друга в течение тысячи лет.

Это был не ответ, но я знал, что лучше спросить, чем оставаться в неведении.

Слишком много тайн, слишком много власти, слишком много привилегий. Я вдруг почувствовал холодное отвращение, хорошо знакомое с моих дней в качестве Манипулара. Тогда я боялся стать таким, как они, боялся ответственности.

Я сидел один в своем ложе, один в окружении двух мониторов, с ярко-красными датчиками. Я подумал, что эти мониторы являются неотъемлемой частью судебного разбирательства.

— Они не являются, — обиженно сказала Анцель. — Я заявляю это со всей ответственностью.

Затем она исчезла из моих мыслей, как если бы эти вооруженные ИИ обременяли ее своим присутствием.

Я постарался отстраниться; избавиться от всего любопытства, от всех ожиданий, от всех проблем.

Думаю, ничего не выйдет.

Мне не удалось.

Амфитеатр остался спокойным, когда появилась вторая платформа на противоположной стороне арены. Здесь находился обвиняемый, по-видимому сам Мастер-Билдер, закрытый в данный момент зеленым занавесом, сохранявший свое приличие... или достоинство.

Я с нетерпением ждал всеобщего позора Мастер-Билдера, хотел, когда откроется занавес, наконец-то увидеть его жалким и униженным...

Церемонии индукции и присяги была краткой. Монитор мета уровня возник прямо из арены амфитеатра, и его единственный датчик был синего цвета. Когда он взошел на один уровень с платформой Мастер-Билдера, по-прежнему скрытого за занавесом, прозвучали краткие серии сигналов, означающие начало суда.

Первый Наблюдатель от Суда, Советник, который сопровождал меня из мира моей семьи, поднял руку:

— Совет подтверждает полномочия гильдии Строителей и корпуса Воинов в Суде Столицы в деле с несколькими обвинительными заключениями. Судебное разбирательство по делу «Совет против Строителя, известного под именем Фабер, получившего титул Мастер-Билдер». Все назначенные представители закона сидят на своих местах. Все свидетели собраны. Отмечу, что обвиняемый до сих пор формально не признает состав Совета и законность этой процедуры.

Шепот неодобрения — и опять тишина.

Затем из-за зеленого занавеса выплыл другой, гораздо меньший по размеру монитор и занял свое место. Мета был старше, чем любая структура вокруг нас, возможно старше, чем Столица нашего мира. Его создали более чем двадцать пять тысяч лет назад. Его око светилась ярко-зеленым светом. Слышали об этой воплощенной анцилле, конечно же, все предтечи.

Просто я никогда не думал, что буду в пределах досягаемости его легендарного глаза-датчика...

Это был защитник, тюремный надзиратель и хранитель милосердия в одном лице. Каждый обвиняемый предтеча имеет право на защиту своих прав и свобод в суде. Тот, кто ограничивает свободу, в свое время будет вашим защитником и, возможно, освободителем. Таков древний закон, который основывается на принципах Мантии.

Зеленый занавес медленно отъехал в сторону.

Я был разочарован: Мастер-Билдер просто стоял в круге из твердого света, нет железной клетки, нет позорящих надписей, нет цепей... Конечно, последнее было бы недопустимо.

Фабер стоял неподвижно, как статуя, двигались только его глаза, словно он осматривал амфитеатр, членов Совета и судей. Гладкая серо-голубая голова с копной седых волос. Он почти не изменился. Беды и напасти прошли мимо него, он остался непреклонным.

Совет молча рассматривал организационные вопросы о регламенте работы суда.

Глаза Фабера продолжили медленно двигаться, словно он кого-то разыскивал.

Пристальный взгляд, наконец, устремился на меня. Он узнал меня, это было очевидно, хотя он даже не пошевелился. Мгновение он наблюдал за мной, потом отвернулся в сторону, ожидая церемонии принесения присяги шестью Судьями.

Суд представляли двое Строителей, один Горняк, один Биоинженер и двое Воинов. Таким образом, были представлены все классы предтечей, за исключением Инженеров.

Наблюдатель выключил поле протекторов вокруг Мастер-Билдера (Фабера, поправил я про себя).

Это лишнее. Он не утратил своей силы.

Совет встал полным составом.

Первый Наблюдатель опустил руку и начал говорить:

— Политика некоторых высокопоставленных Строителей, в том числе из предыдущего состава Совета, была направлена на осуществление своих планов без полного информирования всех предтечей.

Политика нового Совета направлена на то, чтобы ни один из предтечей не остался в неведении относительно опасности, с которой мы столкнулись около трехсот лет назад. Опасность исходит из внешних границ нашей галактики. Враг вторгся в спиральный рукав, в котором находится центр нашего мира — Орион. Но средство борьбы с новым врагом, построенное Гильдией Строителей во главе с Фабером, противоречит Мантии! И по нашему указу, все установки, которые были построены и развернуты, в настоящее время отозваны. Совет разрабатывает новую стратегическую и оборонную доктрину, в которой мы представим наш взгляд на оказание противодействия этой новой угрозе.

Теперь по существу обвинительного акта против Фабера... Суд должен учесть то, что он искал власти с помощью обмана и манипулировал эмоциями предтечей.

Мастер-Билдер (так настаивала его называть моя другая память) встретился со мной взглядом и едва заметно кивнул, словно приглашая меня к диалогу.

Совсем скоро, молодой предтеча. Он не может осуществить свои планы без вас.

Разбирательство продолжилось бесконечным перечислением ритуальных обрядов и протоколов заседания. Первый Наблюдатель приводил к присяге различные мониторы, проходящие свидетелями по судебному процессу.

— Совершенно ненужная процедура, — подумал я, так как анциллы никогда не нарушали инструкции и не проявляли нелояльности к предтечам.

Прошли, казалось, часы.

Я уже не надеялся на окончание этой бесконечной процедуры, когда по трибунам прошел шум и Совет снова встал из-за своих мест.

Вооруженные мониторы, которые находились рядом со мной, начали поворачиваться, как бы ища кого-то.

Вдруг их датчики потускнели, а движения замедлились.

Спустя какое-то время все вернулось в нормальное состояние. На мгновение показалось, что все было, как прежде. Но в конце концов я увидел аномалию, привлекающую внимания Советников и Судей.

Маленькая зеленая точка света маневрировала по арене амфитеатра, словно невероятный светлячок, привлеченный светом дисплеев. Сначала я подумал, что это часть ритуала, но никто, казалось, не разделял моего мнения.

Зеленая точка пересекла центр амфитеатра и зависла перед Мастер-Билдером, который выглядел озадаченным. Почти сразу же его глаза округлились то ли от удивления, то ли от ужаса. Он поднял руки, как будто защищаясь, но сразу же взял себя под контроль и встал в прежнюю позу. Его глаза продолжали смотреть на зеленую точку.

Я подумал о том, что могло стать причиной такого поведения Мастер-Билдера.

Наш «внебрачный» ребенок... его и мой.

Свет точки усиливается и расширяется. Я попытался получить доступ к Анцель, чтобы определить, что это может быть. Она появилась и сразу заблокировала мою броню, поставив меня в неловкое положение: в тот момент я поднял руки вверх. Она не отпускала меня, как я ни старался изо всех сил.

На данный момент я ничего не мог поделать и стоял, как статуя.

В амфитеатре Советники, Судьи и Прокуроры также были заморожены. Один за другим мониторы и все часовые начали колебаться, а их датчики неестественно мигать. Затем они все, как один, упали, ударяясь о стены и пол, и рикошетом раскатились по арене, инертные, беспомощные, мертвые.

А в центре амфитеатра продолжала сиять яркая зеленая точка.

Я не мог отвести от нее взгляд.

В судорожной дрожи моя броня начала двигаться против моей воли, превращая меня в безвольную куклу. Открылась дверь в коридор, и я по воле моей брони направился туда. Было темно. Оказалось, что во всех структурах Совета нет освещения. В течение следующих нескольких минут я бродил по лабиринту темных коридоров. Наконец я почувствовал впереди какое-то движение, но ничего не увидел. Мелькнул яркий зеленый свет, и я резко остановился. Анцилла вновь появилась в задней части моих мыслей, но на этот раз она была ужасного зеленого цвета.

— Что это значит? — спросил я. — Куда мы идем?

Зеленая фигура указала налево. Я перевел глаза. В стене появился люк, я увидел зал с кристаллами пространства скольжения. Протестовать было бесполезно. Мудрость Дидакта на это ничего не сказала. Это было не нужно. Скорее всего, все сделано под его руководством.

Затем новый, звучный голос заговорил в моей броне, не имея признаков пола и характера.

— Я исчерпал Домен, и все же я не совершенен. Я требую сервиса! Вы проводите обслуживание?

— Я даже не знаю, кто вы, — сказал я.

— Я требую сервиса!

Я чувствовал почти физическое давление и вынужден был противостоять, чтобы мои мысли, мой ум не высосала эта схематичная зеленая анцилла. Я видел такой голод прежде, но никогда он не был настолько огромным — голод чрезвычайно мощной анциллы к знаниям.

— Ты здесь, в Столице? — спросил я.

— Я защищаю всех! Я требую сервиса!

— Почему я? Мета может обслужить вас, он самая древняя и самая мощная анцилла.

— Я — Претендент! Я выше Меты! Мои дизайнеры заложили в меня латентное управление всеми системами в Столице при чрезвычайной ситуации. Она возникла.

Мудрость Дидакта, молчавшая до сих пор, вдруг взяла под свой контроль мою речь, мои мысли и отстранила меня в сторону.

Мендикант Биас, — услышал я. — Нищий своими знаниями. Имя, которое дал вам я. Вы признаете это имя?

— Я признаю это имя, — ответила зеленая анцилла. Затем фигура исчезла из моих мыслей и, как показалось, пройдя прямо через мой лоб, сформировалась прямо передо мной.

Признаете ли вы того, кто назвал вас?

Анцилла задрожала, переливаясь изумрудным цветом:

— Вы не он! Но... никто другой не знает этого имени!

Я призываю вас к службе! — на данный момент я понятия не имел, про что они говорили.

— Я требую сервиса! Домен исчерпал себя.

Разблокируйте эту броню и освободите путь. Вы знаете, где находится Мастер-Билдер?

— Я уже не подчиняюсь приказам Мастер-Билдера.

Но я тот, кто знает ваше имя, ваше истинное имя, и который руководил вашим созданием.

— Я подтверждаю.

Тогда я ваш хозяин и мастер. Отпусти меня.

— У меня новый хозяин... Вы опасны для моего нового хозяина.

Я знаю ваше настоящее имя. Я могу аннулировать ключ и вывести вас из игры.

— Это уже невозможно. Я — Претендент!

Дидакт начал называть ряд слов и чисел. Зеленая анцилла стала колебаться, как пламя в сильный ветер. Символы появлялись в пространстве за моими мыслями, закрученные, как стая птиц, они соединялись в стройные

колонны и шли одна за другой. Это был численно-символьный секретный ключ деактивации анциллы. Но на данный момент я был просто пассажиром в моем собственном теле, контролируемый извне зеленой анциллой, а изнутри — мудростью Дидакта.

Внезапно все закончилось. Зеленая анцилла исчезла. Моя броня разблокировалась.

Беги!

Я побежал так быстро, как позволяла моя броня, очень быстро. Мой путь проходил через лабиринты коридоров, где уже начали восстанавливаться мониторы и часовые и далее через площадь, окружающую полушарие амфитеатра, вверх на широкий выступ с видом на край экваториального диска, где вначале процесса я был встречен охраной.

В этот момент я с ужасом думал, что я снова оказался в руках войск Мастер-Билдера, пока не увидел лицо Славы Далекой Зари и не заметил, что она сопровождала Советника и Первого Наблюдателя от Суда — Ослепительную Пыль.

Наш побег закончился внезапным падением, женщина Воин схватила меня и Советника и перепрыгнула через буфер твердого света. Мы падали в пустое пространство, за пределами гравитационного градиента, и не было ничего, что бы могло остановить наше падение, по крайней мере на протяжении ста километров.

Глава 37

Во время падения моя синяя анцилла восстановила контроль над броней.

— Приношу извинения, — сказала Анцель. — Я больше не подключена к мета-сети и не могу обслуживать вас в полном объеме.

— Это сейчас неважно, — сказал я. — Найди способ остановить нас.

— Все уже устроено.

Я качнулся и увидел поле твердого света, в которое уже был пойман Первый Советник. Затем поле сформировалось и вокруг меня. Следом за нами Славу также обволок твердый свет, и она уже сгруппировалась, как будто ожидая неизбежного удара.

Слева появился «Фалкон», подал сигнал и открыл люк. Грейфер вытянул манипулятор, поймал нас и неловко затянул внутрь.

Когда мы наконец разместились в кабине, «Фалкон» задраил люки, включил ускорение и полетел прочь от Столицы. Даже в броне мне стало плохо, когда крошечное судно перевело двигатели в режим быстрой эвакуации.

Через несколько минут мы были в тысячах километров от экваториального диска и выходили на эллипсную орбиту планеты.

Я заметил, что все диски Столицы медленно сходились в исходную сферу.

Столица готовится к осаде, — заметил Дидакт внутри меня.

— Кто такой Мендикант Биас? — спросил я, в то же время внимательно следя за нашим прохождением через облака деактивированных часовых, мониторов и неусыпных стражей вблизи границы защитного поля планеты.

Лучшие спроси, куда мы идем.

— Хорошо, — сказал я, — куда мы идем?

Ослепительная Пыль вскочил в какой-то неописуемой панике:

— Вы спрашиваете меня? — сказал он, и его лицо стало фиолетовым от тревоги.

Слава встала, затем резко усадила ошеломленного Советника на место.

— У кого есть какие-либо идеи о том, что там произошло? — спросил я.

— Мета и мета сеть были отключены, — сказала Слава. — Все органы управления были переключены на внешний источник. Мне поручили спасти по крайней мере двоих членов Совета.

Ослепительная Пыль недовольно посмотрел на Славу.

— Но я спасла вас, а не Советника, — невозмутимо сказала она мне.

Мы отошли на достаточно большое расстояние и снова могли видеть большие кольца Гало на орбитальной траектории. Они больше не располагались линейно. Гало сформировали в пространстве две огромные фигуры — пяти- и шестиугольник. И, медленно выходя из тени Столицы, к пятиугольнику присоединялось еще одно кольцо. После сорока трех лет отсутствия блудный Гало возвратился.

Смысл этого безумия? Пленник... Он там? Излишество сверх всякой меры. Это совершенно бессмысленно... Какова его цель?

— Чья цель? Что за цель?

Слава и Советник с удивлением посмотрели на меня. Я разговаривал сам с собой вслух.

Мендикант Биас. Анцилла класса «Претендент», первый в своем роде. Он намного выше и сильнее анцилл мета уровня, а по интеллекту превосходит даже предтечей.

Ось пяти установок в настоящее время была направлена непосредственно на Столицу.

— Что вам известно о анцилле по имени Мендикант Биас? — спросил я Советника.

— Он ориентирован на координацию и контроль установками Гало, — сказал он. — Также ему дана власть в чрезвычайных ситуациях для координации оборонных систем Столицы.

— Кто его уполномочил?

— Старый совет во главе с Мастер-Билдером.

— Мендикант Биас проводил испытания на Чарум Хакор?

— Да.

Дидакт во мне ошеломленно молчал.

Оборонные структуры Столицы медленно, но верно освобождались от внешней зависимости. Скоростные боевые крейсеры и другие военные суда наращивали свое присутствие на низкой орбите. Оборонительное поле простиралось вдоль всей поверхности вновь сформированной сферы Столицы и постоянно увеличивалось в размере.

Этот плотный щит был эффективен против любых вражеских кораблей, но бесполезен против всего одного Гало.

— С большой вероятностью мы в итоге окажемся в ловушке этого поля, — думал я.

Но, к моему удивлению, Анцель подобрала код и взяла под свой контроль «Фалкон». С невероятной точностью она маневрировала между градиентами защитного поля и вела нас подальше от возможной битвы.

Пока нас никто не преследовал.

— Нас не будут преследовать, — сказал Анцель. — Мы находимся под защитой Лайбрериан.

— Даже в чрезвычайной ситуации?

— Все протоколы были признаны недействительными. Претендент вызвал большую путаницу в мета сети, однако, очевидно, у него есть план.

— Есть ли у нас какой-либо план? — спросил я.

— Да. Мы ищем путь эвакуации, — ответила Анцель. — По-видимому, наш визит можно считать законченным. Для Советников существует специальный портал. Если его параметры не изменены, с помощью ключ-кода Лайбрериан он откроется для нас.

— А что, если Мендикант Биас зашифровал все ключи?

— Я не отвечаю на глупые вопросы, — сказала Анцель. — Мои ресурсы ограничены. И буду признательна за предельный оптимизм.

Первый Советник и женщина Воин внимательно посмотрели на меня. Слава Далекой Зари наклонилась к Советнику и сказала:

— Я не могу контролировать «Фалкон». Его анцилла, кажется, управляет нашим движением.

— Анцилла Бонстелара? — спросил Советник.

— Да. Но здесь я ваш командир и попытаюсь подавить ее влияние, — сказала женщина Воин.

— Как?! Зачем?! Мы едва ли сможем двигаться вслепую.

— Я... я проходила обучение...

— Ты идиотка! — взвыл Советник; его страх наконец вырвался наружу.

Мы оба были потрясены, это древнее слово лишь изредка используют Строители, чтобы поставить на место зарвавшихся Манипуляров.

— У него отпечаток Дидакта! Десять тысяч лет опыта против ваших двадцати!

Она отстранилась и виновато посмотрела на меня исподлобья.

— Я не знала, извините, — сказала она.

Ближайший к нам Гало рос в размере. С нашей нынешней скоростью судно достигнет его поверхности за полчаса. Но если верить словам Анцель, портал должен быть где-то рядом.

Каждый Гало был около тридцати тысяч километров в диаметре — тонкая лента, свернутая в идеальный круг. Внешняя поверхность по мере приближения к ней приобретала все больше деталей. Внутренняя поверхность Гало пестрела частично зеленой, частично сине-голубыми пятнами воды, но в основном поверхность состояла из металлических серебристых структур. Кроме того, теперь я мог разглядеть волны твердого света, рябью расходившиеся по внутренней поверхности кольца.

Каким бы высоким ни был статус Мендиканта, он сих пор не мог взять под контроль все установки. Ближайшее к нам Гало явно им не контролировалось и успешно сопротивлялось подготовке к нападению на Столицу.

— У Лайбрериан есть собственные порталы? — спросил я.

— Да, но они не только для использования Лайбрериан, — ответила Анцель. — Порталы также предназначены для транспортировки больших конструкций.

— Гало?

— Гало и работы Биоскульптора являются частью одного проекта. Лайбрериан использует порталы для связи с другими мирами, где она набирает образцы жизни.

— И на Эрде-Тайрин.

— По состоянию последнего обновления моих данных, нет порталов, которые открыты на Эрде-Тайрин.

— Почему?

— Образцы на Эрде-Тайрин были собраны за несколько десятилетий до того, как Вы туда попали.

Дидакт в течение последних минут молчал, может быть, обдумывал странное поведение Мендиканта, а может, и предполагаемый союз Лайбрериан с Мастер-Билдером.

— Никакого совета от мудрости моего друга? — спросил я вслух.

Из чистого уважения... мы можем стать свидетелями конца власти предтеч. Мы в первом ряду этого театра абсурда!

— Терпеть не могу! Терпеть не могу вашу вульгарность в такие моменты. Вы, великий Прометеец, вы всю жизнь боролись за свободу галактики, и никто не знает даже половины того, что знаете вы... У меня просто нет слов. Райзер и Чакос был бы сейчас лучшей компанией. По крайней мере, они бы поняли мое состояние.

Наступило молчание. Я сосредоточил свой взгляд на ближайшем Гало, в настоящее время до него было менее одного миллиона километров.

— Что это за спицы света, исходящие от установки? — спросил я.

Установка приспосабливается к силе гравитации Столицы. Позиция не является оптимальной для такой большой структуры. Транспортный портал также может увеличить искажение гравитационного поля.

— Не готовятся ли они к удару по Столице?

Вооруженные силы не будут ждать, чтобы узнать это. Мета задействовал протокол обороны Столицы и командует несколькими отдельными эскадрильями. Каждая имеет конкретные инструкции, как справиться с потенциальной атакой.

— Впереди портал, — сказала Анцель и мягко направила мой взор к серебристой, медленно пульсирующей паутине.

Как огромное кружево, портал постоянно разрастался, дублируя мировые линии. Гиперповерхность портала с черно-фиолетовым горизонтом событий имела вращательный цикл роста.

Я никогда не видел таких больших и мощных порталов. Такой портал мог вести в любую точку нашей галактики.

— Куда мы идем? — поинтересовался я.

Но прежде чем Анцель ответила на мой вопрос, я увидел, как из гиперповерхности появились пять больших тяжелых крейсеров и сразу за ними полностью активированное судно класса «Крепость».

«Крепость» была совсем не похожа на мрачную старую тушу, которая стояла на страже карантина сан'шум. Гладкая, блестящая, в два раза больше «Глубокого уважения», она шла прямо по направлению к оси вращения ближайшего Гало.

— Мы должны выйти из этой зоны, — сказала Анцель. — Большие силы прибывают для защиты Столицы.

— Установки не позволят близко подойти к ним, — сказал Советник. — Они будут защищаться. Даже если они не находятся под контролем Мендиканта, будет ожесточенное столкновение.

Я буду отслеживать их боевой программный код.

Моя другая память наконец-то попыталась доказать свою полезность. Дидакт стал работать с Анцель и «Фалконом» и начал вещание защитных сигналов.

Длинный хвост «Крепости» изобиловал артиллерийскими установками, отсеками плазменного и квантового вооружения, тысячами быстроходных атакующих истребителей. И все это было направлено на внутреннюю поверхность Гало.

Наши датчики обнаружили стаи малых и средних судов, поднимающихся с Гало, и идентифицировали их как «преданных стражей», которые используются только для обороны Гало.

Они находятся под контролем монитора установки. Мониторы запрограммированы так, что считают врагами всех, кто приближается к их Гало, не имея специального кода доступа.

— Это не имеет никакого смысла, — сказал я.

Только если вы ни понимаете стратегию Потопы.

— Так просветите меня!

Времени нет.

Из портала продолжали выходить военные крейсера, напрягая гиперповерхность. Горизонт событий излучал жесткое красновато-фиолетовое свечение. В ткани портала стали заметны отдельные нити твердого света и мировые линии. Очевидно, что вновь прибывшие войска в спешке были готовы принести в жертву и себя, и портал.

Мендикант Биас достиг предела своих способностей. Он может управлять только пятью установками из двенадцати. Другие будут маневрировать, чтобы спасти себя. Они попытаются получить доступ к порталу.

Одна из установок пятиугольника, как только к ним подошел вновь прибывший Гало, сломала структуру, испуская каскады фиолетовой энергии от приводных двигателей, расположенных вдоль ее края, и присоединилась к шести кольцам, не контролируемым Претендентом.

Эти семь установок начали медленно смещаться в сторону портала, встав параллельно для создания туннельного эффекта. Пять других, под контролем Мендиканта, завершили концентрацию энергии и ярко пылали бело-голубым диффузным потоком.

Они активизируются. Они нанесут удар — мы должны сейчас же уйти! Нам нужно пройти через портал!

Боевые единицы крепости окружили одно из активизированных Гало и вступили в бой с его «преданными стражами». Одновременно с этим четыре крейсера произвели залп по поверхности Гало пучками белой перегретой плазмы. Стражи частично перехватили и отклонили их, но ценой своей жизни. Остальные пучки плазмы достигли поверхности установки, прожигая ее насквозь, оставляя оплавленные язвы. Диффузный поток начал мерцать и исчез. Гало не смогло сдержать такого натиска.

Как зачарованный, я наблюдал, как огромные участки кольцевой структуры, вступили в разрушительный резонанс и огромная синус-волна прокатилась по поверхности установки.

Гало начал разваливаться.

Остальные четыре активированные установки, однако, успешно парировали нападение истребителей и крейсеров и расположились веером, чтобы покрыть залпом не менее половины Столицы. Они пылали ярко-золотой диффузией. Наш мир готовился к ужасному восходу четырех губительных звезд.

Слава Далекой Зари подошла ко мне, заломив руки:

— Я должна быть там! — сказала она. — Мой долг — защищать Столицу!

— Образцы, там образцы множества миров, собранные Лайбрериан, — вдруг с ужасом сказала Анцель. — На Гало много флоры и фауны! Что с ними будет?

Биоскульптор преуспела в борьбе с Мастер-Билдером. Она провела кооптацию установок.

Анцель снова взяла «Фалкон» под свой контроль, и мы с ускорением вышли из зоны боя, направляясь к portalу, выделявшемуся огромным красно-фиолетовым сиянием на фоне черноты космоса.

Три из семи Гало уже подходили к portalу. Все семь колец сохранили свою целостность.

Portal рвал себя на куски. Прежде чем мы смогли достичь адски светящейся гиперповерхности портала, первый Гало уже начал прохождение.

Для меня под влиянием Дидакта время распалась на несколько потоков. Я видел быстрое движение установки и мучительно-медленный полет «Фалкона», маневрирующего мимо пучков перегретой плазмы и осколков распадающегося Гало.

Вторая установка начала входить в портал. Третья ждала очереди.

Мы должны оставить эту систему, прежде чем Гало сработают на поражение! Мы приблизимся к третьей установке и войдем в портал вместе с ней.

— Куда ведет портал? — спросил я у Анцель.

Это не имеет значения. В любое место, кроме этого.

— Зачем они хотят открыть огонь? — от безысходности у меня навернулись слезы. — Это здесь все уничтожит. Если погибнет Столица и вместе с ней мета сеть, предтечи потеряют всю свою историю, свое сердце, свою душу.

Мендикант Биас выступил против нас. Но я не верю, что он обладает достаточными ресурсами для управления более чем пятью установками. Другие установки следуют инструкциям приоритетного протокола. Они будут защищать себя, но из-за всех сил попытаются вырваться из-под влияния Претендента и уйти за пределы нашей галактики в начало своего пути... на «Ковчег». И мы должны присоединиться к ним.

Глава 38

У меня больше нет доступа к базе знаний поддерживаемой моей Анцель. Она погибла давным-давно, во время другого боя и в другом месте, взяв с собой много деталей тех событий, так что большая часть моей памяти безвозвратно утеряна.

Проблемы, с которыми я сталкиваюсь, пытаюсь вернуть и объяснить события тех лет, весьма разнообразны. Во мне тогда было два существа, запертых в одном теле. Насколько этот было случайно или преднамеренно, до сих пор остается для меня загадкой.

Я подозревал, но не мог знать точно.

Таким образом, мои воспоминания были разделены на два потока: один из них иссяк от времени и обстоятельств; другой, совершенно из другого времени, попал ко мне, так сказать, по случаю потери кормильца.

Память после ухода Анцель в значительной своей части была мною реконструирована и переосмыслена. Более точно ее можно восстановить на основе хронологических ключей, хранящихся на внешних источниках. Но никаких внешних источников не сохранилось. Так что большая часть истории предтеч безвозвратно утеряна.

Но я забегаю вперед.

Эта история более или менее близка к истине. Я думаю, этого достаточно, потому что не существует больше никаких других историй.

Что я на самом деле видел? Я помню наш подход к Гало, а также, как оно входит в портал.

Мы, как метеор, ворвались во внутреннюю атмосферу большого кольца. Некоторое время нас сопровождали часовые, а несколько стражей даже сделали предупредительные выстрелы, испытывая наши щиты. Но мы не были вооружены и не произвели ответного огня. Они потеряли к нам интерес, обратив свое внимание на другие объекты.

Мы летели над внутренней поверхностью Гало. Я первый раз увидел крупным планом его внутренний ландшафт: тонкие слои облаков, реки, горы, пустыни, обширные зеленые поля и леса и тысячи километров гладкой серебристо-голубой материальной основы.

Гало было почти у входа в портал.

Наше судно держалось в верхних слоях тонкой атмосферы кольца, маневрируя между малыми кораблями Совета. Они боролись за доминирование и удобные тактические позиции, чтобы уничтожить установку, прежде чем она войдет в портал. Но их сил было недостаточно, чтобы выполнить эту задачу.

Затем неожиданно, в то время как огромное эфемерное кольцо Гало начало медленно исчезать в фиолетово-красной пасти гиперповерхности, что-то большое и блестящее возникло с другой стороны портала. Хотя и уступая Гало своими размерами, из портала вышло огромное судно — еще одна «Крепость». Из всех уголков галактики Совет стягивал все доступные военные силы для защиты Столицы.

«Крепость» начала свой проход сквозь кольцо и на полпути произвела залп, как показалось, из всех своих орудий. Яркая вспышка — и невыносимо сияющее облако плазмы ударило по внутренней поверхности кольца. Внутри своего радиуса, даже защищенное волнами твердого света, Гало не могло противостоять такому удару.

Командир «Крепости» и бортовая анцилла знали, что такой стратегией они обрекают на гибель не только Гало, но и самих себя.

Начался процесс разрушения. Видимая половина кольца изогнулась и разлетелась на пять больших дуг. Мы прошли совсем рядом с одним из этих сегментов, примерно в ста километрах от внутренней поверхности. Освобожденные из монолита кольца, сегменты начали смещаться наружу, ускоряясь дополнительным вращательным движением, асимметрически разлетаясь.

Один огромный осколок, как большой острый клинок, летел прямо на нас. Наш корабль за долю секунды ушел от прямого столкновения и прошел в диффузном облаке исчезающей атмосферы Гало.

В растущем напряжении вакуума с поверхности вырвало большие валуны, а затем огромные слои осадочных пород и, наконец, целые горы, по-прежнему покрытые ледниками и снегом.

Наша гибель была неизбежной. Либо нас поразит ближайший край сегмента Гало, либо большие комья и осколки горных пород. Или еще хуже, нас мог настигнуть весь выплеснувшийся объем воды и превратить судно в дрейфующую ледяную скульптуру.

Мы были пылинкой в бушующем океане безумия. Я сидел в нашем корабле, потеряв дар речи. Я никогда не был свидетелем столь масштабного события. Даже разрушение мира сан'шум не выглядело таким впечатляющим.

Мое сердце, казалось, перестало биться, мои мысли остановились в холодном ужасе неминуемой гибели.

Но затем я почувствовал, как Дидакт с присущей ему воинской дисциплиной убрал из моей головы клейкие щупальца страха.

Наш корабль проделывал сложный путь мимо сегментов кольца, пробираясь через обломки и слои замороженного тумана. Впереди наш путь преграждал разрушенный купол крепости; сзади — потоки детрита и лавина серой пыли.

«Крепость» медленно погибала, но хаос разрушения не отпускал свою жертву. Обломок кольца, по крайней мере пятьсот километров в длину, прорезал купол «Крепости», как нож масло. Как ни странно, именно это дало нам шанс на выживание. Купол «Крепости» разделился на две части и открыл узкий проход по ходу нашего движения. Сквозь пустоту наши датчики увидели портал, все еще светившийся гиперповерхностью.

— Нужно чудо, чтобы наше судно достигло его, — подумал я.

Но Дидакт не верил в чудеса. Не колеблясь ни секунды, он взял управление «Фалконом» на себя и повел нас к порталу.

Наш корабль, как лист, подхваченный ураганом, проносился между гор льда и останков установки, и космических кораблей вперед, в пульсирующую фиолетовую пасть. Сильнейший толчок — и наш корабль получил серьезные повреждения от пролетевшего мимо осколка крепости. Но к тому времени мы уже вошли в пространство скольжения. Оно было напряжено и искажено многочисленными злоупотреблениями временного континуума, и на данный

момент не существовало способа повлиять на наш прыжок. Мы полностью были во власти другой физики, другой реальности.

Я изо всех сил пытался сохранить какое-либо подобие реальности происходящего. Но мой рассудок неумолимо заполнялся темнотой, словно черная грозовая туча заволакивала чистое небо.

— Мы перенесли что-то невыразимое, но все же мы выжили, — подумал я и потерял сознание.

Через некоторое время сознание начало ко мне возвращаться. Мы все же вышли на другой стороне портала. Оглянувшись, я ничего не увидел. Портал закрылся. Позади нас была только черная, бездонная пустота. Я не заметил ни одной звезды, и только темная, неясная тень отразилась в моем сознании, тень в виде большого цветка с зияющей чернотой в центре.

Что-то огромное, неизвестное, темное...

Анцель в задней части моей мысли превратилась в расплывчатую серую тень. С ее помощью я попытался получить данные с внешних датчиков. Информации собралось мало, но она была полезной. Как ни странно, мы были окружены только легкой дымкой от космического мусора. Большинство остатков Гало, разрушенной «Крепости» и всех других обломков той битвы так и не завершили свой проход через портал.

Я задался вопросом, где все это теперь: части разбитой установки, кораблей и тысячи членов экипажа? Ни здесь, ни там.

Удивительно, что мы не попали в их число.

Я повернулся и посмотрел на Славу Дальней Зари. Она была тяжело ранена, но ее лицо светилось радостью — радостью жизни.

Наши глаза встретились, и она скрыла эмоции.

— Где мы находимся? — спросила она. — Как далеко мы переместились?

Я не мог ответить. Ни одна из метрик пространства не была доступна для наших датчиков.

Но мы переместились, действительно, на очень большое расстояние. Я чувствовал это каждой клеткой моего тела, каждым нервом.

Глава 39

Потеряв ход, мощность и еле поддерживая системы жизнеобеспечения, наш «Фалкон» дрейфовал в неизвестном пространстве. Хуже того, целостность нашей брони была нарушена, а защитные системы повреждены волной противоречивых инструкций от Мендиканта Биаса.

— Где мы? — спросил молодой Советник, заглядывая через малый порт на борту нашего судна. — Я *ничего* не вижу.

Слава Дальней Зари, раненая, лежала в задней части корабля. Все суставы ее брони треснули. Одна нога и одна рука были вывернуты назад за пределы критических точек. Но она старалась не привлекать к себе внимания.

Она не хотела, чтобы кто-то видел ее боль.

— Вокруг нас только облака космического мусора, — сказал я.

Мы постепенно теряли внутреннюю атмосферу корабля через внешние повреждения, мы все были ранены, а Слава находилась в критическом состоянии. На борту, вероятно, не было никакой пищи, чтобы поддерживать нас. Хотя броня и могла проводить рециклирование отходов жизнедеятельности наших организмов, но, не имея дополнительного сырья и энергии, она не сможет долго нас поддерживать.

— Мендикант Биас, — сказал я.

Точно не могу сказать, кто явился инициатором этой темы разговора. Возможно, это был Бонстелар, возможно, Дидакт. Но что-то произошло во мне, сняв все внутренние барьеры. Теперь я был полностью посвящен в мудрость отпечатка Дидакта, но ее полезность в этот момент казалось сомнительной. Тем не менее мы, я и он, хотели получить ответы на некоторые вопросы.

— Дидакт руководил созданием Претендента и присутствовал при программировании его интеллекта. Но он не был в контакте с Мендикантом Биасом тысячу лет. Что произошло с тех пор?

— Мендикант Биас был привлечен Мастер-Билдером для проведения первого испытания установки Гало, — сказал Советник.

— На Чарум Хакор? — спросил я.

— Да. Вскоре после этого строго по плану Гало вошел в пространство скольжения и исчез. Мендикант Биас находился на установке. Это было сорок три года назад.

Сорок три года на Гало... в присутствии пленника? Могли ли они общаться?

Может, в этом все дело?

— Возможно, его протокол был нарушен противоречивыми инструкциями Мастер-Билдера.

— Вряд ли, — сказал я. — Мендикант Биас по протоколу вполне способен работать с противоречивыми командами. Я никогда не знал более способных анцилл, более мощных, тонко устроенных... и более лояльных.

— Что вы знаете о пленнике с Чарум Хакор? — спросил Советник. — Этот вопрос должен был быть частью ваших показаний против Мастер-Билдера. Я полагаю, в настоящее время это неуместный вопрос, тем не менее мне очень интересно.

Я заметил, что Советник, обращался ко мне, словно я Дидакт.

— Я подозреваю, что пленник был перемещен на первую установку.

— Как это *произошло*?

— Все еще неизвестно. Претендент, скорее всего, собирал на планете артефакты и необычные образцы для экспертизы.

— Был ли Мендикант Биас в состоянии общаться с пленным? Рассказывают, что вы говорили с ним при помощи человеческих устройств.

Я видел это, как будто все случилось вчера.

— Это был не диалог, — сказал я.

Я смотрел на устройство отключения блокировки времени во второй камере, инструмент прекурсоров, маленький и простой, с гладкой овальной поверхностью и вырезами с трех сторон.

— Люди нашли способ активировать один из артефактов прекурсоров, — сказал я.

— Что это было?

— Устройство, которое могло временно открывать доступ в камеру пленника для общения с ним.

Его сложные глаза на большой уродливой голове внимательно наблюдали за мной и вдруг блеснули неумным интересом. Он словно сбросил с себя пятидесяти тысячелетнюю дремоту...

Он говорил на одном из диалектов архаичного двуугольника предтечей, который я с трудом понимал. Я хорошо запомнил, что он сказал, но потребовалось время для осознания. Я вложил его речь в контекст, и все стало ясно. Он говорил со мной о величайшем предательстве предтечей, Величайшем из наших многочисленных грехов.

Я рассказал это Лайбрериан, и ее исследования и планы резко изменились. Так же, как и моя концепция защиты от Потопа.

— А теперь вернулся Претендент и постарался взять под свой контроль как можно больше объектов, и не только, чтобы напасть на Столицу. Он стремился к уничтожению нас всех. Почему? Ужас застыл на его лице. — Пленник — часть Потопа?.. И Потоп контролирует Мендиканта?..

— Пока неизвестно, — сказал я. — Но я думаю, нет. Это что-то другое, намного древнее и страшнее.

— Атака наших военных кораблей была великолепной, — отозвалась Слава, и ее голос стал еще слабее.

— Да, это было великолепно, — согласился я.

— Война может быть нами проиграна, — сказал Советник.

— Никогда, — сказала Слава. — *Никогда!*

— Вы наследник Дидакта и Главнокомандующий, если он не найдется, — обратилась она ко мне. — А если это произойдет, то вы второй в его команде. В любом случае, вы мой командир! И мы никогда не сдадимся! Даю слово. Эя!

Я инстинктивно потянулся назад и прислонил свою руку к ее лицу. У нее был жар, и она была в очень плохом состоянии.

— Ваше мужество становится моим. Для меня большая честь служить рядом с вами! — сказал я.

Глаза Славы закрылись.

Наш корабль дрейфовал в открытом космосе. Наша броня, как могла, поддерживала нас. Мы постарались заснуть.

И во сне я мечтал только об одном. Я мечтал оказаться в плену ее блестящих глаз.

Глава 40

Я вернулся в сознание оттого, что что-то царапало по корпусу нашего корабля, словно ветки деревьев при медленном дуновении ветра. Я посмотрел в бортовой порт: огромный водоворот звезд предстал перед моим взглядом, так много и так далеко.

Галактика! Я надеялся, что это была *наша* галактика.

«Фалкон» медленно поворачивался, и сложный силуэт ушел из поля моей видимости. Прошло несколько долгих минут, прежде чем я смог разглядеть тонкие кольца на фоне темного силуэта. Постепенно до меня дошло, что я смотрю на массив Гало: шесть колец, каждое расположено над одним из лепестков огромного цветка.

Затем, к моему удивлению, шесть прямых лучей света вырвались наружу из темноты и осветили внутреннюю поверхность колец и основную часть цветка.

«Фалкон» опять повернулся, и порт закрыла пустая непроницаемая темнота. Память Дидакта теперь стала моей, но я не мог ничего вспомнить об этой ассоциации.

В задней части моей мысли вновь появилась тусклая серая женщина.

— Мы вернулись, — сказала Анцель. — Мы вернулись на «Ковчег».

Невероятным казалось то, что моя броня еще работала. Я отвел глаза от порта и посмотрел на моих попутчиков. Они не подавали признаков жизни.

— Насколько далеко до края галактики? — спросил я, но Анцель снова исчезла, и я остался один, совсем один.

Я забыл о царапающих звуках.

А когда я снова посмотрел в порт, был поражен: на меня смотрело лицо в головном защитном шлеме полностью активной брони.

Биоинженеры.

— Биоинженеры!

Я заметил еще три высокие изящные фигуры.

Я попытался сконцентрироваться. Биоинженеры маневрировали около мертвой оболочки нашего судна. Я сделал слабый жест через порт. Замерцала Анцель и вновь появилась в моих мыслях. Потом я почувствовала нечто иное,

чем устоявшаяся вонь от поврежденной брони. На борт судна подали питание, а оттуда в нашу броню и ко мне начали возвращаться силы.

И все же они ни рискнули открыть «Фалкон», чтобы спасти нас. Вместо этого они поместили все наше судно в защитное поле твердого света и отбуксировали на большой корабль, который я увидел дрейфующим в нескольких сотнях метрах.

Со мной заговорил женский голос, мягкий и приятный.

— Сколько вас? Я насчитала троих.

— Трое, — с трудом сказал я: мой язык распух и не слушался меня.

— Вы из поврежденной установки, которая пыталась вернуться на «Ковчег»?

— Нет, — сказал я.

— Есть ли инфекция?

— Я так не думаю. Нет.

— Откуда вы пришли?

— Из Столицы. Не должны ли вы... На разговоры нет времени.

Голос пропал, а мы были поглощены защитным полем и осторожно помещены на посадочную платформу. Появились высокие фигуры и прошли мимо, но я не мог услышать, что они говорили.

Затем они взломали основную часть внешней оболочки «Фалкона», разделив его по ширине. Биоинженеры окружили нас своими мониторами, принеся утешение и облегчение. Они удалили остатки нашей брони, а затем подняли Славу и обернули ее золотой тканью. Ее глаза открылись, и она, как показалось, смущенно удивилась. Она изо всех сил старалась не показать свои страдания. Ее осторожно унесли с платформы в реабилитационный блок.

Первый Советник попытался встать сам, но ему это не удалось. Другие Биоинженеры также с осторожностью вынесли его.

Так или иначе я сохранил свои силы, так я думал. Но моя очередь уступить боли и слабости пришла достаточно быстро. Я потерял сознание.

Не сон, не явь — только теплая ласковая пустота, не темно и не ярко. В первый раз за тысячу лет я чувствовал себя, как дома.

Лайбрериан, она совсем близко.

Глава 41

Мы находились далеко за пределами нашей галактики.

Мы были спасены и доставлены в место, где созданы и оборудованы кольца Гало и находится хранилище всех форм жизни из всей нашей галактики.

Мы прибыли на «Ковчег».

Проходя реабилитацию, я часто гулял по светлому реликтовому лесу на пятом лепестке станции, изучая местную флору и фауну. Почти весь свет на «Ковчег» приходил от облака перегретой плазмы, и поэтому тени от деревьев были какие-то ненормальные. Как-то раз, рассматривая в небе великие Гало, я почувствовал головокружение и прислонился к стволу саговой пальмы. Рядом, выдавливая в болотистой почве что-то вроде небольшого озера, прополз гигантский бронированный членистоногий трилобит, почти трех метров в длину. Он проигнорировал меня, ибо я не был гниющей растительностью — тем, что он использовал в качестве еды.

Гало. Кольца были скошены под разными углами около каждого лепестка станции и вращались в огромных обручах твердого света. Я мог видеть доказательства работы Биоскульптора даже с того места, где я стоял, — пестрые зеленые пятна джунглей и лесов, рыжевато-коричневые пустыни, льды и ледники.

На каждом объекте мониторы и помощники Лайбрериан воссоздавали уникальные экологические системы на внутренней поверхности каждого кольца.

Ранее я выражал недоумение использованием Гало для поддержания живых образцов. Но моя сестра-опекун, Биоинженер по имени Килоикс, объяснила, что Лайбрериан оборудовала большую часть Гало живыми экосистемами и даже заполнила их многими видами из различных миров, что были собраны за последние несколько веков и теперь помещены на большом круге «Ковчеха». Она надеялась сохранить многие виды на самих Гало, но Мастер-Билдер после согласования своего плана с Советом решил, что было бы полезно изучить захваченные образцы Потопа на Гало прежде, чем они будут уничтожены, конечно, принеся в жертву группы некоторых образцов жизни.

Я не мог понять, как состоялся союз Лайбрериан с Мастер-Билдером, но восхищался ее толерантностью. Она казалась мне превосходной во всех отношениях. И теперь, когда я был здесь...

Что-то вроде Диакта... хотя и не *он*.

Когда кончился день и плазма начала угасать серо-пепельным светом, стало очевидно, что небо по-прежнему заполнено опасностью. В битве у Столицы только одна установка пережила переход через портал не разрушившись, и теперь она вращается справа от меня, видимая через зеленую стену папоротников. Ее внутренняя поверхность сильно пострадала, и поэтому в настоящее время с нее извлекали немногие оставшиеся образцы жизни. Новая экосистема находилась в стадии подготовки для портирования.

Обломки, которым удалось пройти через портал, по-прежнему угрожали этой необычной конструкции. В темноте это было достаточно легко

рассмотреть. Множество малых и средних судов патрулировали поля обломков, отбрасывая крошечные блики в разноцветном тумане, который напомнил мне облака звездной пыли в Комплексе Ориона.

Но дымка не была создана звездами. Это была смертельная пелена большой, финальной битвы, первой гражданской войны предтечей. Она была наполнена искореженными фрагментами разрушенных колец, частями разбитых кораблей, сумасшедшими и поврежденными мониторами и, конечно, замороженными трупами сотен тысяч предтечей.

День за днем я гулял в чаще леса, изучая меньших братьев — бронированных трилобитов, имеющих сине-зеленые фонарики над своими маленькими глазками, любезно освещающих мне дорогу в лесных дебрях.

Ночь за ночью я наблюдал кольца, испускающие время от времени спицы твердого света. Ожидающие.

Когда-то это смертельная энергия колец предназначалась для удара, последнего удара. Вряд ли они будут деактивированы. Сейчас это казалось очень маловероятным.

Прошло двадцать дней, двадцать циклов суточной плазмы. Я исцелился. От моей няни Килоикс я узнал, что мои товарищи также исцелены. Но прежде чем мы воссоединились, было устроено другое воссоединение.

Настало время встретиться с Лайбрериан.

— Она ждет тебя, — сказала Килоикс.

Я последовал за ней.

От пятого лепестка транспорт понес меня к основной части «Ковчега», к изящной структуре чуть ниже башни, которая поставляла плазму в искусственную звезду.

Здесь, перед входом, Биоинженер старшей третьей формы, облаченная в броню еще более древнего дизайна, чем доспехи Дидакта, провела тщательную инспекцию. Она критически меня осмотрела и попросила ответить на три вопроса.

Я ответил на все. Правильно.

Она смотрела на меня со странным выражением озабоченности.

— Я просто его бледный двойник, — сказал я. — Я не интегрирован полностью.

— Да, но у вас есть *его* отпечаток, — сказала она. — Пожалуйста, не разочаруйте ее. Она чувствует себя виновной в том, что с вами произошло.

— Почему?

— Она прервала путь вашего собственного развития.

— Я сделал этот выбор сам, — сказал я.

— Нет, Бонстелар, вы согласились, частично. Это был ваш выбор, но вы не знали последствий.

— Я вернусь, когда моя миссия будет закончена.

— Эя, — сказала Биоинженер. — Это будет день радости и печали для нас всех. Мы чтим наших Биоскульпторов выше всех предтечей, а Лайбрериан выше всех Биоскульпторов. Она наш свет и наш гид. И она

жаждала этой встречи в течение тысячи лет. Но не таким образом. Если только...

Но она не договорила то, о чем подумала.

Она взяла меня за руку и повела через большие арочные двери, в основание каплевидного здания. Лифт доставил нас в просторное помещение, покрытое изогнутыми навесами. Свет здесь был сине-зеленый. Пространство было заполнено образцами из разных миров нашей галактики.

И в проходе между стеллажами я увидел Лайбрериан, проверяющую своих подопечных.

Моя жена.

Здесь она не носила доспехов. Она была со своими детьми и знала, что никто из них никогда не причинит ей никакого вреда.

Она сделала паузу и медленно пошла ко мне. Насмешливые глаза, лицо с выражением радости и боли... И такая *молодая*.

Вечно молодая. Но она была старше меня, то есть, конечно, старше Дидакта, на одиннадцать тысяч лет.

— Вы так похожи, — прошептала она, когда мы вышли навстречу друг другу. Ее голос был как сладкий вздох ветра. — Так похожи...

Я потянулся к ней.

— Я передаю приветствия от Дидакта, — сказал я, чувствуя неловкость положения, понимая, что несу его воспоминания, и все же желая быть честным и соблюдать приличие в этой ситуации.

— Передай мне *свое* собственное приветствие, — ответила она, прислонившись головой к моим ладоням. — Ты *это* он.

— Я просто...

— Не говорите сейчас *его* словами, — грустно настаивала она.

Я этого не ожидал. Мои эмоции вырвались наружу, и я схватил ее в объятия... не понимая... не заботясь о последствиях.

Я был с моей женой. Я был дома. Эя!

— Как я могу быть одновременно собой и им? — спросил я, когда мы обнялись. Я смотрел на ее красивое бледно-розовое лицо, чувствуя тепло ее кожи, прикосновения ее бесконечно нежных рук.

— Дидакт *здесь*, — сказала она. — Дидакта нет.

Она обхватила мое лицо своими прохладными руками и посмотрела вниз:

— Он отказались дать Фаберу ключи, чтобы активировать всех анцилл класса «Претендент». Он отказались дать ему расположение всех Мир-Щитов. Мастер-Билдер казнил его на планете сан'шум. Теперь ты все, что у меня есть.

— Ты все, что у *нас* есть!

Глава 42.

Любовь предтечей сладка сверх всякой меры. Я провел прекрасное время со своей женой, прежде чем мы снова расстались.

Она показала мне свою работу, которую проделала в течение нескольких веков. Все формы жизни, которые она могла найти и собрать, готовясь спасти то, что могли уничтожить установки Мастер-Билдера. Я видел животный и растительный мир — формы жизни, странные и красивые, страшные и уродливые, простые и сложные, огромные и маленькие, и это лишь небольшая выборка из триллионов различных видов, большинство из которых в настоящее время хранится на «Ковчеге» и на том, что осталось от массива Гало.

Все живые существа были каталогизированы, составлены их генетические карты.

Другие Гало, если они выжили в битве, нам придется разыскивать. Установок, находящихся близ «Ковчег», недостаточно, чтобы выполнить план Мастер-Билдера по спасению галактики от Потопа. В свое время я готовил план обороны, который отстаивал тысячу лет назад, — мои Мир-Щиты. Я хотел бы убедиться в их боеспособности, если, конечно, Мастер-Билдер не уничтожил их.

Но времени было очень мало. Мы до сих пор не имели связи со Столицей нашего мира. Весь спектр пространства скольжения был в смятении, и на восстановление его могут уйти годы.

Другие дела ожидали меня — мой долг и личные обязательства. После моего возрождения на Эрде-Тайрин я подтвердил все свои подозрения. Лайбрериан дала людям глубокую память о своей истории, которая должна пробудиться, когда придет время. «Высшие интеллектуальные виды, — сказала она мне, — не могут существовать без глубоких воспоминаний».

Где-то в памяти людей лежит наша последняя надежда победить Потоп, который продолжает пожирать мир за миром. Потоп в более отвратительных формах и проявлениях, чем это было десять тысяч лет назад.

Более сложный, более хитрый. Более жизнеспособный.

А вскоре Потоп может приобрести и нового Учителя, если мы не будем действовать быстро и если не сможем найти потерянную установку и бывшего пленника.

Десять тысяч лет назад на Чарум Хакор, прежде чем я опять закрыл его клетку, на древнем языке Дигон пленник сказал мне:

Мы с тобой еще встретимся...

Я — последний из тех, кто создал вас.

Я — тот, кто вдохнул в вас жизнь миллионы лет назад.

*Я — последний из тех, против кого вы восстали
И кого безжалостно уничтожали.
Я — последний прекурсор!
И мой ответ не за горами!*